З. ГИППІУСЪ.

СИНЯЯ КНИГА

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ДНЕВНИКЪ.

1914 — 1918.

БѢЛГРАДЪ
1929.

Печатается въ количествѣ 2.000 экземпляровъ.

Портретъ автора съ фотографіи, снятой въ 1928 г. въ Бѣлградѣ.

Обложка работы Б. А. Блезе.

Типографія Раденковича. Бѣлградъ.

О СИНЕЙ КНИГѢ

Эта книга — первая половина моего Дневника, „Современной Записи“, которая велась въ Петербургѣ въ годы войны и революціи. Часть, здѣсь напечатанная (Авг. 14 г. — Ноябрь 17), уже въ началѣ 18 г. не находилась въ СПБ-гѣ, и затѣмъ втеченіе 8-9 лѣтъ считалась погибшей. Такъ, какъ и погибла вторая половина, — годы 18 и 19, — другимъ лицомъ и въ другомъ направленіи тоже увезенная изъ Петербурга.

Самый конецъ „Записи“, послѣдніе мѣсяцы 19 года, — (отрывочныя замѣтки на блокнотѣ) — оставался при мнѣ и отправился со мною, въ моемъ карманѣ, заграницу, когда мы туда бѣжали. Эти замѣтки вошли въ книгу „Царство Антихриста“, изданную по русски, по нѣмецки и по французски въ 21 г.

Въ предисловіи къ замѣткамъ я упоминаю о гибели двухъ первыхъ частей Дневника. Шли годы; сомнѣваться въ этой гибели не приходилось. Можно себѣ представить, какъ насъ поразило неожиданное возвращеніе одной изъ частей „Записи“ — первой. Но, надо сказать, еще болѣе поразило меня содержаніе рукописи. Читать собственный отчетъ о событіяхъ (и какихъ!) собственный, но *десять лѣтъ не видѣнный* — это не часто доводится. И хорошо, пожалуй, что не часто. „Если ничего не забывать, такъ и

жить было бы нельзя", сказалъ мнѣ другъ, въ видѣ утѣшенія, заставъ меня за первымъ перечитываньемъ этого длиннаго, скучнаго и... *страшнаго* отчета. Да, забвенье намъ послано какъ милосердіе. Но всѣ-ли мы, всегда-ли, имѣемъ право стремиться къ нему и пользоваться имъ? А что, если зачеркивая, измѣняя, посредствомъ забвенья, прошлое, отвертываясь отъ него и *отъ себя въ немъ* — мы лишаемся и своего будущаго?

Вопросъ о печатаніи этой потерянной и возвращенной рукописи долго оставался для меня вопросомъ. Не рано-ли? Давность только десятилѣтняя... Но это, какъ разъ, говорило въ пользу напечатанья Дневника. Вѣдь онъ — только запись одного изъ тысячи наблюдателей прошлаго. Пусть запись добросовѣстная, пусть наблюдательный пунктъ выгоденъ, — неточности, невѣрности, фактическія ошибки неизбѣжны. Черезъ 50 лѣтъ ихъ некому было бы поправить, тогда какъ теперь, когда живы еще многіе свидѣтели тѣхъ-же событій, — даже участники, — они всегда могутъ, указаніемъ на то или другое искаженіе дѣйствительности, содѣйствовать возстановленію ея подлиннаго образа.

Однако, именно „живые люди" и усложняли вопросъ. Печатать Дневникъ имѣло смыслъ лишь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ написанъ, безъ малѣйшихъ современныхъ поправокъ (даже стиля), устранивъ только все чисто-личное (его было немного) и вычеркнувъ нѣкоторыя имена. Но вычеркнуть другія всѣ (тогда ужъ и мое) — значило-бы зачеркнуть Дневникъ. Между тѣмъ я знаю: большинство людей не любитъ, боится лишняго взгляда на прошлое, особенно на *себя* въ немъ. А вдругъ увидишь тамъ что нибудь по новому, вдругъ *придется* осознать свою ошибку? Нѣтъ, лучше — подъ „крыло забвенья"... Это очень человѣческое чувство, почти никто отъ него не свободенъ, — ни я, конечно. Мнѣ тоже тяжело наше прошлое, когда оно слишкомъ живо вспомнится, слишкомъ близко подступитъ. Въ данномъ, частномъ, случаѣ — и для меня Дневникъ мой не всегда пріятное зеркало: при-

ходится, вѣдь, отвѣчать не за одну главную внутреннюю линію (за нее я безъ труда отвѣчаю), но также и за ребяческія наивности, скорые суды, „самодѣльныя" политическія разсужденія и т. д. Да еще сознавать, что если не было какихъ нибудь ошибокъ серьезныхъ, фатальныхъ, то лишь потому, можетъ быть, что и „дѣйствій" не было...

Но, побѣждая свою боязнь прошлаго, не считаясь съ ней въ себѣ, *имѣю-ли я право* считаться съ ней въ другихъ? Какъ я смѣю рѣшать, что другіе, даже въ этомъ маленькомъ случаѣ, не найдутъ въ себѣ силы бросить взглядъ на свое прошлое, сказать ему новое „да" или новое „нѣтъ"?

Я и не рѣшаю этого. То-есть, рѣшаю, печатая Дневникъ, заботиться о людяхъ, тамъ упоминаемыхъ, не больше, чѣмъ о себѣ. Я не обманываю себя: тѣ кто страха — даже передъ самой малой частицей *правды*, — преодолѣть не могутъ, — станутъ моими врагами. Это всегда такъ бываетъ. А частица правды въ Дневникѣ моемъ есть; о ней только я и думаю, и вѣрю: кому нибудь она нужна.

Жизнь, какъ уже сказано, поставила насъ (меня и Д. С. Мережковскаго) въ положеніе близкое къ событіямъ и нѣкоторымъ людямъ, принимавшимъ въ нихъ участіе. Среда петербургской интеллигенціи была намъ хорошо извѣстна. Кое-кто изъ вернувшихся, послѣ февраля, эмигрантовъ — тоже. И географически положеніе наше было благопріятно: вѣдь именно въ Петербургѣ зарождались и развивались событія. Но даже въ самомъ Петербургѣ наша географическая точка была выгодна: мы жили около Думы у рѣшетки Таврическаго Сада.

Все остальное выяснится изъ самой книги. Скажу еще только вотъ что: пусть не ждутъ, что это „Книга для легкаго чтенія". Совсѣмъ не для легкаго. Дневникъ — не

стройный „разсказъ о жизни“, когда описывающій сегодняшній день уже *знаетъ* завтрашній, знаетъ, чѣмъ все кончится. Дневникъ — само *теченіе жизни*. Въ этомъ отличіе „Современной Записи“ отъ всякихъ „Воспоминаній“, и въ этомъ ея особыя преимущества: она воскрешаетъ атмосферу, воскрешая исчезнувшія изъ памяти мелочи.

„Воспоминанія“ могутъ дать образъ времени. Но только Дневникъ даетъ время въ его длительности.

З. Н. Гиппіусъ.

1 Августа. С.-Петербургъ. 1914. (Стиль старый).

Что писать? Можно ли? Ничего нѣтъ, кромѣ одного — *война!*

Не японская, не турецкая, а міровая. Страшно писать о ней мнѣ, здѣсь. Она принадлежитъ всѣмъ, исторіи. Нужна ли обывательская запись?

Да и я, какъ всякій современникъ — не могу ни въ чемъ разобраться, ничего не понимаю, ошеломленіе.

Осталось одно, если писать — простота.

Кажется, что все разыгралось въ нѣсколько дней Но, конечно, нѣтъ. Мы не вѣрили потому, что не хотѣли вѣрить. Но если бы не закрывали глазъ...

Меня, въ предпослѣдніе дни, поражали петербургскіе безпорядки. Я не была въ городѣ, но къ намъ на дачу пріѣзжали самые разнообразные люди и разсказывали, очень подробно, сочувственно... Однако, я ровно ничего не понимала, и чувствовалось, что разсказывающій тоже ничего не понимаетъ. И даже было ясно, что сами волнующіеся рабочіе ничего не понимаютъ, хотя разбиваютъ вагоны трамвая, останавливаютъ движеніе, идетъ стрѣльба, скачутъ казаки.

Выступленіе безъ повода, безъ предлоговъ, безъ лозунговъ, безъ смысла... Что за чепуха? Противъ французскихъ гостей они, что-ли? Ничуть. Ни одинъ не могъ объяснить, въ чемъ дѣло. И чего онъ хочетъ. Точно они

по чьему-то формальному приказу били эти вагоны. Интеллигенція только ротъ раскрывала — на нее это, какъ іюльскій снѣгъ на голову. Да и для всѣхъ подпольныхъ революціонныхъ организацій, очевидно.

М. пріѣзжалъ взволнованный, говорилъ, что это „органическое“ начало революціи, а что нѣтъ лозунговъ — виновата интеллигенція, ихъ не дающая.

А я не знала, что думать. И не нравилось мнѣ все это, — сама не знаю, почему.

Вѣроятно, рѣшилась, безсознательно понялась близость неотвратимаго несчастія съ выстрѣла Принципа.

Мы стояли въ саду, у калитки. Говорили съ мужикомъ. Онъ растерянно лепеталъ, своими словами, о приказѣ приводить лошадей, о мобилизаціи... Это было задолго до 19 іюля. Соня слушала молча. Вдругъ махнула рукой и двинулась:

— Ну, — словомъ, — бѣда!

Въ этотъ моментъ я почувствовала, что кончено. Что дѣйствительно — бѣда. Кончено.

А потомъ опять робкая надежда — вѣдь нельзя: Невозможно! Невообразимо!

За нѣсколько дней почти всѣ наши уѣхали въ городъ. Должны были вернуться вмѣстѣ въ субботу, къ намъ. Намъ предстояли очень важные разговоры, можетъ быть — рѣшенія...

Но утромъ въ субботу явилась Т. — одна. „Я за вами. Поѣдемте въ городъ сегодня“. „Зачѣмъ?“ „Громадныя событія, война. Надо быть всѣмъ вмѣстѣ“. „Тѣмъ болѣе, отчего же вы не пріѣхали всѣ?“ „Нѣтъ, надо быть со всѣми, народъ ходитъ съ флагами, подъемъ патріотизма...“

Въ эту минуту — уже помимо моей воли — рѣшилась моя позиція, мое отношеніе къ событіямъ. То есть коренное. Быть съ несчастной, непонимающей происходящаго, толпой, заражаться ея „патріотическими“ хожденіями по улицамъ, гдѣ еще не убраны трамваи, которые она громила въ другомъ, столь-же неосмысленномъ „подъемѣ“?

Быть щепкой въ потокѣ событій? Я и не имѣю права сама одуматься, для себя осмыслить, что происходитъ? Зачѣмъ же столько лѣтъ мы искали сознанія и открытыхъ глазъ на жизнь?

Нѣтъ, нѣтъ! Лучше, въ эти первыя секунды, — молчаніе, покровъ на голову, тишина.

Но всѣ уже сошли съ ума. Двинулась Сонина семья съ дѣтьми и старой теткой Олей. Неистовствовалъ Вася-депутатъ.

И мы поѣхали сюда, въ Петербургъ. На автомобилѣ.

Неслыханная тяжесть. И внутреннее оглушеніе. Разрывъ между внутреннимъ и внѣшнимъ. Надо разбираться параллельно. И тихо.

Присоединеніе Англіи обрадовало невольно. „Она" будетъ короче...

Сейчасъ Европа въ пламенномъ кольцѣ. Россія, Франція, Бельгія и Англія — противъ Германіи и Австріи...

И это только пока. Нѣтъ, „она" не будетъ короткой. Напрасно надѣются...

Смотрю на эти строки, написанныя моей рукой, — и точно я съ ума сошла. Міровая война!

Сейчасъ главный бой на западѣ. Наша мобилизація еще не закончена. Но уже милліоны двинуты къ границамъ. Всякія сообщенія съ міромъ прерваны.

Никто не понимаетъ, что такое война, — во-первыхъ. И для насъ, для Россіи, — во-вторыхъ. И я еще на понимаю. Но я чую здѣсь ужасъ безпримѣрный.

2 Августа.

Одно, что имѣетъ смыслъ записывать — мелочи. Крупное запишутъ безъ насъ.

А мелочи — тихія, притайныя, всѣ непонятныя. Потому что въ корнѣ-то лежитъ Громадное Безуміе.

Всѣ растерялись, всѣ „мы", интеллигентные словесники. Помолчать бы, — но половина физіологически зара-

зилась безсмысленнымъ воинственнымъ патріотизмомъ, какъ будто мы „тоже“ Европа, какъ будто мы *смѣемъ* (по совѣсти) быть патріотами просто... Любить Россію, если дѣйствительно, — то нельзя, какъ Англію любитъ англичанинъ. Тяжкій молотъ наша любовь... настоящая.

Что такое отечество? Народъ или государство? Все вмѣстѣ. Но, если я ненавижу *государство* россійское? Если оно — противъ моего народа на моей землѣ?

Нѣтъ, рано объ этомъ. Молчаніе.

Въ лѣтнемъ Петербургѣ почти никого не было. Но быстро начали съѣзжаться, стекаться.

То тамъ, то здѣсь собираемся. Большинство политиковъ и политиканствующихъ интеллигентовъ (у насъ вѣдь, всѣ политики) такъ сбились съ панталыку, что городятъ мальчишескій вздоръ. Явно, всего ожидали — только не войны. Какъ-то вечеромъ собрались у Славинскаго. Народу было порядочно. Карташевъ, со своими славянофильскими склонностями, очень былъ въ тонѣ хозяина.

Впрочемъ, не обошлось и безъ нашего „русскаго“ вопроса: желать ли побѣды... самодержавію? Вѣдь мы вѣчно отъ этой печки танцуемъ (да и нельзя иначе, мы должны!). Военная побѣда — укрѣпитъ самодержавіе... Приводились примѣры... вѣрные. Только... не безпримѣрно-ли то, что сейчасъ происходитъ?

Говорили всѣ. Когда очередь дошла до меня, я сказала очень осторожно, что войну по существу, какъ таковую, отрицаю, что всякая война, кончающаяся полной побѣдой одного государства надъ другимъ, надъ другой страной, носитъ въ себѣ зародышъ новой войны, ибо рождаетъ національно-государственное озлобленіе, а каждая война отдаляетъ насъ отъ того, къ чему мы идемъ, отъ „вселенскости“. Но что, конечно, учитывая реальность войны, я желаю сейчасъ побѣды союзниковъ.

Керенскій, который стоялъ направо, рядомъ со мною и говорилъ тотчасъ послѣ меня, подхватилъ эту „вселенскость“ (упорно говоря „вселенность“) и, съ обычной нервностью своей, сказалъ приблизительно то же и такъ же

кончилъ „за союзниковъ". Но видно, что и онъ еще въ полнотѣ своей позиціи не нашелъ. Военная зараза къ нему пристать не можетъ, просто потому, что у него не та физіологія, онъ слишкомъ революціонеръ. А я начинаю прощупывать, что тутъ какое-то „или-или"... Впрочемъ, рано, потомъ.

Но, конечно, Керенскій не угнетенъ той многосложнѣйшей задачей разрѣшить свое отношеніе къ войнѣ, какая стоитъ передъ иными изъ насъ. Революція и война — это все още только одна изъ полярностей...

Очень важная, однако. Керенскій не очень уменъ, но чѣмъ то онъ мнѣ всегда былъ особенно понятенъ и пріятенъ, со всѣмъ своимъ мальчишески-смѣлымъ задоромъ.

Да, а для насъ еще пора молчанія... И какъ жаль, что Карташевъ уже безъ оглядки внесся въ войну, въ проклятія нѣмцамъ, въ карту австрійскихъ славянъ...

Мой неизмѣнный Архипъ Бѣлоусовъ (мужикъ-рабочій) мнѣ пишетъ: „душа моя осталась верна себе, я только не вольно покорюсь войне, что дѣйствительно нада". (Онъ полу-толстовецъ, интересный, начитанный фантазеръ).

Швейцаръ нашъ говоритъ женѣ: „что-жъ подѣлаешь, дѣло обчее, на всѣхъ врагъ пошелъ, всѣхъ защитить надо".

Володя-студентъ перешагнулъ черезъ горе матери: „да, это эгоизмъ, но я все равно пойду, не могу не итти", — и уѣхалъ вчера съ преображенцами.

Писатели всѣ взбѣсились. К. пишетъ у Суворина о Германіи: „...надо доканать эту гидру". Всякія „гидры" теперь исчезли, и „революціи", и „жидовства", одна осталась: Германія. Щеголевъ сдѣлался патріотомъ, ничего кромѣ „ура" и „жажды побѣдъ" не признаетъ. Е., который, по его словамъ, всѣ войны отрицаетъ, эту настолько признаетъ, что всѣ пороги обилъ, лишь бы „увидѣть на себѣ прапорщичій мундиръ". (Не берутъ, за толщину, вѣрно!).

Тысячи возвращающихся съ курортовъ черезъ Швецію создали въ газетахъ особую рубрику: „Германскія звѣрства". Возвращенія тяжкія, непередаваемыя, но... кто осуждаетъ? Тысячными толпами текутъ евреи. Одинъ, изъ Торнео, руку показывалъ: нѣтъ пальца. Ему оторвали его не нѣмцы, а русскіе — на погромѣ. Это — что? Или евреи не были безоружны? А если и мы звѣри... кому передъ кѣмъ кичиться?

Впрочемъ, теперь и Пуришкевичъ признаетъ евреевъ и руку жметъ Милюкову.

Волки и овцы строятся въ одинъ рядъ, нашли третьяго, кого ѣсть.

Эта война... Почему вообще война, всякая, — зло, а только эта одна — благо?

Никто не знаетъ. Я вѣрю, что многіе такъ чувствуютъ. Я, нѣтъ. Да и мнѣ все равно, что я чувствую. То есть я не имѣю права ни слова ей, войнѣ, сказать пока *только* чувствую. Я не вѣрю чувствамъ: они не заслуживаютъ словъ, пока не оправданы чѣмъ-то высшимъ. И не закрѣплены правдой.

Впрочемъ, не надо объ этомъ. Проще. Идетъ организованное самоистребленіе, человѣкоубійство. „Или всегда можно убить, или никогда нельзя". Да, если нѣтъ исторіи, нѣтъ движенія, нѣтъ свободы, нѣтъ Бога. А если все это есть — такъ сказать нельзя. Должно каждому данному часу исторіи говорить „да" или „нѣтъ". И сегодняшнему часу я говорю, со дна моей человѣческой души и человѣческаго разума — „нѣтъ". Или могу молчать. Даже лучше вѣрнѣе — молчать.

А если слово — оно только „*нѣтъ*". Эта война — война. И войнѣ я скажу: никогда нельзя, но уже никогда и не надо.

29 Сентября.

Война.

Разрушенная Бельгія (вчера взяли послѣднее — Антверпенъ), бомбы надъ роднымъ Парижемъ, Notre Dame,

наше неясное положеніе со взятой Галиціей и взятыми давно нѣмцами польскими городами, а завтра, быть можетъ, Варшавой... Генеральное сраженіе во Франціи — длится болѣе мѣсяца. Умъ человѣческій отказывается воспринимать происходящее.

„Сниженіе“ нѣмцевъ, въ смыслѣ ихъ всесокрушающей ярости, не подлежитъ сомнѣнію. Реймсъ, Лувенъ... да что это передъ *красной* водой рѣкъ, передъ кровью, буквально стекающей со ступеней того же Реймскаго собора?

Какъ дымовая завѣса виситъ ложь всѣмъ-всѣмъ-всѣмъ и натуральное какое-то озвѣрѣніе.

У насъ въ Россіи... странно. Трезвая Россія — по манію царя. По манію же царя Петербургъ великаго Петра — провалился, разрушенъ. Худой знакъ! Воздвигнутъ нѣкій Никоградъ — по казенному „Петроградъ“. Толстый царедворецъ Витнеръ подсунулъ царю подписать: патріотично, молъ, а то что за „бургъ“, по нѣмецки (!?!).

Худо, худо въ Россіи. Наши счастливые союзники не знаютъ боли раздирающей, въ эти всѣмъ тяжкіе дни, самую душу Россіи. Не знаютъ и, безпечные, узнать не хотятъ, понять не хотятъ. Не могутъ. Тамъ на Западѣ, ни народу, ни правительству не стыдно сближаться въ этомъ, уже *неоходимомъ*, общемъ безуміи. А мы! А намъ!

Тутъ мы покинуты нашими союзниками.

Господи! Спаси народъ изъ глубины двойного несчастія его, тайнаго и явнаго!

Я почти не выхожу на улицу, мнѣ жалки эти, уже подстроенныя, „патріотическія“ демонстраціи съ хоругвями, флагами и „патретами“.

30 Сентября.

Главное ощущеніе, главная атмосфера, что бы кто ни говорилъ, — это непоправимая тяжесть несчастія. Люди такъ невмѣрно, такъ невмѣстимо жалки. Не заслоняетъ

этого историческая грандіозность событій. И всѣ люди правы, хотя всѣ въ разной мѣрѣ виноваты.

Сегодня извѣстія плохи, а умолчанія еще хуже. Вечеромъ слухи, что германцы въ 15 верстахъ отъ Варшавы. Жителямъ предложено выѣхать, телеграфное сообщеніе прервано. Говорятъ — нашъ фронтъ тонокъ. Варшаву сдадутъ. Польша несчастная, какъ Бельгія, но тоже не однимъ, а двумя несчастіями. У Бельгіи цѣла душа, а Польша распята на двухъ крестахъ.

Мало вѣрятъ у насъ главнокомандующему — Ник. Ник. Романову. Знаменитую его прокламацію о „возрждені и Польши" писали ему Струве и Львовъ (редактировали).

Царь ѣздилъ въ дѣйствующую армію, но не проронилъ ни словечка. О, это нашъ молчальникъ извѣстный, нашъ „charmeur", со всѣми „согласный" — и никогда ни съ кѣмъ!

Убили сына К. Р. — Олега.

Я подло боюсь матерей, тѣхъ, что ждутъ все время вѣсти о „павшемъ". Кажется онѣ чувствуютъ каждый проходящій мигъ: цѣпь мгновеній сквозь душу продергивается, шершаво шелестя, цѣпляясь, медленно и замѣтно.

Ѣдкая мгла все лѣто нынче стояла надъ Россіей, до Сибири — отъ непрерывныхъ лѣсныхъ и торфяныхъ пожаровъ. Къ осени она порозовѣла, стала еще болѣе ѣдкой и страшной. Ѣдкость и розовость ея тутъ, день и ночь.

Москва въ повальномъ патріотизмѣ, съ погромными нотками. Петербургская интеллигенція въ растерянности, работѣ и враждѣ. Общее насчастіе не соединяетъ, а ожесточаетъ. Мы всѣ понимаемъ, что надо смотрѣть проще, но сложную душу не усмиришь и не урѣжешь насильно.

14 Декабря.

Люблю этотъ день, этотъ горькій праздникъ „первенцевъ свободы". Въ этотъ день пишу мои рѣдкіе стихи.

Сегодня написался „Петербургъ“. Ужъ очень мнѣ оскорбителенъ „Петроградъ“, созданіе „растерянной челяди, что, властвуя, сама боится насъ...“ Да, но „близокъ ли день“, когда „возстанетъ онъ“ —

... Все тотъ же, въ ризѣ дѣвственныхъ ночей,
Во влажномъ визгѣ вѣтренныхъ раздолій
И въ бѣлоперистости вешнихъ пургъ,
Созданье революціонной воли —
Прекрасно-страшный Петербургъ...?“

Но это грѣхъ теперь — писать стихи. Вообще, хочется молчать. Я выхожу изъ молчанія, лишь выведенная изъ него другими. Такъ, въ прошломъ мѣсяцѣ было собраніе Рел.-Фил. Общества, на кототомъ былъ мой докладъ о войнѣ. Я говорила вообще о „Великомъ Пути“ исторіи (съ точки зрѣнія всехристіанства, конечно), объ историческихъ моментахъ, какъ ступеняхъ — и о данномъ моментѣ, конечно. Да, что война — „сниженіе“, *) это для меня теперь ясно. Я ее отрицаю не только метафизически, но исторически... т. е. моя метафизика исторіи ее, какъ таковую, отрицаетъ... и лишь *практически* я ее признаю. Это, впрочемъ, очень важно. Отъ этого я съ правомъ сбрасываю съ себя глупую кличку „пораженки“. На войну нужно итти, нужно ее „принять“... но принять — корень ея отрицая, не затемняясь, не опьяняясь; не обманывая ни себя ни другихъ — не „снижаясь“ внутренно.

Нельзя не „снижаясь?“ Вздоръ. Если *мы* потеряемъ сознаніе, — всѣ и такъ полусознательные — озвѣрѣютъ.

Да, это отправная точка. Только! Но непремѣнная.

Были горячія пренія. Ихъ перенесли на слѣдующее засѣданіе. И тамъ то-же. Упрекали меня, конечно, въ отвлеченности. Карташевъ моими-же „воздушными ступенями“

---

*) Слово, которое теперь такъ любятъ большевики, беря его въ „товарномъ“ смыслѣ, было употреблено мною впервые, въ этомъ докладѣ, и обозначала внутреннее, духовное паденіе пониженіе уровня человѣческой морали.

Примѣчаніе 1927 г.

корилъ, по которымъ я не совѣтовала какъ разъ ходить. Это пусть! Но онъ сказалъ ужасную фразу: если не принять войны *религіозно*..."

Меня поддерживалъ, какъ всегда, М. и, мой большой единомышленникъ по войнѣ и анти-національному (зоологическому) — Дмитрій *).

Сложный вопросъ Россіи, конечно, вставалъ очень остро...

Эти два засѣданія опять показали, какъ безсмысленно въ концѣ концовъ, „болтать" о войнѣ. Что знаешь, что думаешь — держи про себя. Особено теперь, когда такъ остро, такъ больно... Такая вражда. Боже, но съ какимъ безотвѣтственнымъ легкомысліемъ кричатъ за войну, какъ безумно ее оправдываютъ! Какую тьму сгущаютъ въ грядущемъ! Нѣтъ, теперь нужно

— „Лишь цѣломудріе молчанія —
И, можетъ быть, тихія молитвы..."

1 Апрѣля, 1915.

Не было силъ писать. Да и теперь нѣтъ. Война длится. Варшаву нѣмцы не взяли, отрѣзали полъ-Польши. А мы у австрійцевъ понабрали городовъ и крѣпостей. И наводимъ тамъ самодержавные порядки. Дарданеллы бомбардируются союзниками.

Нигдѣ ничего нѣтъ, у нѣмцевъ хлѣба, а у насъ — овса и угля (кажется, припрятано).

Эта зима — вся въ глухомъ, безпорядочномъ... даже не волненіи, а возбужденіи, какомъ-то. Сплетаются, расплетаются интеллигентскіе кружки, борьба и споры, раздѣляются друзья, сходятся враги... Цензура свирѣпствуетъ. У насъ частыя сборища разныхъ „группъ", и кончается это все-таки расколомъ между „пріемлющими" войну „до побѣды" (съ лозунгомъ „все для войны", даже до Пуриш-

*) Д. С. Мережковскій.

кевича и далѣе) — и „непріемлющими“, которые, однако, очень разнообразны и часто лишь въ этомъ одномъ пунктѣ только и сходятся, такъ что дѣйствовать вмѣстѣ абсолютно неспособны.

Да и какъ дѣйствовать? „Пріемлющіе“ рвутся дѣйствовать, помогать „хоть самому черту, не только правительству“, и.. рвутся тщетно, ибо правительство рѣшительно никого никуда не пускаетъ и „честью проситъ“ въ его дѣла носа не совать; никакая, молъ, мнѣ общественная помощь не нужна. А если вы такъ преданы — сидите смирно и нѣмо покоряйтесь, вотъ ваша помощь.

Отвѣчено ясно, а патріоты интеллигентные не унимаются. Даромъ, что все „сѣдые и лысые“.

Отъ сѣдыхъ и лысыхъ я, по воскресеньямъ, перехожу къ самой зеленой молодежи: являются всякіе студенты поэты, студенты просто, гимназисты и гимназистки, всякіе мальчики и дѣвочки.

Поэзію я слушаю, но не поощряю, а хочу понять, какъ они къ *жизни* относятся, и навожу ихъ на споры о войнѣ и политикѣ, — ничуть ихъ не поучая, впрочемъ. Мнѣ интересно, что они сами думаютъ, какіе они есть, а педагогика всякая мнѣ скучна до послѣдней степени. Смотрю — пока мнѣ любопытно, люблю умныхъ и настоящихъ, и равнодушно забываю ненужныхъ.

Отношеніе къ войнѣ у многихъ очень хорошее, трезвое, свѣжее, сознательное.

О, война! Тяжесть и утомленіе міра неописуемы. *Такого* въ исторіи мы еще не видали.

Нѣмцы ничего не взяли, кромѣ Бельгіи. И куска Польши. Невозможенъ міръ... но и война тоже?

28 Апрѣля.

Глупо здѣсь писать о войнѣ, о томъ, что пишутъ газеты.

А газеты, притомъ, врутъ отчаянно. Положеніе такое, что ни у кого, кажется, нѣтъ кусочка души нераненой.

Какъ будто живешь, какъ будто „пьеса“ да „пресса“, а въ сущности Фата-Моргана.

Но я заставляю себя коснуться и Фата-Морганы, чтобы отдохнуть отъ газетно-протокольнаго.

Вотъ хотя бы исторія моей пьесы „Зеленое Кольцо“ въ Александринкѣ. Вѣдь все было готово для ея постановки, директоръ одобрилъ, Мейерхольдъ началъ работу, какъ вдругъ... профессора изъ Москвы признали ее безнравственной! Чтобы пройти офиціальный этапъ — Литературный Комитетъ — и пройти съ деликатностью (въ здѣшнемъ сидитъ Дмитрій), я послала ее въ Московскій Комитетъ. И тамъ, всячески расхваливъ пьесу съ художественной стороны — рѣшили, что она — неморальна, ибо „авторъ отдаетъ предпочтеніе молодымъ передъ пожилыми“. Честное слово! Также то „не морально“, что молодежь читаетъ Гегеля и занимается исторіей!

Ну, тутъ пошелъ скандалъ. Директоръ вытребовалъ этотъ комическій протоколъ. Начали думать, какъ покелейнѣе старичковъ оборвать. Въ это время началась война, все спуталось; я и сама думать забыла о всякихъ пьесахъ. Но передъ Рождествомъ случилась неожиданность. Савина прочитала мою пьесу (ей случайно послалъ Мейерхольдъ) и — возжелала ее играть! Играть Савиной тамъ немного чего было, полу-молодая роль матери, всего въ одномъ дѣйствіи, хотя роль трудная... Чего захотѣла царица Александринки — то законъ! И пьеса пошла. Савина сама очень интересна. Когда я бывала у нея, съ Мейерхольдомъ, или она ко мнѣ пріѣзжала (еще вотъ въ эту пятницу опять была, очень любопытно разсказывала о Тургеневѣ и Полонскомъ), — я старалась, чтобы она не столько о моей пьесѣ говорила, сколько вообще, о себѣ, чтобы проявлялась, такое она талантливо-художественное явленіе. Жалѣю, что мало записывала изъ ея бесѣдъ.

Однако, дотянули премьеру до 18 Февраля. Ей предшествовалъ гамъ въ газетахъ (какъ-же: Мейерхольдъ, Савина, Гиппіусъ — вотъ такъ соединеніе! Муравейнику, при цензурѣ неслыханной, какъ на это не кинуться). Сама

премьера прошла очень обыкновенно, то есть одни въ восторгѣ, другіе въ ненависти, газеты въ неистовствѣ. Савина играла, конечно, не мою героиню, а свою, и, конечно, очень талантливо. Декорація второго акта (засѣданіе „юныхъ") очень хороша: звѣзды въ длинныхъ, черныхъ, зимнихъ окнахъ. Но актеры нервничали, и были лучше на генеральной репетиціи. (Изъ первыхъ — я была всего на одной, на вечерней, съ Блокомъ. Такъ что „кухни" почти не видала).

А на генеральную мы любопытно ѣхали.

Утромъ, — поэтому я, конечно, опаздываю, Дмитрій уѣхалъ раньше, автомобиль тоже опаздываетъ, и мы выходимъ на улицу часу въ первомъ. Садимся въ автомобиль — вдругъ идетъ Керенскій, довольно грустный и кислый (онъ боленъ послѣднюю зиму) — отъ рѣшетки Таврическаго сада, отъ Думы.

— Куда это вы?

Д. В. объясняетъ. А у меня мысль:

— Да поѣдемте съ нами!

Я признаться, вовсе не для пьесы повлекла Керенскаго: онъ какъ-то у насъ находится не въ томъ планѣ жизни, гдѣ пьеса, книги, литература. Совсѣмъ въ другомъ (хотя очень важномъ). Но съ нами ѣхала К. (она, наконецъ, легально была въ Россіи, отвоеванная Д. В. у Бѣлецкаго передъ войной). Какъ же Керенскаго не познакомить съ К., если пока нельзя съ Ел.!

Они, кажется, отлично познакомились.

Пріѣхали въ театръ ко второму дѣйствію. Тамъ пришлось бѣгать за кулисы, туда-сюда, въ антрактѣ даже не помню, видѣла ли Керенскаго.

Домой вернулись усталые, поздно. Звонятъ рецензенты насчетъ билетовъ и всякихъ пустяковъ. Потомъ вдругъ приносятъ букетъ красныхъ цвѣтовъ и записку. Читаемъ всѣ, съ К., — и никакъ не можемъ ни записки прочесть (такія каракули), ни даже понять, отъ кого она. Наконецъ, по теоріи исключенія всѣхъ другихъ возможныхъ, убѣждаемся, что она отъ Керенскаго. Скажите пожалуйста!

Да еще такая восторженная! Впрочемъ, въ немъ есть что-то гимназическое, мальчишеское, въ немъ самомъ, что, должно быть, и мило въ немъ. И это и приблизило къ нему моихъ героевъ „Зеленаго Кольца". А подлинное его революціонство заставило, быть можетъ, почувствовать цензурно-скрытую остроту этой пьесы. — Ну, а записку цѣликомъ, мы такъ и не могли прочесть. Написалъ! „Еще разъ цѣлую Ваши руки — я волновался какъ мальчикъ это (.....) Вы (.....) молодыхъ и взволновали (.....) сколько (?) больного (.....)" Остальные слова — неизслѣдимы.

Отмѣчаю отношеніе Керенскаго потому, что оно было неожиданно; а неистовая злость „старыхъ" и всяческій восторгъ „юныхъ" — какъ по мѣркѣ.

Да, да, все это Фата-Моргана, пустое, несуществующее. Развѣ писать попроще, фактическое содержаніе дней, только? Не удержишься въ этихъ рамкахъ. Вѣдь, кромѣ главнаго центра — вокругъ закишѣли всякіе „вопросы", точно издѣвающіеся: польскій, еврейскій, государственный вообще и въ частности, экономическій вообще и въ частности... (При этомъ замѣчательно, что нѣтъ „русскаго" вопроса. Честное слово нѣтъ, въ его надлежащей постановкѣ).

Въ воскресенье днемъ — наплывъ молодежи. И „Зел. Кольцо", и масса „поэтовъ". Много полу-футуристическихъ (вполнѣ футуристическихъ я не пускаю; они грязны, топотливы и грубы. Еще стащатъ что-нибудь). Потомъ пріѣхалъ Немировичъ-Данченко. Опять театръ!

Вчера — совсѣмъ другой „планъ", куча всякихъ „интеллигентовъ" („сѣдые и лысые" въ большинствѣ). Между прочимъ, Горькій.

Хотятъ новое Англо-Русское О-во создать, *не* консервативное. Я люблю англичанъ, но я такъ ярко понимаю, что они насъ не понимаютъ (и не очень хотятъ), — что какъ-то нѣмѣю при всякомъ сближеніи и замыкаюсь. Что-то вродѣ покорной гордости.

Конечно, изъ этой затѣи О-ва опять ничего не выйдетъ. Ахъ, сколько начатыхъ „дѣлъ" у нашей отстраненной отъ всякихъ дѣлъ интеллигенціи!

Богучарскій смертельно боленъ. Я ему сейчасъ не завидую, но когда онъ умретъ, и привыкнетъ „тамъ“ — о, какъ я ему буду завидовать!

Богучарскій удивительно хорошій человѣкъ. Онъ — „пріемлющій“ войну, онъ одинъ изъ тѣхъ, кто рвался „дѣлать“, помогать Россіи, сжавъ зубы, *несмотря* на правительство, и... дѣланію этому все время правительство мѣшало. Вѣдь даже стариннѣйшее Вольно-Экономическое О-во закрыли!

Москвичи осатанѣли отъ православнаго патріотизма. Вяч. Ивановъ, Эрнъ, Флоренскій, Булгаковъ, Трубецкой и т. д. и т. д. О, Москва, непонятный и часто неожиданный городъ, гдѣ то возстаніе — то погромъ, то декаденство то ура-патріотизмъ, — и все это даже вмѣстѣ, все дико и близко связано общими корнями, какъ Герценъ, Бакунинъ и — Аксаковская славянофильщина.

У насъ цензура сейчасъ — хуже николаевской разъ въ пять. Не „военная“, — общая. Напечатанное мѣсяцъ тому назадъ — перепечатать уже нельзя. Разсказы изъ дѣтской жизни цензуруетъ генералъ Дракке... Очень этиченъ и строгъ.

Скрябинъ умеръ. Многіе, впрочемъ, умерли. Сыновья З. Ратьковой живы, на войнѣ.

Не успѣешь съ кѣмъ нибудь поспорить — онъ ужъ на войнѣ.

Бѣлая ночь глядитъ мнѣ въ глаза. Небо розовое надъ деревьями Таврическаго сада, тихими, острыми. Вотъ-вотъ солнце взойдетъ. Есть на что солнцу глядѣть. Есть намъ что ему показать. А еще говорятъ — „солнцу кровь не велѣно показывать...“

Все время видитъ оно — кровь.

15 Мая.

Все болѣе и болѣе ясныя формы принимаетъ нашъ *внутренній* ужасъ, хотя онъ подъ покрываломъ, и я лишь

слѣпо ощупываю его. Но все-таки я нащупываю, а другіе и притронуться не хотятъ. Едва я открываю ротъ — какъ „реальные“ политики накидываются на меня съ цѣлой тьмой возраженій, въ которыхъ я, однако, вижу роковую тупость.

Да, и до войны я не любила нашу „парламентскую оппозицію“, нашихъ ка-детовъ. И до войны я считала ихъ умными, честными... простофилями, „благородными иностранцами“ въ Россіи. Чтобы вести себя „по-европейски“, — и чтобы это было кстати, — надо позаботиться устроить Европу... Но что я думала до войны — это неважно, да неважны и мои личныя симпатіи. Я говорю о теперешнемъ моментѣ и думаю о кадетахъ, о нашей вліятельной думской партіи, съ точки зрѣнія *политической цѣлесообразности*. Я сужу ихъ линію поведенія, насколько могу объективно и — увы — начинаю видѣть ошибки фатальныя.

Лозунгъ „все для войны!“ можетъ, при извѣстной совокупности обстоятельствъ, звучать прежде всего, какъ лозунгъ: „ничего для побѣды!“ Да, да, это кажется дико, это то, чего никогда не поймутъ союзники, ибо это *русскій языкъ*, но... какъ русскіе не понимаютъ?

Боюсь, что и я этого... не хочу до конца понять. Ибо — какой же выводъ? Гдѣ выходъ? Вѣдь революція во время войны — помимо того, что она невозможна, — какъ осмѣлиться желать ее? Мнѣ закрываютъ этимъ ротъ И значитъ, говорятъ далѣе, — думать только о войнѣ. вести войну, не глядя, съ кѣмъ ради нея соединяешься, не думая, что ты помогаешь правительству, а считая, что правительство тебѣ помогаетъ... Оно плохо? Когда пожаръ — хватай хоть дырявую пожарную кишку, все-таки помощь...

Какія слова-слова-слова! Страшно, что они такія искреннія — и такія фатально-ребяческія! Мы двинуться не можемъ, мы другъ къ другу руки не можемъ протянуть, чтобы по пальцамъ не ударили, и тутъ „считать“, что „мы“ ведемъ войну („народъ!“) и только беремъ снисхо-

дительно помощь отъ царя. Кого обманываютъ? Себя, себя!

Народъ ни малѣйшей войны не ведетъ, онъ абсолютно ничего не понимаетъ. А мы абсолютно ничего ему не можемъ сказать. Физически не можемъ. Да если-бъ вдругъ, сейчасъ, и смогли... пожалуй, не сумѣли бы. Столѣтія раздѣлили насъ не плоше Вавилонской башни.

Но что гадать — вотъ данное. Мы, — весь тонкій, сознательный слой Россіи, — безгласны и бездвижны, сколько бы мы ни трепыхались. Быть можетъ, мы уже атрофированы. Темная толща идетъ на войну по приказанію свыше, по инерціи слѣпой покорности. Но эта покорность — страшна. Она можетъ повернуть на такую же слѣпую непокорность, если между исполняющими приказы и приказывающими будетъ вѣчно эта глухая пустота, — никого и ничего. Или еще быть можетъ, хуже... Но я „восхищаю недарованное", оформливаю еще безформенное. Подождемъ.

Скажу только, что народъ *не хочетъ* войны. Это у него вѣрный инстинктъ — кто же хочетъ войны. Первично-примитивно, если душу открыть. Это вѣчно-вѣрно, *не хочу* войны. Вѣрнѣе, такъ: никому *не хочется* войны. Для того, чтобы сказать себѣ: да, не хочется, и праведно не хочется, но вотъ потому-то и поэтому-то — *надо*, неизбѣжно, и я моей разумной волей, на этотъ часъ, побѣждаю это „не хочется", *хочу* дѣлать то, что „не хочется", для такой примитивной работы внутренней нуженъ проблескъ сознанія.

А сознанія у народа ни проблеска нѣтъ. То, что говорятъ ему, къ сознанію не ведетъ. Царь приказываетъ — они идутъ, не слыша сопроводительныхъ, казенно-патріотическихъ, словъ. Общество, интеллигенція, говорятъ въ униссонъ, тѣ-же и такія-же патріотически-казенныя слова; т. е. „пріявшіе войну", а не „пріявшіе" физически молчатъ, съ начала до конца, и считаются „пораженцами"... да, кажется, растерялись-бы, испугались-бы, дай имъ *вдругъ* возможность говорить громко. „Вдругъ" нужныхъ словъ не найдешь, особенно если привыкъ къ молчанію.

Развѣ между собою мы, сознательные, находимъ нужныя слова? Вотъ, недавно, у насъ было еще собраніе. Интеллигенція, не пристающая ни къ ка-детамъ, ни къ революціонерамъ (беру за одну скобку лѣвыя партіи). Это — такъ называемые „радикалы". Они большею частью у насъ изъ поправѣвшихъ эсъ-дековъ.

(Къ нимъ, въ сущности, принадлежалъ и Богучарскій. Онъ умеръ, умеръ Богучарскій).

Но довольно странно, что тутъ же очутился и Горькій. И даже въ такихъ близкихъ настроеніяхъ, что какъ будто вмѣстѣ они всѣ строятъ новую „радикально-демократическую" партію. Это и былъ главный вопросъ собранія. Странно насчетъ Горькаго потому, что онъ давнишній эсъ-декъ (насколько онъ въ политикѣ сознателенъ... Мало!) Были кое-кто изъ нетвердыхъ кадетовъ... были всѣ наши „сѣдые и лысые". Была Кускова. Единственная „умная" женщина, одна и на Петербургъ, и на Москву (она живетъ въ Москвѣ). Умная! необыкновенно непроницательная, близорукая, въ той же политикѣ.

Я забыла сказать, что зимой, когда сдвинулись особенно всѣ „вопросы" (польскій, еврейскій и т. д.) и когда я сказала, что признаю первымъ и главнымъ — вопросъ русскій, это дало кому-то мысль образовать еще одну группу — „русскую". Сказано-сдѣлано, готово! Есть русская группа. О мысли такой группы мы не очень подробно сговорились. Нѣкоторые, какъ М., Керенскій и, отчасти, Дмитрій поняли „группу" въ моемъ смыслѣ, т. е. какъ нашъ русскій вопросъ, — нашъ *внутренній*, и наше къ нему отношеніе въ данный моментъ, *при войнѣ*. Коренной неизбытный вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависятъ автоматически всѣ другіе. Поэтому важенъ такъ былъ Керенскій, позиція котораго мнѣ все больше и больше нравится.

На первомъ же собраніи выяснилось, что многіе совсѣмъ не понимаютъ, въ чемъ суть. А иные, какъ, напримѣръ, Карташевъ, со своей національной тягой, склонны были сдѣлать изъ этой „группы", — членами которой

мнили только *по крови* русскихъ, — зерно какой-то педагогической академіи, гдѣ бы интеллигенція петербургская поучалась націоналистическимъ чувствамъ. Помню, какъ твердокаменный Ник. Дим. Соколовъ завелъ длинную шарманку о... федерализмѣ, Дмитрій о самодержавіи (не въ практическихъ тонахъ), Карташевъ свое, Керенскій, конечно, свое, и вѣрное, но сбивчиво, и только бѣгалъ изъ угла въ уголъ, закуривалъ и бросалъ папироску, загорался и гасъ. М. поручено было составить записку по существу вопроса, я взялась помогать, но какъ-то ужъ видно было, что толку дальнѣйшаго не будетъ. И не было. Записку мы, однако, написали. Въ очень осторожныхъ тонахъ, не помню ее точно, помню лишь, что намъ говорилось о нѣкоторыхъ допустимыхъ и при войнѣ дѣйствіяхъ на правительство, но революціоннаго порядка, въ виду того, что положеніе ухудшается; что *если* даже во время войны и не будетъ никакихъ неорганизованныхъ, стихійныхъ внутреннихъ вспышекъ, — а они возможны, — то послѣ войны пожаръ неизбѣженъ; а чтобы онъ не былъ стихійнымъ, — объ организаціонномъ дѣлѣ надо думать *теперь-же*. Уже съ этого момента.

Почему-то записка никуда не попала (не помню почему), и лишь на этомъ послѣднемъ, „радикально-демократическомъ" собраніи, у насъ, М. ее прочелъ.

Изумительно, что ни Горькій, ни Кускова, ни одинъ „сѣдой и лысый" даже не поняли, о чемъ рѣчь! Даже никакого „вопроса" не усмотрѣли! Кускова объявила, что это все „старое", а т. к. война, будто бы, все измѣнила, то и всѣ углы зрѣнія должны быть другими. Впрочемъ, Кускова и раньше, когда была у насъ одна, на мой окольный вопросъ: „какъ бы у насъ да не было революціи?" сказала твердо:

— Никакой революціи ни подъ какимъ видомъ не будетъ.

— А что же будетъ?

— Enrichissez vous, вотъ что будетъ.

Пожала плечами. Принялась разсказывать о ростовскихъ спекуляціяхъ.

Я — воистину не знаю, что будетъ (вотъ „радикально-демократической“ партіи, да еще съ Горькимъ, — навѣрно не будетъ!). Но я щурю глаза, и вижу — темно въ красномъ туманѣ войны. Всѣ въ немъ возможности. Зачѣмъ себя обманывать? Еще страшнѣе, если неожиданно вдругъ будетъ что-нибудь...

Я боюсь сказать несправедливое о нашихъ „либералахъ“, но очень, очень я ихъ боюсь. Ужъ очень они слѣпы... а говорятъ, что видятъ.

Керенскаго не было среди „радикаловъ“.

Я знаю, что ка-деты въ Думѣ *уже* покрыли П-во...

28 Мая.

Не хочется писать, приневоливаю себя, записываю частныя вещи.

Какъ противна наша присяжная литература. Завопила, какъ зарѣзанная, о войнѣ съ перваго момента. И такъ бездарно, одинъ стыдъ сплошной. Объ А. я и не говорю. Но Брюсовъ! Но Блокъ! и всѣ, по нисходящей линіи. Не хватило ихъ на молчаніе. И наказаны печатью бездарности.

А вотъ былъ у насъ Шохоръ-Троцкій. Просилъ коекого собрать — привезъ матеріалъ, „Толстовцы и война“. Толстовцы, вѣдь, теперь сплошь въ тюрьмахъ сидятъ за свое отношеніе къ войнѣ. Скоро и самъ Шохоръ садится.

Собрались. Читалъ. Иное любопытно. Сережа Поповъ со своими письмами („братъ мой околоточный!“) съ ангельскимъ терпѣніемъ побоевъ въ тюрьмахъ — святое дитя. И много ихъ, святыхъ. Но... что-то тутъ не то. Дѣти, дѣти! Не побѣдить такъ войну!

Потомъ пришелъ самъ Чертковъ.

Сидѣлъ (вдвоемъ съ Шохоромъ) цѣлый вечеръ. Поразительно „не нравится“ этотъ человѣкъ. Смиренно-ироническій. Сдержанная усмѣшка, недобрая, кривитъ губы.

Въ немъ точно его „изюминка“ задеревенѣла, большая и ненужная. Въ небросающейся въ глаза косовороткѣ. Иронія у него рѣшительно во всемъ. Даже когда онъ смиренно пьетъ горячую воду съ леденцами (вмѣсто чаю съ сахаромъ) — и это онъ дѣлаетъ какъ-то иронически. Такъ же и споритъ, и когда иронія зазвучитъ нотками пренебрежительными — спохватывается и прикрываетъ ихъ — смиренными.

Не глупъ, конечно, — и золъ.

Онъ оставилъ намъ рукопись — „Толстой и его уходъ изъ Ясной Поляны“, — ненапечатанную, да и невозможную къ печати. Думаю, даже и въ Англіи. Это какъ будто объективный подборъ фактовъ, скрѣпленный строками дневника самого Толстого, — даже въ самый моментъ ухода. Рукопись потрясающая и... какая-то „немыслимая“. Въ самомъ фактѣ ея существованія есть что-то невозможное. Оскорбительное... для кого? Для Софьи Андреевны? Въ самомъ подборѣ фактовъ видна злобная къ ней ненависть Черткова... Для Толстого, можетъ быть? Не знаю. Кажется, — для любви Толстого къ этой женщинѣ.

На рукописи прегадкая надпись — просьба Черткова „ничего отсюда не переписывать“.

Мнѣ бы и въ голову не пришло сдѣлать такую вещь, но, при надписи, я чуть-чуть нарочно не сдѣлала, и если кое-чего не переписала — то исключительно изъ лѣни изъ отвращенія ко всякой „перепискѣ“.

Перо Черткова умѣло подчеркиваетъ „убійственныя“ дѣянія Софьи Андр. До мелкихъ черточекъ. Вѣчные тайные поиски завѣщанія, которое она хотѣла уничтожить. Вплоть до шаренья по карманамъ. И тяжелыя сцены. А когда, будто-бы, кто-то сказалъ ей: „да вы убиваете Льва Николаевича!“ Она отвѣтила: „ну, такъ что-жъ! Я поѣду заграницу! Кстати, я тамъ никогда не была!“

Любопытно, что это, вѣроятно, *правда*, т. е. такъ, вѣроятно, она и отвѣтила, только... подъ перомъ Черткова это звучитъ звѣрски, и никто иначе, какъ звѣрскими,

этихъ словъ не услышитъ; а я, вотъ, иными могу ихъ представить; вотъ близкими къ тѣмъ словамъ, которыя она мнѣ сказала на балконѣ Ясной Поляны, въ холодный майскій вечеръ, въ 1904 году. Мы стояли втроемъ, я, Дмитрій и она, смотрѣли въ сумеречный садъ. Я, кажется, сказала, что мы — на дорогѣ заграницу, ѣдемъ туда прямо изъ Москвы. Софья Андреевна, съ живой быстротой полусерьезной шутки, возразила: „нѣтъ, нѣтъ, вы лучше оставайтесь здѣсь, у Льва Николаевича, а я поѣду съ Дмитріемъ Сергѣевичемъ заграницу; *вѣдь я тамъ никогда не была!*“

И если представить себѣ, что въ отвѣтъ на упрекъ „кого-то“, очевидно, ненавистнаго, С. А. *на-зло* кинула привычную фразу — то несомнѣнное ея „звѣрство“ нѣсколько затмится... Но, конечно, я С. А. не оправдываю. (Разъ ужъ меня тянутъ къ суду надъ ней чертковскими „фактами“). Въ ночь ухода Толстой (по словамъ его собственнаго дневника) уже лежалъ въ постели, но не спалъ, когда увидѣлъ свѣтъ изъ за чуть притворенной двери въ кабинетъ. Онъ понялъ, что это С. А. опять со свѣчей роется въ его бумагахъ, ищетъ опять завѣщаніе. Ему стало такъ тяжело, что онъ долго не окликалъ ее. Наконецъ, все таки окликнулъ, и тогда она вошла, какъ будто только что встала „посмотрѣть, спокойно-ли онъ спитъ“, ибо „тревожилась о его здоровьѣ“. Эта ложь (все по записи Толстого) была послѣдней каплей всѣхъ домашнихъ лжей, которая и переполнила его чашу терпѣнія. Тутъ замѣчательный, страшный штрихъ въ дневникѣ. Подлинныхъ словъ не помню, но знаю, что онъ пишетъ, какъ сѣлъ на кровати еще въ темнотѣ, одинъ (С. А., простившись, ушла) *и сталъ считать свой пульсъ*. Онъ былъ силенъ и ровенъ.

Послѣ этого Толстой всталъ и началъ одѣваться тихо-тихо, боясь, что „она“ услышитъ, вернется.

Остальное извѣстно, черезъ полтора часа его уже не было въ Ясной Полянѣ. Ушелъ отъ лжи — навстрѣчу смерти.

Какъ, все-таки, хорошо, что онъ уже умеръ! Что онъ не видитъ этого страшнаго часа — этой небывалой войны. А если и видитъ... то онъ ему не страшенъ, ибо онъ *понимаетъ*... а мы, здѣсь, ничего!

23 іюля.

Мы скачемъ на автомобилѣ съ одной дачи на другую. Тамъ, по Балтійской дорогѣ, нельзя было оставаться. Далеко, глухо, а время такое тревожное. Пока мы въ Спб-гѣ, а потомъ поѣдемъ недалеко, въ старое имѣніе екатерининскихъ временъ — Коерово, по царскосельскому шоссе.

Болѣе мутнаго момента еще не было за годъ войны. Вѣроятно, не было и за всю жизнь нашу, и за жизнь нашихъ отцовъ.

Мы отдали назадъ всю Галицію (это ничего), эвакуирована Варшава. Взята Либава, Виндава, кажется, Митава, очищена Рига. Сильнѣйшее наступленіе на насъ, а у насъ... *нѣтъ снарядовъ!*

Это знала думская оппозиція уже въ январѣ! И тогда было условлено — молчать! Вотъ когда въ первый разъ ка-деты сознательно прикрыли правительство.

Впрочемъ, объ этомъ лучше меня будетъ разсказано въ исторіи.

19-го собралась Дума — правительство сдалось тутъ, отчего-же? Но дѣйствуетъ все время на-двое, тишкомъ. Посмѣняло министровъ, однѣхъ воронъ на другихъ и... больше ничего не хочетъ или не можетъ.

На двухъ уже бывшихъ засѣданіяхъ — безъ счету патріотическихъ словъ. Лѣвые были безплодно рѣзки. Такъ воспитаны, что умѣютъ только жаловаться, притомъ всегда нѣсколько отвлеченно. „Государственный мужъ" Милюковъ произносилъ прекрасныя слова, но... отвѣтственнаго министерства *не* требовалъ. Воздержаніе, при всѣхъ обстоятельствахъ, его главное свойство.

Сказать по правдѣ — положенiе такъ сложно, что я разобраться хоть первичнымъ образомъ, хоть для себя — еще не могу. А нужно сдѣлать это добросовѣстно и безпристрастно, въ соотвѣтствiи съ разумомъ.

Пока я знаю лишь вотъ что:

Я знаю, что Россiя съ даннымъ правительствомъ прилично одолѣть нѣмцевъ — не можетъ. Это уже подтверждено событiями. Это — несомнѣнно и безповоротно. А *какъ* одолѣть правительство — я не знаю. То есть не вижу еще конкретныхъ путей для конкретныхъ людей, которыхъ тоже не вижу. Кто? какiе?

Не понимаю (честно говорю это себѣ) и боюсь, что всѣ запутались, всѣ ничего не понимаютъ. Какое время!

Мыза Коерово.

Запись въ бѣлой тетрадкѣ.

Общественный Дневникъ

(Августъ-Сентябрь 15 г)

(Одна изъ современныхъ позицiй.)

На томъ, что стало ясно для всѣхъ, не будемъ останавливаться. Но далеко еще не все ясно. Нѣтъ мѣры ясности, которой требуетъ сегодняшнiй день. Жизнь учитъ насъ заботливо, но мы не привыкли разгадывать ея темный языкъ.

Благодаря нашему воспитанiю (или нашей невоспитанности) мы — *консервативны*. Это наше главное свойство. Консервативны, малоподвижны, туги къ воспрiятiю момента, ненаходчивы, несообразительны, какъ-то осѣдлы — всѣ, съ верху до низу, съ права до лѣва. Жизнь бѣжитъ, кипя, мы — будто за ней, но не поспѣваемъ, отстаемъ, ибо каждый заботится прежде всего, какъ бы не потерять своего *мѣста*. Соотношенiе силъ этимъ сохраняется, пребываетъ. Но какiя силы въ пустотѣ? Марево: жизнь ушла впередъ.

Одинаково консервативны въ этомъ смыслѣ: и Дурново, и Милюковъ, и Чхеидзе. Я беру три имени *не лично*, а обще-опредѣлительно, какъ три ясныхъ линіи политическихъ.

Что ни происходитъ, какъ ни толкаетъ, ни вертитъ, ни учитъ жизнь —

Дурново все такъ же требуетъ „держать и не пущать",

Милюковъ все такъ же умѣренничаетъ и воздерживается,

Чхеидзе все такъ же предается своимъ прекраснымъ утопіямъ.

Въ обычное время дѣятельность Дурново весьма вредна, дѣятельность Милюкова весьма полезна, а Чхеидзе — почтенна. Такъ было. Но такъ уже *не* есть, ибо сейчасъ есть то, чего не было — есть война. И все измѣнилось. Въ новомъ, багровомъ, лучѣ измѣнились всѣ цвѣта.

Установимъ исходную точку. Исходная точка — необходимость защиты и сохраненія Россіи, самостоятельной жизни русскаго народа. То есть — успѣшное продолженіе и *окончаніе* борьбы съ Германіей.

Разсматривая подъ этимъ знакомъ тройственную линію нашего политическаго консерватизма, мы должны *иначе* оцѣнивать дѣятельность каждой изъ трехъ группъ.

Дѣятельность „Дурново" такъ вредила Россіи, и уже такъ навредила ея сегодняшней задачѣ, что едва-ли стоитъ сейчасъ останавливаться на поясненіяхъ. Сейчасъ ядъ этотъ открытъ, губительность его, кажется, ясна для всѣхъ. Не слишкомъ-ли поздно? Другой вопросъ. Но мы кое-какъ восприняли въ этой сторонѣ наглядный урокъ жизни. Однако, вредъ продолжается...

Дѣятельность „Милюкова" — полезна ли она въ данный часъ Россіи и ея первой задачѣ — успѣшной оборонѣ?

Нѣтъ, не полезна, и вотъ почему: она попустительна ко вреду. Есть моменты исторіи, когда позиція „умѣренности" преступна, какъ позиція предательства. Жизнь раз-

жевала и въ ротъ положила „умѣреннымъ“ горькій плодъ ихъ „январьскаго молчанія“; но и понынѣ костенѣютъ они въ томъ же своемъ принципѣ „понемножку“. Они, какъ будто, увидѣли весь ядъ „Дурново“ и видятъ его продолжающее дѣйствіе, но все думаютъ, какъ бы воспрепятствовать ему „повѣжливѣе“... Нѣтъ, и думаніе, и дѣланіе „умѣренной оппозиціи“ сейчасъ, прежде всего, *не дѣйственно.* Оно равняется нулю и останется нулевымъ практически. А такъ какъ, волею времени и совокупныхъ причинъ, какъ разъ отъ умѣренныхъ требуется сію минуту главное дѣланіе (они — въ центрѣ политики), то эта пустота — уже не нуль, а дѣланіе *отрицательное* — вредъ.

А что-же дѣятельность „Чхеидзе“, столь „почтенная“ въ мирное время, то-есть — крайнихъ лѣвыхъ нашихъ?

Поскольку она успѣшна — она *опасна*, и счастье, что она не успѣшна. Оторванная отъ центрально-важныхъ сейчасъ, лѣво-государственныхъ, политическихъ круговъ, недвижно-консервативная въ себѣ, дѣятельность неорганизованныхъ „лѣвыхъ“ съ подкладкой не политики, а соціализма (то-есть внѣисторической утопичности) — такая дѣятельность только и можетъ быть или неуспѣшна или — вредна.

Правые — и не понимаютъ, и не идутъ, и никого никуда не пускаютъ.

Средніе — понимаютъ, но никуда не идутъ, стоятъ, ждутъ (чего?).

Лѣвые — ничего не понимаютъ, но идутъ неизвѣстно куда и на что, какъ слѣпые.

Со всѣми же вмѣстѣ, что будетъ? Съ Россіей? Или она уже обречена — за старый и вѣчный свой грѣхъ долготерпѣнія?

Самодержавіе... Пока эта точка горитъ — всего можно ожидать, ни на что нельзя надѣяться. (Не долго-ли горитъ, не перегорѣла-ли Россія?)

Непонимающіе низы, одни, съ этой точкой не справятся. (Если бъ, справились по своему — то не къ добру. Вѣдь ее и „погасить въ умѣ“ надо!)

Умѣренные и вѣжливые верхи — (въ своей умѣренности) — тоже не справятся. Они со странной нерѣшительностью все „обхаживаютъ" самодержавіе (будто его можно обойти!) Но съ нихъ больше спросится, — ой, какъ спросится! — потому что спасти Россію сейчасъ можно — *не снизу*. Ее могли-бы спасти только эти политическіе верхи. Но только въ извѣстномъ контактѣ, въ какомъ-то сговорѣ, съ крайними лѣвыми, т. е. поступившись извѣстной долей своей умѣренности... я не сомнѣваюсь, что при этомъ контактѣ и крайніе поступились бы извѣстной долей своей крайности.

Мыза Коерово.

Продолженіе Общественнаго Дневника.

3 Сентября — 15 г.

Событія развертываются съ невѣданной быстротой. Написанное здѣсь, выше, двѣ недѣли тому назадъ — уже старо. Но совершенно вѣрно. Событія только оправдали мою точку зрѣнія. Неумолимы событія.

Теперь уже для большинства видна горящая точка русскаго самодержавія Жизнь кричитъ во все горло: безъ революціонной воли, безъ акта хотя бы *внутренно* революціоннаго, эта точка даже не потускнѣетъ, не то что не погаснетъ. Развѣ вмѣстѣ съ Россіей.

Вчера, 2-го сентября, разогнали Думу. Это сдѣлалъ царь съ Горемыкинымъ. Причина — главная — знаменитый „думскій блокъ". Онъ былъ такъ блѣденъ, программа такъ умѣренна, что иного результата и нельзя было ожидать. Царь смѣло разогналъ либераловъ. Опять: „безсмысленныя мечтанія!" *Мечтаній* онъ не боится. Пожалуй, за ними проглядитъ и другое: голое, дикое и страшное не для него одного, страшное своей полной обнаженностью не только отъ мечтаній, но и отъ разума.

Это опасность не пустая. Это — РЕАЛИЗМЪ.

Картина происшедшаго за эти дни, — исторія „блока", вотъ:

Умѣренно-лѣвые, тѣ, кого сейчасъ вынесло на гребень политической волны, стали передъ выборомъ: олибералить правыхъ — или умѣрить лѣвыхъ.

Казалось бы, органическое влеченіе к.-д. вправо не должно играть роли въ такой моментъ. Слѣдовало выбирать по разуму путь наиболѣе практическій, дѣйственный.

Однако, думскіе политики к.-д. сдѣлали первый выборъ: еще умѣривъ себя самихъ — они подтянулись къ *правой* серединѣ, и правыхъ къ ней же подтянули, для блока.

Лѣвые остались, какъ были, предоставленные себѣ. Только разстояніе между ними и умѣренными еще увеличилось.

А блокъ прекрасныхъ „мечтаній", такъ естественно названныхъ „безсмысленными", оказался просто безплоднымъ, и для данной минуты *вреднымъ*: послужилъ роспуску Думы, а она была нужна, какъ зацѣпка, надежда гласности, сдержка лѣвой стихійности.

Умѣренные, еще умрѣившись подъ блокомъ, всему покорились. Выслушали указъ о роспускѣ и разошлись.

Все это очень хорошо. Все это, само по себѣ взятое, прекрасно и можетъ быть полезно... въ свои времена. А когда нѣмецъ у дверей (надо же помнить), все это неразумно, потому что *не дѣйствительно*.

Царь послѣдовательнѣе всѣхъ. Онъ и возложилъ всю надежду на чудо.

Пожалуй, другихъ надеждъ сейчасъ и нѣту.

Впрочемъ, это неинтересно повторять унылое „надо было"... Важнѣе знать, что сейчасъ *надо*, и хотя это очень трудно знать — попробуемъ анализировать положеніе далѣе.

Вспомнимъ исходную точку: ОТСТОЯТЬ РОССІЮ ОТЪ НѢМЦЕВЪ. Уже выяснившееся, непремѣнное условіе для этого: немедленная и коренная перемѣна политическаго строя.

Не революція, но смѣна революціоннаго характера т. е. *переломная*.

(Все равно онъ будетъ-же. Несчастіе, если его не *сдѣлаютъ*, а онъ *сдѣлается*).

Теперь: если мы устранимъ позиціи отчаявшихся и пораженцевъ, — придется стать на одну изъ двухъ надеждъ. Опредѣляю.

Первая: что возможно таки и при данномъ положеніи какъ-нибудь отстоять Россію отъ нѣмцевъ. Безъ перелома. Допускаю такую надежду, но требую къ ней *честнаго* отношенія. Т. е. принявъ ее — уже нельзя дѣйствовать одной рукой здѣсь, другой тамъ, а надо обѣ руки положить на помощь *данной* Россіи, *данному* правительству. (Въ скобкахъ: когда надежда осуществится, — если! — то будетъ честно и послѣдовательно признать, что не очень-то Россіи и далѣе нужны всякіе „переломы").

Второе положеніе — исключаетъ первое. Стоитъ на „переломѣ", именно какъ непремѣнномъ условіи для внѣшняго охраненія Россіи, для успѣшной развязки войны. Тутъ тоже необходима честность дѣйствій, своихъ.

Въ обоихъ положеніяхъ — громадный рискъ провалить главное дѣло: оборону Россіи. Притомъ рискъ громадный *одинаково*. Надо сдѣлать выборъ по разумѣнію, не закрывая глазъ на рискъ. Вѣдь, въ недѣланіи выбора — рискъ и отвѣтственность удваиваются.

И выборъ скорый: каждый часъ, проходящій безъ выбора (т. е. въ двойномъ рискѣ) ухудшаетъ и утрудняетъ наше состояніе.

Умѣренно-лѣвые („Милюковъ") этого выбора опредѣленно не дѣлали, и лишь созданіемъ „праваго блока" они его фактически сдѣлали, т. е. зачеркнули „условіе перелома". (При этомъ они, однако, дозволяютъ себѣ платоническія оглядки на переломъ). Не произнесены ни честное „нѣтъ", ни честное „да", и только фактъ „блока", которому умѣренно-лѣвые, ради нѣкотораго олибераленья правыхъ, принесли большія жертвы, — двинулъ ихъ далеко вправо, — *отъ* перелома.

Умѣренно-лѣвые наши политики — только они! — имѣютъ организаціонныя способности. И если-бы они понесли эти способности, и свое значеніе, и готовность къ жертвамъ не вправо, а *влѣво*, — получилось бы движеніе *къ* перелому. Ибо возможность перелома находится: влѣво отъ умѣренныхъ и вправо отъ лѣвыхъ, какъ разъ *между ними*.

Правый блокъ свелъ возможность осуществленія перелома къ минимуму.

Наоборотъ, БЛОКЪ ЛѢВЫЙ, т. е. соединеніе УМѢРЕННЫХЪ съ ЛѢВЫМИ, и только онъ одинъ, могъ бы найти и дѣйствительныя средства въ осуществленію перелома.

Въ данномъ же состояніи, дѣйственныхъ, дѣйствительныхъ, путей и средствъ нѣтъ ни у кого.

Лѣвые знаютъ свои средства: забастовки, личный терроръ... Они *совершенно* не годятся. Каждый часъ забастовки ослабляетъ армію; при данномъ положеніи этотъ часъ можетъ растянуться неопредѣленно и превратиться въ уличные бунты со всѣми послѣдствіями (самое страшное).

Между тѣмъ, если бы умѣренные, принявъ искренно и уже безоглядно лозунгъ „перелома", сблокировались бы съ лѣвыми въ Думѣ, — они могли бы приложить къ ихъ кругамъ свои организаціонныя способности и политическія навыки.

Получилась бы внутренняя *революціонная сила*, но сама себя сдерживающая отъ всѣхъ *не своевременныхъ* выступленій.

Намъ сейчасъ нуженъ, необходимъ, — только одинъ рубль. Не надѣясь на рубль — умѣренные мечтаютъ о сорока пяти копѣйкахъ. Но смиренно попросить „хоть сорокъ пять копѣечекъ" — вѣрное средство получить въ отвѣтъ оплеуху или „дурака".

Потребуйте рубль двадцать. Но требуйте, — не просите. Тотчасъ полѣзутъ за кошелькомъ и выложутъ завѣтный рубль. Надо, чтобъ была опаска: не дашь рубля — весь кошелекъ возьмутъ.

Отъ просьбъ опаска не родится, а отъ недобраго — добромъ ничего получить нельзя. Ничего.

Продолженіе „Современной Записи“ въ СПБ-гѣ.

4 Сентября.

Мы еще не вернулись совсѣмъ въ городъ, пріѣхали всего на нѣсколько дней. Беру свою книгу для записыванія хроники. Поразительно все идетъ „по писанному“.

Но сначала общее.

Варшава давно сдана. И Либава, и Ковно. Нѣмцы наступаютъ по всему фронту, всѣ крѣпости сданы, очищена Вильна, изъ Минска бѣгутъ. Вопросъ объ эвакуаціи Петрограда открытъ. Тысячная толпа бѣженцевъ тянется къ центру Россіи.

Внутреннее положеніе не менѣе угрожающе. Главнокомандующій смѣненъ, самъ царь поѣхалъ на фронтъ.

Думскій блокъ (вѣдь онъ отъ к.-д. до націоналистовъ включительно) получилъ только свое. На первый же пунктъ программы (к.-д. пожертвовали „отвѣтственнымъ“ министерствомъ, лишь попросили, скромно и неопредѣленно, „министерство, пользующееся довѣріемъ страны“) — отказъ, а затѣмъ Горемыкинъ привезъ отъ царя... роспускъ Думы. Приказъ еще не былъ опубликованъ, когда мы говорили съ Керенскимъ о серьезномъ положеніи по телефону. Керенскій и сказалъ, что въ принципѣ дѣло рѣшено. Увѣряетъ, что волненія уже начались. Что получены, вечеромъ, свѣдѣнія о начавшихся забастовкахъ на всѣхъ заводахъ. Что правительственный актъ только и можно назвать безуміемъ. (Не надо думать, что это мы столь свободно говоримъ по телефону въ Петербургѣ. Нѣтъ, мы умѣемъ не только писать, но и разговаривать эзоповскимъ языкомъ).

— Что же теперь будетъ? — спрашиваю я подъ конецъ.

— А будетъ... то, что начинается съ а...

Керенскій правъ и я его понимаю: будетъ анархія. Во всякомъ случаѣ, нельзя не учитывать яркой возможности *неорганизованной* революціи, вызываемой безумными дѣйствіями Правительства въ отвѣтъ на ошибки политиковъ. „Умѣренныя" просьбы должны давать правит. реакцію. Лишь извѣстная политическая неумѣренность можетъ добиться необходимаго минимума.

А *только онъ* спасетъ Россію. Его нѣтъ — и каждый день стѣны сдвигаются: стѣна нѣмцевъ и стѣна хаотическаго бунта внутренняго. Онѣ сдвинутся и сольются. Какія возможности!

Я не устану повторять все тоже, все тоже: отвѣтственность всецѣло лежитъ на ка-детахъ, которые, не понимая момента, выбрали блокъ съ правыми вмѣсто блока съ лѣвыми. Борьба съ Пр-вомъ посредствомъ олибераленья правыхъ круговъ — обречена на крахъ. Вѣдь надо-же знать, когда и гдѣ живешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. И это — „политика"? Да зачѣмъ, почему, для чего снизошло бы Пр-во къ покорнѣйшимъ просьбамъ Милюкова съ Шульгинымъ и съ Борисомъ Суворинымъ? (онъ тоже за блокъ и „довѣріе"). Пр-во не боится никакихъ разумно-вѣжливыхъ словъ. Анархіи не боится, ибо ничего не видитъ и не понимаетъ. Въ предупрежденіе „злоумышленныхъ эксцессовъ" (видали, молъ, виды!) этотъ рамоли-Горемыкинъ созвалъ къ себѣ на дняхъ... всѣхъ градоначальниковъ. У цензуры пока замѣтны признаки остраго помѣшательства, но вскорѣ она просто все закроетъ, и когда на улицахъ будутъ разстрѣлы — газеты запишутъ усиленно о театрѣ.

Правительство, въ концѣ концовъ, не боится и нѣмцевъ.

Но неужели наши главные „политики", наши думцы, ка-деты, неужели они о сю пору еще не убѣдились безповоротно, что:

БЕЗЪ ПЕРЕМѢНЫ П-ВА НЕВОЗМОЖНО ОСТАНОВИТЬ НАШЕСТВІЕ НѢМЦЕВЪ, КАКЪ НЕВОЗМОЖНО ПРЕДОТВРАТИТЬ БЕЗСМЫСЛЕННОЕ ВОЗСТАНІЕ?

Я хочу знать; это нужно знать; ибо если они въ этомъ еще *не* твердо убѣждены и дѣйствуютъ, какъ дѣйствуютъ — то они только легкомысленные, ошибающіеся люди; а если убѣждены, и все-таки по своему, безплодному (вредному) дѣйствуютъ, — они преступники.

Такъ или иначе — отвѣтственность лежитъ на нихъ, ибо, по времени, *имъ* должно дѣйствовать.

Въ Петербургѣ нѣтъ дровъ, мало припасовъ. Дороги загромождены. Самые страшные и грубые слухи волнуютъ массы. Атмосфера зараженная, нервная и... безпомощная. Кажется, вопли бѣженцевъ висятъ въ воздухѣ.. Всякій день пахнетъ катастрофой.

— Что-же будетъ? Вѣдь невыноси-тель-но! — говоритъ старый извощикъ.

А матросъ Ваня Пугачевъ пожимаетъ плечами:

— Ужъ гдѣ этотъ малодушный человѣкъ (царь), тамъ обязательно несчастье.

„Только вся Рассея — отъ Алексѣя до Алексѣя".

Это, оказывается, Гришка Распутинъ убѣдилъ Николая взять самому командованіе.

Да, тяжелы, видно, грѣхи Россіи, ибо горька чаша ея. И далеко не выпита.

Третьяго дня было жарко, ярко, лѣтне. Петербургъ, весь напряженно и безсильно взволнованный, сверкалъ на солнцѣ. Черные отъ людей, облѣпленные людьми, трамваи юрывисто визжали, едва брали мосты. Паперть Невскаго костела, какъ мухами, усыпана бѣженцами: сидятъ на паперти. Женщины, дѣти...

Указъ о роспускѣ Думы „пріялъ силу", несмотря на сильное давленіе союзниковъ. Конечно, они не хотятъ. Но съ достаточной ли ясностью видятъ они путь гибели нашъ?

Неужели — поздно?

...И вотъ Господь неумолимо
Мою Россію отстранитъ..."

12 Сентября.

Ужъ и Дурново умеръ и, мертвый, торжествуетъ больше, чѣмъ когда либо. Вводится предварительная цензура. „Не уявися, что будемъ!“ восклицаетъ... Б. Суворинъ.

Родзянкѣ отказано въ аудіенціи. Депутація московскихъ съѣздовъ, думаю, не будетъ принята. А если и будетъ...

Умѣренные возглашаютъ: „спокойствіе, спокойствіе, спокойствіе!“ какъ, бывало, Куропаткинъ въ Японской войнѣ: „терпѣніе, терпѣніе и терпнѣіе“.

Что-жъ, можно молчать.

За то громко говорятъ нѣмецкія орудія.

23 Ноября.

Почти три мѣсяца прошло. Трагизмъ превзошелъ ожиданья: вылился въ трагическую, каменную успокоенность, полную побѣду полной реакціи.

Когда распустили Думу (за блокъ и московскій съѣздъ), она громко прокричала „ура“ и тихо разошлась. Лозунгъ депутатовъ былъ: „сохраняйте спокойствіе“. И сами сохранили его, и помогли, при содѣйствіи Правительства, другимъ въ этомъ занятіи. Пока что — хлыщъ и провокаторъ. Хвостовъ (новый министръ) задѣйствовалъ, черносотенцы съѣхались съ уволенными (въ Г. Совѣтѣ сидящими) министрами, „объединенное дворянство“ со своей стороны „припало къ самодержцу“.

На съѣздѣ митрополитъ объявилъ: не только царь — помазанникъ, но „соизволеніемъ Божіимъ поставленные министры тоже имѣютъ на себѣ отъ Духа Свята“ (Хвостовъ, напримѣръ, ну и прочіе). Таково, молъ, „ученіе Церкви“. Своего рода декларація.

Въ указѣ о разгонѣ Думы было опредѣлено, что ее вновь соберутъ „не позже ноября“. Однако, вотъ, не желаютъ. Хвостовъ смѣется: это „капризъ“! Отложимъ лучше.

Блокисты не знаютъ, куда дѣвать глаза. Хранятъ свое спокойствіе, хотя на сердцѣ-то скребетъ...

...Безъ утра пробилъ часъ вечерній
И гаснетъ сѣрая заря...
Вы отданы на посмѣхъ черни
Коварной волею Царя...

Воистину на посмѣхъ. И то-ли еще будетъ!

Войнѣ конца-краю не видать. Германія уже съѣла, при помощи „коварной“ Болгаріи, — новой союзницы, — Сербію; совсѣмъ. Ѣздятъ прямо изъ Берлина въ Константинополь. Вотъ, нео-славянофилы, вашъ Царь-Градъ, получайте. Закидали шапками?

У насъ, и у союзниковъ, на всѣхъ фронтахъ — окостенѣніе. Во всякомъ случаѣ мы ничего не знаемъ. Газетъ почти нельзя читать. Пустота и вялое вранье.

Царь катается по фронту со своимъ мальчикомъ и принимаетъ знаки вѣрноподданства. Туда, сюда — и опять въ Царское, къ престарѣлому своему Горемыкину.

Смутно помню этого Горемыкина въ давнія времена у баронессы Икскуль. Онъ тамъ неизбѣжно и безлично присутствовалъ, на всѣхъ вечерахъ, и назывался „сѣрымъ другомъ“. Теперь ужъ онъ „бѣлый“, а не сѣрый.

Впрочемъ, Николай вовсе не къ этому бѣлому дядѣ рвется въ Царское. Тамъ, вѣдь, Гришенька, кой, въ свободные отъ блуда и пьянства часы, управляетъ Россіей, смѣняетъ министровъ и указуетъ линію. Въ прочее время, Россія ждетъ... пребывая въ покоѣ.

Сто разъ мы имѣли случай лицезрѣть этого прохвоста; быть можетъ, это упущеніе съ исторической, съ литературной, съ какой еще угодно точки зрѣнія, однако, доводы разума были слабѣе моей брезгливости. А любопытство... тоже дѣйствовало вяло, такъ какъ этого сорта „старцевъ“ не мало мы перевидали. Этотъ — что называется „въ случаѣ“, попалъ во дворецъ, а Щетининъ, напримѣръ, только тѣмъ отъ Гришки и отличается, что „неудачникъ“, къ царямъ не попалъ. Остальное — детально того же стиля, развѣ, вотъ, Щетининъ „съ теоріями“

поверхъ практики (ахинею несетъ и безграмотно ее записываетъ, а Гришка ни бе, ни ме окончательно). Гришка начался въ тѣ же времена, какъ и Щетининъ, но послѣднiй пошелъ „по демократiи“ и не успѣлъ, до провала, зацѣпиться, (хоть и закидывалъ удочки въ высшiе слои); Гришка же, смышленная шельма, никого вокругъ не собиралъ, въ одиночку „тамъ и сямъ“ нюхалъ. То — пропадалъ, то — опять всплывалъ. Наконецъ, наступивъ на одного лаврскаго архимандрита (настоящаго монаха, имѣвшаго нѣкое, малое, царское благоволенiе) какъ на ступеньку, ступеньку продавилъ, а къ „царямъ“ подтянулся. Послѣ лѣтняго, передъ войной, покушенiя на него безносой бабы, особенно утвердился.

Да, вотъ годы, какъ безграмотный буквально, пьяный и болѣзненно-развратный мужикъ, по своему произволу распоряжается дѣлами государства Россiйскаго. И теперь, въ это особенное время — *особенно*. Хвостовъ ненавидитъ его, а потому думаю, что Хвостовъ недолговѣченъ. Ненавидитъ же просто изъ зависти. Но тотъ его перетянетъ. Остальные министры всѣ побывали у Гришки на поклонѣ, и кланялись, цѣлуя край его хламиды. (Это не „художественный образъ“, а фактъ: иногда Гришка выходитъ къ посѣтителю въ бѣломъ балахонѣ, значитъ — надо къ балахону прикладываться).

Экая, прости Господи, сумасшедшая страна. И бѣдный Милюковъ тутъ думаетъ „дѣйствовать“ — въ своихъ европейскихъ манжетахъ.

Что это, идеализмъ, слѣпота, упрямство?

О, наши „реальные“ политики!

24 Ноября.

Вотъ именной указъ опять отложить Думу. И срокъ созыва уже не указанъ, а „пока не будетъ готовъ въ коммиссiяхъ бюджетъ“.

Всѣ передовицы сегодня бѣлы, какъ снѣгъ. Въ „Рѣчи“, впрочемъ, остались кусочки, то тамъ, то сямъ,

отрывочные, что если, дескать, такъ, то мы (милюковцы и блокисты), готовы, за нами дѣло не станетъ, мы поторопимся съ бюджетомъ, вотъ и все.

Теперь уже очевидно: любые шаги общества, интеллигенціи, депутатовъ, умѣренныхъ партій и т. д. по избранному ими пути „спокойной оппозиціи" — должны покрывать ихъ гораздо большимъ позоромъ, чѣмъ отсутствіе всякихъ шаговъ. Смиреніе, такъ смиреніе.

Сложить руки и не мѣшать событіямъ. А событія будутъ. Неумолимо будутъ, если Россія не пересидѣла свое время, не перегноилась, не перепрѣла въ крѣпостничествѣ. Возможно, вѣдь, и это.

Только вотъ: если поле все-таки будетъ вспахано, и хорошо, — нашимъ „политикамъ" нельзя будетъ сказать: „и мы пахали". Если же такая борозда пройдетъ, что все поле вверхъ тормашками перевернется, тогда... тогда, увы, не сможетъ сказать наша „парламентарская умѣренность": „а мы не виноваты". Потому что виноваты. Отнюдь не въ плохомъ дѣланіи, а въ *никакомъ*. Вѣдь только они *сейчасъ* могутъ что-то дѣлать. И дѣлаютъ — „Ничего".

Развѣ не вина?

Плехановъ и другіе заграничники вредны становятся (мало, ибо значенія не имѣютъ). Но они вполнѣ невинны: оттуда не видать. Ничего. Ровно ничего.

Кажется, тамъ раздѣленіе по линіи войны. Борису я перестала отвѣчать, безполезно сквозь такую цензуру. Повидимому, онъ увлеченъ войной (еще бы, во Франціи!), хотя въ „Призывѣ" не участвуетъ. „Призывъ" — это тамошній журналъ стоящихъ за войну русскихъ соціалистовъ. Я его не знаю, но вѣрю тутъ Керенскому, который имъ возмущенъ. Керенскій приблизительно на моей позиціи стоитъ не только по отношенію къ войнѣ, но, главное, по отношенію къ данному внутреннему положенію *военной* Россіи. Онъ не умнѣе тамошнихъ эмигрантовъ, но онъ *здѣсь*, а потому онъ видитъ, что здѣсь такое. А эмигранты слѣпы. Я даже боюсь, что всѣ эмигранты слѣпы, всѣхъ толковъ, и „призывисты" и не призывисты. По разному,

но въ равной степени. Ибо и противо-призывисты, отрицающіе войну, тоже путнаго ничего не говорятъ, отрицаютъ просто и глупо, внѣ времени и пространства. А такого узкаго и близкаго положенія, что ПРИ ЭТОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВѢ РОССІЯ ПРИЛИЧНО СЪ ВОЙНОЙ НЕ РАЗВЯЖЕТСЯ, — не понимаютъ вовсе, и, конечно, ничего дальнѣйшаго, что изъ этой аксіомы вытекаетъ.

Депутатъ — грузинъ Чхенкели, ужъ на что немудрящій, а и тотъ великолѣпно понимаетъ, и на этомъ именно стоитъ. Интересно, что онъ, грузинъ, утверждаетъ это положеніе, какъ са ый горячій русскій патріотъ (подлинный); стоитъ, прежде всего, на любви къ Россіи. „Если-бъ, говоритъ, я могъ вѣрить, что Россія не погибнетъ въ войнѣ, оставаясь при Царѣ, теперь... Но я не вѣрю; вѣдь я вижу. Вѣдь все равно“...

Да, вотъ тутъ важно: а вдругъ — все равно будетъ... что?

Керенскій увѣряетъ, что боленъ. Онъ часто къ намъ забѣгаетъ.

Мои юные поэты, студенты и другіе — постепенно преображаются, являясь въ защиткахъ. Кого взяли въ солдаты, кого въ юнкера, кто приспособился къ лазарету. Всѣ тамъ будемъ. Живы еще гимназисты и барышни.

Много есть чего сказать о болѣе „штатскомъ“ (объ Андреѣ Бѣломъ, Борѣ Бугаевѣ, напримѣръ, погибающемъ въ Швейцаріи у Штейнера), но какъ то не говорится. И я все пишу почти газетное, что не будетъ интересно.

Газетное. Какъ бы не такъ. Газеты... пишутъ о театрѣ. Даже Б. Суворину запретили писать безъ предварительной цензуры и оштрафовали за вчерашнюю замѣтку на 3 тысячи.

Большею частью газеты бѣлы, какъ полотно.

Молчаніе. Морозъ крѣпкій (15° съ вѣтромъ). „Чертоградъ“ замерзъ. Ледяной покой... и даже безъ „капризовъ“.

Хвостовъ, стиснувъ зубы, „охраняетъ“ Гришку. Впрочемъ, чортъ ихъ разберетъ, кто кого охраняетъ. У Гриш-

ки охрана, у Хвостова своя, хвостовскіе наблюдатели наблюдаютъ за гришкиными, гришкины — за хвостовскими...

26 Января.

Только сегодня объявилъ Н., что Думу дозволяетъ на 9 февраля. Бѣлый дядя Горемыкинъ съ почетомъ ушелъ на-дняхъ, взяли Штюрмера Бориса. Знаемъ эту цацу по Ярославлю, гдѣ онъ былъ губернаторомъ въ 1902 году. Въ тотъ годъ мы съ Дм. ѣздили за Волгу, къ старовѣрамъ и сектантамъ, „во градъ Китежъ", на Свѣтлое Озеро. Были и въ Ярославлѣ, гдѣ Штюрмеръ насъ „по-европейски" принималъ. На обратномъ пути у него-же видѣли пріѣхавшаго Іоанна Кронштадскаго, очень было примѣчательно. Къ несчастію, моя статья обо всемъ этомъ путешествіи написана была въ жесточайшихъ цензурныхъ условіяхъ (двойной цензуры), а записную книжку я потеряла.

...Впрочемъ, не объ этомъ рѣчь, а о Штюрмерѣ, о которомъ... почти нечего сказать. Внутренне-охранитель не безъ жестокости, но безъ творчества и яркости; внѣшне-щеголяющій (или щеголявшій) своей „культурностью" передъ писателями церемоніймейстеръ. Впрочемъ, выставлялъ и свое „русофильство" (онъ изъ нѣмцевъ) и церковную религіозность. Всегда имѣлъ тайную склонность къ темнымъ личностямъ.

Его премьерство не произвело впечатлѣнія на фундаментально „успокоенное" общество. Да и въ самомъ дѣлѣ! Не все ли равно? И Хвостовъ, и Штюрмеръ, — да мало ли ихъ, премьеровъ и не-премьеровъ, — было и будетъ? Не знаютъ, что и съ разрѣшенной Думой теперь дѣлать. Послѣ ужина — горчица.

Война — въ статикѣ. У насъ (Рига—Двинскъ), и на западѣ. Балканы Германцы уже прикончили. Греція замерла. Англичане ушли изъ Дарданеллъ.

Хлѣба въ Германіи жидко, и она пошла бы на миръ.

при данномъ ея блестящемъ положенiи. Но миръ сейчасъ былъ бы столь же безсмысленъ, какъ и продолженiе войны. Замѣчательно: никому нѣтъ никуда выхода. И не предвидится.

При этомъ плохо вездѣ. Истощенiе и неустройство.

У насъ особенно худо. Нынѣшняя зима впятеро тяжеле и дороже прошлогодней. Рядомъ — постыдная роскошь наживателей.

...Интеллигенцiя какъ-то осѣла, завяла, не столь тормошится. Думское „успокоенiе" подѣйствовало и на нее. Керенскiй все время боленъ, бѣлый, какъ бумага, увѣряетъ, что у него „туберкулезъ". Однако, не успокаивается, гдѣ-то скачетъ. Къ сожалѣнiю, я сейчасъ не знаю, что дѣлается въ подпольныхъ партiйныхъ кругахъ. Но по нѣкоторымъ признакамъ видно, что ничего значительнаго. Если тамъ ведется какая-нибудь пропаганда, то она, по стиснутости, особаго влiянiя не можетъ имѣть. Въ данный моментъ, по крайней мѣрѣ. И съ другой стороны, благодаря стиснутости и подпольности, она ведется неразумно, несознательно, безотвѣтственно безотвѣтственными...

Уже выдвинулъ Штюрмеръ сразу двухъ своихъ мерзавцевъ: Гурлянда и Манасевича. Стыдно сказать, что знаешь ихъ. А я знаю обоихъ. Съ Гурляндомъ сразу рѣзко столкнулась въ спорѣ за губернаторскимъ столомъ въ Ярославлѣ. А Манасевича видѣла тоже, за обѣдомъ у одной парижской дамы. Но объ охраннически-провокаторской дѣятельности послѣдняго мы были предупреждены, я уже не вступала съ нимъ въ споры, а любопытно наблюдала его и слушала... съ какой-то „Бурцевской" точки зрѣнiя...

Въ то время мы жили въ Парижѣ. И были уже близки съ нашими друзьями эмигрантами, Савинковымъ и др.

Теперь охраннику довѣренъ важный постъ...

Несчастная страна, вотъ что...

3 Февраля.

На дняхъ уѣхала К. опять заграницу. Вечеромъ, передъ ея отъѣздомъ (она у насъ ночевала) пріѣхалъ Керенскій.

Съ того весенняго знакомства, когда мы взяли Керенскаго въ автомобиль и похитили на „Зеленое Кольцо", — Керенскій съ К. ужъ много видались, и въ Москвѣ, гдѣ она жила, и здѣсь.

Керенскій пріѣхалъ поздно, съ какого-то собранія, почти безъ голоса (и вообще-то онъ больной). Мы сидѣли вчетверомъ (Дмитрій ужъ легъ спать). Я отпаивала Керенскаго бутылкой какого-то заваляшаго вина.

Сразу образовались двѣ партіи, а бѣдная К. сдѣлалась объектомъ, за который онѣ боролись.

К. ѣдетъ „туда"... что она скажетъ „призывистамъ" о здѣшнемъ. (Писемъ, вѣдь, везти нельзя).

Я, конечно, соединилась съ Керенскимъ, на другой сторонѣ былъ вѣчный противникъ — Д. В., одинъ изъ „пріемлющихъ" войну, одинъ изъ желающихъ помогать войнѣ все равно съ кѣмъ. Я уважаю его страданіе, но я боюсь его покорной слѣпоты...

Мы спорили, наперерывъ стараясь, чтобы К. поняла и передала обѣ точки зрѣнія, — но въ концѣ концовъ, мы же ее окончательно запутали.

Господи, да и какъ передать сознательное *ощущеніе* волоска, на которомъ все виситъ? Сознательное, но недоказуемое. Видишь, — а другой не видитъ. А издали, какъ ни расписывай, и самый зрячій не увидитъ. Ничего. О нашемъ, рускомъ, внутреннемъ *военномъ* положеніи...

...Споры только сбиваютъ съ толку. Замѣчательная русская черта: непониманіе точности, слѣпота ко всякой мѣрѣ. Если я не „жажду побѣды" — значитъ, я „жажду пораженія". Малѣйшая общая критика „побѣдинцевъ", просто разборъ положенія — повергаетъ въ ярость и все кончается однимъ: если ты не націоналистъ — значитъ, ты за Германію. Или открыто будь „пораженцемъ" и садись

въ тюрьму, какъ чертова тамъ Роза Люксембургъ сѣла, — или закрой глаза и кричи „ура", безъ разсужденiй.

То „или-или", — какого въ жизни не бываетъ.

Да я сейчасъ даже не именно войной занята, и не рѣшенiемъ принципiальныхъ вопросовъ, нѣтъ: близкимъ, узкимъ, — сейчасной Россiей (при войнѣ). Какая-то ЧРЕВАТОСТЬ въ воздухѣ; вѣдь нельзя же только — ЖДАТЬ!

27 Февраля.

Кажется, скоро я свою запись прекращу. Не ко времени. Нельзя дома держать. Сыщики не отходятъ отъ нашего подъѣзда.

И скоро я — который разъ!
Сберу бумажные завалы
И отвезу — который разъ!
Чтобъ спрятали ихъ генералы.

Право, придется все сбирать, и мои многочисленные стихи, и эту запись (о, первымъ дѣломъ!), и всякую, самую частную литературу. У родственныхъ Д. В. генераловъ вѣрнѣе сбережется.

Слѣдятъ, конечно, не за нами... Хотя теперь слѣдятъ за всѣми. А если найдутъ о Гришѣ непочтительное...

Хотѣла бы я знать, какъ можетъ понять нормальный англичанинъ вотъ это чувство *слѣженья* за твоими мыслями, когда у него этого опыта не было, и у отца, и у дѣда его не было?

Не пойметъ. А я вотъ чувствую глаза за спиной, и даже сейчасъ (хоть знаю, что сейчасъ реально глазъ нѣтъ, а завтра это будетъ запечатано до лучшихъ временъ и увезено изъ дома) — я *все-таки* не свободна, и *не* пишу все, что думаю.

Нѣтъ, не испытавъ —

На случайномъ листкѣ.

Іюль, 16 г.

Вернулись изъ Кисловодска, жаркое лѣто, ѣдемъ черезъ нѣсколько дней на дачу.

Сейчасъ, въ свѣтлый вечеръ, стояли съ Димой на балконѣ. Долго-долго. Справа, изъ-за угла огибая рѣшетку Таврическаго сада, выходили стройные сѣрые четыреугольники солдатъ, стройно и мѣрно, двигались, въ равномъ разстояніи другъ отъ друга, — по прямой, какъ стрѣла, Сергіевской — въ пылающее закатнымъ огнемъ небо.

Они шли гулко и пѣли. Все одну и ту-же, одну и ту-же пѣсню. Дальніе, влѣво, уже почти не видны были, тонули въ алости, а справа все лились, лились новые, выплывали стройными колоннами изъ-за сада.

Прощайте, родные,
Прощайте, друзья,
Прощай, дорогая
Невѣста моя...

Такъ и не было конца этому прощанью, не было конца этому сѣрому потоку. Сколько ихъ! До сихъ поръ идутъ. До сихъ поръ поютъ.

1 Октября. (Синяя книга.)

Вчера у насъ былъ свящ. Агеевъ, — „Земпопъ", какъ онъ себя называетъ. Одинъ изъ уполномоченныхъ Земск· Союза (единственный попъ). Перекочевалъ въ Кіевъ, оттуда дѣйствуетъ.

Большой жизненный инстинктъ. Разсказывалъ голосомъ надежды вещи страшныя и безнадежныя. Впрочемъ, — надежда всегда есть, если есть мужество глядѣть данному въ глаза.

Душа человѣческая разрушается отъ войны — тутъ нѣтъ ничего неожиданнаго. Для видящихъ. А другіе — что дѣлать! пусть примутъ это, неожиданное, хоть съ болью — но какъ фактъ. Пора.

Левъ Толстой въ „Одумайтесь“ (по поводу японской войны) потрясающе ярокъ въ отрицательной части и дѣтски-безпомощенъ во второй, положительной. Именно дѣтски. Требованіе чуда (внѣшняго) отъ человѣчества не менѣе „безнравственно“ (терминологія Вейнингера) нежели требованіе чуда отъ Бога. Пожалуй, еще безнравственнѣе и а-логичнѣе, ибо это — развращеніе воли.

Кто споритъ, что ЧУДО могло бы прекратить войну. Моментъ недѣланья, который требуетъ Толстой отъ людей сразу, сейчасъ, въ то время, когда уже дѣлается война — чудо. Взывать къ чуду — развращать волю.

Всѣ взяты на войну. Или почти всѣ. Всѣ ранены. Или почти всѣ. Кто не тѣломъ — душой.

Роетъ тихая лопата,
Роетъ яму не спѣша.
Нѣтъ возврата, нѣтъ возврата,
Если ранена душа...

И душа въ порочномъ кругѣ, всякій день. Вотъ мать у которой убили сына. Глазъ на нее поднять нельзя. Всѣ разсужденія, всѣ мысли передъ ней замолкаютъ. Только бы ей утѣшеніе.

Да, впрочемъ, я здѣсь кончаю мои разсужденія о войнѣ, „какъ таковой“. Давно пора. Все сказано. И остается. Вотъ ужъ когда „le vin est tiré...“ и когда теперь все дѣло въ томъ *какъ* мы его допьемъ.

Мало мы понимаемъ. Можетъ быть, живемъ только по легкомыслію. Легкомысліе проходитъ (его отпущенный запасъ) — и мы умираемъ.

Не пишется о фактахъ, о слухахъ, о дѣлахъ нашего „тыла“. Мы вѣрнаго ничего не знаемъ. А что знаемъ — тому не вѣримъ; да и такимъ все кажется ничтожнымъ. Неподобнымъ и нелѣпымъ.

Керенскій послѣ своей операціи (туберкулезъ у него оказался въ почкѣ и одну почку ему вырѣзали) — болѣе или менѣе оправился. Но не вполнѣ еще, кажется.

Мы стараемся никого не видѣть. Видѣть — это видѣть не людей, а голое страданіе.

Интеллигенція загнана въ подполье. Копошится тамъ, какъ бѣлыя, вялыя мухи.

Если моя непосредственная жажда, чтобы война кончилась, жажда *чуда* — да проститъ мнѣ Богъ. Не мнѣ — *намъ*, ибо насъ, обуянныхъ этой жаждой, такъ много, и все больше... Молчу. Молчу.

3 Октября.

Мое странное состояніе (не пишется о фактахъ и слухахъ, и все ничтожно) не мое только состояніе: общее. Атмосферное.

Въ атмосферѣ глубокій и зловѣщій ШТИЛЬ. Низкія-низкія тучи — и тишина.

Никто не сомнѣвается, что будетъ революція. Никто не знаетъ, какая и когда она будетъ, и — не ужасно-ли? — никто не думаетъ объ этомъ. Оцѣпенѣли.

Заботитъ, что нечего ѣсть, негдѣ жить, но тоже заботитъ полутупо, оцѣпенѣло.

Противъ самыхъ невѣроятныхъ, даже не дерзкихъ, а именно *не* вѣроятныхъ, шаговъ правительства нѣтъ возмущенія, даже нѣтъ удивленія. Спокойствіе... отчаянья, Право, не знаю.

Очень „притайно". Дышетъ-ли тайной?

Можетъ быть, да, можетъ быть, нѣтъ. Мы въ полосѣ штиля. Низкія, аспидныя тучи.

Единственно, что написано о войнѣ — это потрясающія литаніи Шарля Пеги, французскаго поэта, убитаго на Марнѣ. Вотъ что я принимаю, ни на линію не сдвигаясь съ моего безповоротнаго и цѣльнаго отрицанія идеи войны.

Эти литаніи были написаны за два года *до* войны. Таковъ геній.

Не заставить ли себя нарисовать жанровую картинку изъ современной (ворииной) жизни? Ужъ очень банально ибо воры — всѣ. Всѣ тащутъ, кто сколько захватитъ, отъ милліона до рубля. Ниже брезгаютъ, да есть ли ниже? Нашъ рубль стоитъ копѣйку.

7 Октября.

Два дня идетъ мокрый снѣгъ. Вокругъ — полнѣйшая пришибленность. Даже столпъ серединныхъ упованій, твердокаменный Милюковъ, — „сдалъ“: ужъ не хочетъ и созыва Думы теперь, — поздно, молъ.

Да новый нашъ министръ-шалунишка Протопоповъ и не будетъ ее созывать. Къ Протопопову я вернусь (стоитъ!), а пока скажу лишь, что онъ, на министерскомъ креслѣ, — этотъ символъ и знакъ: все поздно, всѣ невмѣняемы.

Дѣла на войнѣ — никто ихъ не можетъ изъяснить. Никто ихъ не понимаетъ.

Аспидныя тучи стали еще аспиднѣе — если можно.

16 Октября.

Все попрежнему. На войнѣ германцы взялись за Румынію — плотно. У насъ, конечно, нехватка патроновъ. Въ тылу — нехватка рѣшительно всего. Карточный сахаръ.

Говорятъ о московскихъ безпорядкахъ. Но все какъ то . . . неважно для всѣхъ.

Дм. С. ставитъ свою пьесу на Александринкѣ. Тоже не важно.

Но не будемъ вдаваться въ „настроенія“. Фактики любопытнѣе.

Протопоповъ захлебнулся отъ счастія быть министромъ (и это бывшій лидеръ знаменитаго думскаго блока!). Не вылѣзаетъ изъ жандармскаго мундира (который со временъ Плеве, тоже любителя, висѣлъ на гвоздикѣ), — и вообще абсолютно неприличенъ.

Штюрмеръ выпустилъ Сухомлинова (исторія, оцѣни!). Царь не любилъ „бѣлаго дядю“ Горемыкина; кажется, — онъ надоѣдалъ ему съ докладами. Да, впрочемъ — кого онъ любитъ? Родзянку „органически не выноситъ“; отъ одной его походки у „charmeur'a“ „голова начинаетъ болѣть“ и онъ „ни на что не согласенъ“.

Съ „дядей“ приходилось мучиться, — кѣмъ замѣнить? Гришка, сваливъ Хвостова, — котораго послѣ идіотской охраннически-сплетнической исторіи, будто Хвостовъ убить его собирался, иначе не называлъ, какъ „убивцемъ“, — вѣрный Гришка опять помогъ:

„... Чѣмъ не премьеръ Владиміричъ Бориска?...“

И вправду — чѣмъ? Гришкина замѣна Хвостова Протопоповымъ очень понравилась въ Царскомъ: необходимо сказать, что Протопоповъ неустанно и хламиду Гришкину цѣлуетъ, и самъ „съ голосами“ до такой степени, что даже въ немъ что-то „гришенькино“, „чудесное“ мелькаетъ... въ Царскомъ.

Штюрмеръ-же тоже ревнитель церковно-божественнаго. За него и Питиримъ-митрополитъ станетъ. (Впрочемъ, для Питиримки Гришинаго кивка за-глаза довольно).

Ну и сталъ Штюрмеръ „хозяиномъ“. И выпустилъ Сухомлинова.

О М. Р. и говорить не стоитъ. Его съ поклонами выпустятъ. Его дѣло милліонное.

Война всѣмъ, кажется, надоѣла выше горла. Однако, ни смерти, ни живота не видно... никому.

О насъ и говорить нечего, но, думаю, что ни для кого изъ этой каши добра не выйдетъ.

22 Октября.

Вчера была премьера „Романтиковъ“ въ Александринкѣ. Мы сидѣли въ оркестрѣ. Вызывать стали послѣ II дѣйствія, вызывали яро и много, причемъ не кричали „автора“, но все время „Мережковскаго“. Залъ переполненъ.

Пьеса далеко не совершенная, но въ ней много недурного. Успѣхъ опредѣленный.

Но какъ все это суетливо. И опять — „ничтожно“.

Третьяго дня на генеральной — столько интеллигентско-писательской старой гвардіи... Чьи-то сѣдыя бороды — и защитки рядомъ.

Былъ у насъ Вол. Ратьковъ. (Онъ съ перваго дня на войнѣ). Грудь въ крестахъ. А самъ, по моему, сумасшедшій. Всѣ они полусумасшедшіе „оттуда". Всѣ до слезъ доводящіе однимъ видомъ своимъ.

По мѣстамъ бунты. Семнадцатаго бастовали заводы: солдаты не захотѣли быть усмирителями. Пришлось вызвать казаковъ. Не знаю, чѣмъ это кончилось. Вообще мы мало (всѣ) знаемъ. Мертвый штиль, безлюбопытный, не способствуетъ освѣдомленію.

Понемногу мы всѣ въ корнѣ дѣлаемся „цензурными". Привычка. Китайскій башмачекъ. Сними его поздно — нога не выростетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, темные слухи никого не волнуютъ, хотя всѣмъ имъ вяло вѣрятъ. Занимаетъ дороговизна и голодъ. А фронты... На сколько можно разобраться — кажется, всѣ въ паденіи.

...и дикій міръ
Въ безуміи своемъ застылъ.

Люди гибнутъ, какъ трава, облетаютъ, какъ одуванчики. Молодые, старые, дѣти... всѣ сравнялись. Даже глупые и умные. Всѣ — глупые. Даже честные и воры. Всѣ — воры.

Или сумасшедшіе.

29 Октября.

Умеръ въ Москвѣ старообрядческій еписк. Михаилъ (т. н. Канадскій).

Его везла изъ Симбирска въ Петербургъ сестра. Нервно-разстроеннаго. (Мы его лѣтъ 5-6 не видали, уже тогда онъ былъ не совсѣмъ нормальнаго вида).

На ст. Сортировочной, подъ Москвой, онъ вышелъ и безслѣдно исчезъ. Лишь черезъ нѣсколько дней его подняли на улицѣ, какъ „неизвѣстнаго", избитаго, съ переломанными ребрами, въ горячечномъ бреду отъ начавшагося зараженія крови. Въ больницѣ, въ свѣтлую минуту онъ

назвалъ себя. Тогда пріѣхалъ свящ. съ Рогожскаго — его „исправить“. Въ стар. больницѣ скончался.

Это былъ примѣчательный человѣкъ.

Русскій еврей. Православный архимандритъ. Казанскій духовный профессоръ. Старообрядческій епископъ. Прогрессивный журналистъ, судимый и гонимый. Интеллигентъ, ссылаемый и скрывающійся за границей. Аскетъ въ Бѣлоостровѣ, отдающій всякому всякую копѣйку. Религіозный проповѣдникъ, пророкъ „новаго“ христіанства среди рабочихъ, бурный, жертвенный, какъ дитя безпомощный, хилый, маленькій, нервно-возбужденный, безпорядочно-быстрый въ движеніяхъ, разсѣянный, заросшій черной круглой бородой, совершенно лысый. Онъ былъ вовсе не старъ: года 42. Говорилъ онъ скоро-скоро, руки у него дрожали и все что-то перебирали...

Въ 1902 году церковное начальство вызвало его изъ Казани въ Спб., какъ опытнаго полемиста съ интеллигентными „еретиками“ тогдашнихъ рел.-фил. Собраній. И онъ съ ними боролся... Но потомъ все измѣнилось.

Въ 1908—9 году онъ бывалъ у насъ уже инымъ, уже въ кафтанѣ стар. епископа, уже послѣ смѣлыхъ и горячихъ обвиненій православной Церкви. Его „Я обвиняю“ многимъ памятно.

Отсюда ведутъ начало его поразительныя попытки создать новую церковь „Голгофскаго Христіанства“. Съ внѣшней стороны это была демократизація идеи Церкви, причемъ весьма важно отрицаніе *сектанства* (именно въ „сектанство“ выливаются всѣ подобныя попытки).

Многіе знаютъ происходившее лучше меня: въ эти годы путанность и дѣтская порывистость Михаила удерживали насъ отъ близости къ нему.

Но великаго уваженія достойна память мятежнаго и бѣднаго пророка. Его жертвенность была той цѣнностью, которой такъ мало въ мірѣ (а въ христіанскихъ церквахъ?).

И какъ завершенно онъ кончилъ жизнь! Воистину „пострадалъ“, скитаясь, полубезумный, когда „народъ“, его

же „демократія“ — ломовые извощики — избили его, переломили 4 ребра и бросили на улицѣ; въ переполненной больницѣ для бѣдныхъ, въ корридорѣ, лежалъ и умиралъ этотъ „неизвѣстный“. Не только „демократія“ постаралась надъ нимъ: его даже не осмотрѣли, въ 40-градусномъ жару веревками прикрутили за руки къ койкѣ, — точно распяли дѣйствительно. Даже, когда онъ назвался, когда старообрядцы пошли къ старшему врачу, тотъ имъ отвѣчалъ: „ну, до завтра, теперь вечеръ, я спать хочу“. Сломанныя ребра и ключица были открыты лишь передъ смертью, послѣ 4-5 дневнаго „распятія“ въ „голгоѳской больницѣ“.

Вотъ о Михаилѣ.

И теперь, сразу, о Протопоповѣ. О нашемъ „возлюбленномъ“ министрѣ. Надо отмѣтить, что онъ сдѣлался тов. предсѣдателя Гос. Думы лишь выйдя изъ сумасшедшаго дома, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ. Ярко выраженное религіозное умопомѣшательство. (Еп. Михаилъ никогда не былъ сумасшедшимъ. Его религія не исходила изъ болѣзни. Его нервность, быть можетъ, была результатомъ всей его жизни, внѣшней и внутренней, цѣликомъ). Но я напрасно и вспомнила опять Михаила. Я хочу забыть о немъ на Протопоповѣ, а не „сравнивать“ ихъ.

Итакъ — карьера Пр-ва величественна. Изъ тов. предсѣдателя онъ скакнулъ въ думскій блокъ и заигралъ роль его *лидера*. Затѣялъ милліонную банковскую газету (рьяно туда закупались сотрудники).

Поѣхалъ съ Милюковымъ офиціально въ Англію. (По дорогѣ что-то провраался, темная исторія, замазали). И вотъ, наконецъ, „полюбилъ государя и государь его полюбилъ“ (понимай: Гришенька тожъ). Тутъ онъ и сдѣлался нашимъ министромъ вн. дѣлъ.

Созвалъ какъ-то на „дружеское“ совѣщаніе прогрессивныхъ думцевъ (Милюкова, конечно). Совѣщаніе застенографировано. Оно весело и неправдоподобно, какъ фарсъ. Точно въ Кривомъ Зеркалѣ играютъ произведеніе Тэффи. Да нѣтъ, тутъ скорѣе Джеромъ-Джеромъ... только онъ

приличнѣе. Стоило бы сохранить стенограмму для назиданія потомства.

Россія — очень большой сумасшедшій домъ. Если сразу войти въ залу желтаго дома, на какой-нибудь вечеръ безумцевъ, — вы, не зная, не поймете этого. Какъ будто и ничего. А они всѣ безумцы.

Есть трагически-помѣшанные, несчастные. Есть и тихіе идіоты, со счастливымъ смѣхомъ на отвисшихъ устахъ собирающіе щепочки и, не торопясь, хохоча, поджигающіе ихъ сѣрниками. Протопоповъ изъ этихъ „тихихъ". Поджигательству его никто не мѣшаетъ, вѣдь его власть. И дарована ему „свыше".

Таково данное.

4 Ноября.

Перваго открылась Дума. Милюковъ произнесъ длинную рѣчь, чрезвычайно для него рѣзкую. Говорилъ объ „измѣнѣ" въ придворныхъ и правит. кругахъ, о роли царицы Ал., о Распутинѣ (да, и о Гришѣ!), Штюрмерѣ, Манасевичѣ, Питиримѣ — о всей кликѣ дураковъ, шпіоновъ, взяточниковъ и просто подлецовъ. Приводилъ факты и выдержки изъ нѣмецкихъ газетъ. Но центромъ рѣчи его я считаю слѣдующія, по существу отвѣтственныя, слова: „Теперь мы видимъ и знаемъ, что съ этимъ пр-вомъ мы такъ-же не можемъ законодательствовать, какъ не можемъ вести Россію къ побѣдѣ".

Цитирую по стенограммѣ. Новаго тутъ ничего нѣтъ, дѣло извѣстное. Милюкову можно-бы сказать съ горечью: „теперь видите?" и прибавить: „не поздно-ли?"

Но не въ томъ дѣло. Для него пусть лучше поздно, чѣмъ никогда. А вотъ почему эти отвѣтственныя слова фактически — безотвѣтственны? Увидѣли, что „ничего не можемъ съ ними" и продолжаемъ съ ними? Какъ же такъ?

Рѣчь произвела въ Думѣ впечатлѣніе. Чхеидзе и Керенскому просто закрыли ротъ. Всѣмъ остальнымъ не

просто, а по печатному. Не только рѣчь Милюкова, но и рѣчи правыхъ, и даже всѣ попытки „своими средствами" передать что-либо о думскомъ засѣданіи — было истреблено. Даже заголовки не позволили.

Вечеромъ по телефону изъ цензуры сказали: „вы поменьше присылайте, намъ приказъ поступать *по звѣрски*".

На другой день вмѣсто газетъ вышла небывало-бѣлая бумага. Тоже и на третій, и далѣе.

Министры не присутствовали на этомъ первомъ засѣданіи Думы, но имъ тотчасъ все было доложено. Собравшись вечеромъ экстренно, они рѣшили привлечь Милюкова къ суду по 103 ст. (оскорбленіе величества). Не вѣрится, ибо слишкомъ это даже для нихъ глупо.

Слѣдующія засѣданія протекли столь же возбужденнно (Аджемовъ, Шульгинъ) и столь же бѣло въ газетахъ.

„Блокисты" рѣшительно стали въ глазахъ Пр-ва — „крамольниками". Увы, только въ глазахъ Пр-ва. Если бы съ горчичное зерно попало въ нихъ „крамольства" дѣйствительно! Именно крошечное зернышко *въ нихъ* — цѣлый капиталъ. Но капитала они не пріобрѣли, а невинность потеряли очень опредѣленно.

Сегодня даже было въ газетахъ заявленіе Родзянко, что „отчеты не появляются въ газетахъ по независящимъ обстоятельствамъ". Сегодня же и пр-венное сообщеніе: „не вѣрить темнымъ слухамъ о сепаратномъ мирѣ, ибо Россія будетъ твердо и неуклонно..." и т. д.

Царь только вчера получилъ рѣчь Милюкова и далъ телеграмму, чтобы Шуваевъ и Григоровичъ поскорѣе бросились въ Думу и покормили ее шеколадомъ увѣренія завѣренія и уваженія. Эти такъ сегодня и сдѣлали.

Штюрмеру, видно, не сдобровать. Ужъ очень прискандаленъ. Хотятъ, нечего дѣлать, его „уйти". Назначить Григоровича исп. долж. премьера, а выдвинуть снова Кривошеина. Отчего это у насъ все или „поздно" — или „рано"? Никогда еще не было — „пора".

Милюковъ увидѣлъ правду — „поздно" (и самъ не отрицаетъ), но дальше увидѣнія — итти „рано". Два-три года тому назадъ, когда лѣзли съ Кривошеинымъ, было ему „рано". Теперь никто, ни онъ самъ, не сомнѣваются, что давнымъ-давно — „поздно".

Вотъ въ этомъ вся суть: у насъ, русскихъ, нѣтъ внутренняго понятія о времени, о часѣ, о „пора". Мы и слова этого почти не знаемъ. Ощущеніе это чуждо.

Рано для революціи (ну, конечно) и поздно для реформъ (безъ сомнѣнія!).

Рано было бороться съ пр-вомъ даже такъ, какъ сейчасъ борятся Милюковъ и Шульгинъ... и уже поздно — теперь.

Нѣтъ выхода. Но и не можетъ быть его у народа, который не понимаетъ слова „пора" и не умѣетъ произнести въ пору это слово.

Что намъ пишутъ о фронтѣ — мы почти и не читаемъ. Мы съ нимъ давно разъединены: умолчаніями, утомленіями, безпорядочно-страшнымъ тыловымъ хаосомъ. Грознымъ.

Да, грознымъ. Если мы ничего не сдѣлаемъ — сдѣлается „*что-то*" само. И ликъ его теменъ.

14 Ноября.

Я уѣзжаю въ Кисловодскъ. Не стоитъ брать съ собой эту книгу. Записывать, не около рѣшетки Таврическаго Дворца, можно лишь „психологію" (логическіе выводы всѣ уже сдѣланы), а психологія скучна. Внѣ Петербурга у насъ ничего не *случается*, это я давно замѣтила, ничего, имѣющаго значеніе. Все только приходитъ изъ Петербурга, зачавшись въ немъ. И знать, и видѣть, и понимать (и писать) я могу только здѣсь.

Пока что: Штюрмеръ ушелъ, назначенъ Треповъ (тоже фруктъ!). Блокисты, по своему обыкновенію, растеряны (засѣданій не будетъ до 19-го). Будто бы уходитъ и Протопоповъ (не вѣрю). Министра иностранныхъ дѣлъ не имѣемъ (это теперь-то!).

Румынъ мы посадили въ кашу: нѣмцы уже перешли Дунай.

Было у насъ засѣданіе Совѣта Религ.-Фил. Об-ва (насчетъ собранія въ память еп. Михаила).

Не знаю, какъ нынѣшнюю зиму сложатся собранія нашего Общества. Думаю, мало что выйдетъ. Первая „военная" зима, 14—15 прошла очень остро, въ борьбѣ между „нами", религіозными осудителями войны, какъ таковой, и „ними", старыми „націоналистами", вѣчными. Вторая зима (15-16) началась, послѣ долгихъ споровъ, вопросомъ „конкретнымъ", докладомъ Дм. Вл. Философова о церкви и государствѣ, по поводу „записки" думскихъ священниковъ, весьма слабой и реакціонной. Были, съ одной стороны, эти священники, безпомощно что-то лепетавшіе, съ другой стороны видные думцы. Между прочимъ говорилъ тогда и Керенскій.

Должна признаться, что я не слышала ни одного слова изъ его рѣчи. И вотъ почему: Керенскій стоялъ не на каѳедрѣ, а вплотную за моимъ стуломъ, за длиннымъ зеленымъ столомъ. Каѳедра была за нашими спинами а за каѳедрой, на стѣнѣ, висѣлъ громадный, во весь ростъ портретъ Николая II. Въ мое ручное зеркало попало лицо, Керенскаго и, совсѣмъ рядомъ, — лицо Николая. Портретъ очень недурной, видно похожій (не Сѣровскій ли?). Эти два лица *рядомъ*, казавшіяся даже на одной плоскости, т. к. я смотрѣла въ одинъ глазъ, — до такой степени заинтересовали меня своимъ гармоничнымъ контрастомъ, своимъ интереснымъ „аккордомъ", что я уже ничего и не слышала изъ рѣчи Керенскаго. Въ самомъ дѣлѣ, смотрѣть на эти два лица рядомъ — очень поучительно. Являются самыя неожиданныя мысли, — именно благодаря „аккорду", въ которомъ, однако, все — вопящій диссонансъ. Не умѣю этого объяснить, когда-нибудь просто вернусь къ детальному описанію обоихъ лицъ — вмѣстѣ.

На засѣданіе нынѣшняго Совѣта явились къ намъ два старообрядческихъ епископа: Инокентій и Геронтій. И два съ ними начетчика. Одинъ сухенькій, другой плотный,

розовый, бородатый, но со слезой, — мѣховщикъ Голубинъ.

Я тщательно провѣтрила комнаты и убрала даже пепельницы, не только папиросы.

Сидѣли владыки въ шапочкахъ, кои принесли съ собой въ саквояжикѣ. Синія пелеринки (манатейки) съ краснымъ кантикомъ. Молодые, истовые. Пили воду (вмѣсто чая). Рѣшительно и положительно, даже какъ-то мило, ничего не понимаютъ. Еще бы. Консервація — ихъ суть, весь ихъ смыслъ.

Засѣданіе о Михаилѣ будетъ, вѣроятно, уже послѣ нашего отъѣзда.

Прошлое, первое нынче осенью, не было очень интересно. Книга Бердяева интересна лишь въ смыслѣ ея приближенія къ полуизувѣрческой сектѣ „Чемряковъ“-Щетининцевъ. Эту секту, послѣ провала старца — Щетинина, подобралъ прохвостъ Бончъ-Бруевичъ (Щетининъ — неудачливый Распутинъ) и началъ обрабатывать оставшихся послѣдователей на „божественную“ соціалъ-демократію большевистскаго пошиба. Очень любопытно.

И чего только нѣтъ въ Россіи! Мы сами даже не знаемъ. Страна великихъ и пугающихъ нелѣпостей.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЛЕТУЧИХЪ ЛИСТКОВЪ ВЪ КИСЛОВОДСКѢ.

Декабрь 1916. — Начало янв. 1917.

...здѣсь трудно и тяжело жить, здѣсь слѣпо жить. Свѣтитъ солнце, горитъ снѣгъ, кажется, что ничего не происходитъ. А, вѣдь, происходитъ! Глухіе раскаты громовъ. Я могу здѣсь только приводить въ порядокъ мысли. Или безпорядочно отмѣчать новыя. Но о событіяхъ, по газетамъ, да еще провинціальнымъ, въ углу — я писать не могу.

Къ вопросамъ „по существу“ я уже не буду возвращаться. Только — о данномъ часѣ исторіи и о данномъ по-

ложеніи Россіи и хочется говорить. Еще о томъ, какъ безсильно мы, русскіе сознательные люди, враждуемъ другъ съ другомъ... не умѣя даже сознательно опредѣлить свою позицію и найти для нея соотвѣтственное имя.

Цѣлая куча разномыслящихъ окрещена именемъ „пораженцевъ“, причемъ это слово давно измѣнило свой смыслъ первоначальный. Теперь пораженка я, Чхенкели и — Вильсонъ. А вѣдь слово Вильсона — первое честное, разумное, по земному святое слово о войнѣ (миръ безъ побѣдителей и безъ побѣжденныхъ, какъ единое разумное и желанное окончаніе войны).

А въ Россіи зовутъ „пораженцемъ“ того, кто во время войны смѣетъ говорить о чемъ-либо, кромѣ „полной побѣды“. И такой „пораженецъ“ равенъ — „измѣннику“ родины. Да какимъ голосомъ, какой рупоръ нуженъ, чтобы кричать: война ВСЕ РАВНО такъ въ Россіи не кончится! Все равно — будетъ крахъ! Будетъ! Революція или безумный бунтъ: тѣмъ безумнѣе и страшнѣе, чѣмъ упрямѣе отвертываются отъ безсомнѣннаго тѣ, что ОДНИ могли бы, принявъ на руки вотъ это идущее, сдѣлать изъ него „революцію“. Сдѣлать, чтобъ это была ОНА, а не всесметающее Оно.

И вѣдь видятъ какъ будто. Не Милюкова-ли слова: „съ этимъ пр-вомъ мы не можемъ вести войну!...“ Конечно, не можемъ. Конечно, нельзя. А если нельзя — то вѣдь ясно-же: *будетъ крахъ.* Наши политическіе разумные верхи ведутъ свою, чисто опозиціонную и абсолютно безуспѣшную политику (правый блокъ), единственный результатъ которой — ихъ полное отъединеніе отъ низовъ. Поэтому то, что будетъ, — будетъ голо — снизу.

Будетъ, значитъ, крахъ; бунтъ, анархія... почемъ я знаю! Я боюсь, ибо во время войны революція *только снизу* — особенно страшна. Кто ей поставитъ предѣлы? *Кто* будетъ кончать ненавистную войну? Именно кончать?

„Другой препояшетъ тебя и поведетъ, куда не хочешь“... несчастный народъ, несчастная Россія... Нѣтъ, не

хочу. Хочу, чтобы это была именно Революція, чтобы она взяла, честная, войну въ свои руки и докончила ее. Если она кончитъ — то ужъ прикончитъ. Убьетъ.

Вотъ чего хотимъ мы, сегодняшніе такъ называемые „пораженцы“. Пораженцы?

Насъ убѣждаютъ еще наши противники, что надо теперь лишь въ тиши „подготовлять“ революцію, а чтобы была она — *послѣ* войны. Послѣ того, какъ „Россія съ этимъ пр-вомъ“, съ которымъ она „не можетъ вести войну“, доведетъ ее до конца? О, реальные политики! Такого выбора: революція теперь или революція послѣ войны — совсѣмъ *нѣтъ*. А есть совсѣмъ другой. Вотъ мы, „пораженцы“, и выбираемъ революцію, выбираемъ нашей горячей надеждой, что будетъ Она, а не страшное, м. б. длительное, м. б. даже безплодное. *Оно*. Вѣдь, и „по Милюкову“, другихъ выборовъ нѣтъ...

Или я во всемъ ошибаюсь? А если Россія можетъ въ позорѣ рабства до конца войны дотащиться? Можетъ? Не можетъ?

Допускаю, что можетъ. Но допускаю формально вопреки разуму. А уже вѣры нѣтъ ни капли. Я этого не представляю себѣ, и ничего объ этомъ не могу говорить.

А чуть гляжу въ другое — я живая мука, и страхъ что будетъ „Оно“, гибло-ужасное, и надежда, что нѣтъ что мы успѣемъ...

Продолженіе, тамъ-же

Даже не помнится объ этомъ жалкомъ дворцовомъ убійствѣ пьянаго Гришки. Было — не было, это важно для Пуришкевича. Это не то.

А что Россіи такъ не „дотащиться“ до конца войны — это важно. Не дотащиться. Черезъ годъ, черезъ два (?). но *будетъ что-то*, послѣ чего: или мы побѣдимъ войну, или война побѣдитъ насъ.

Отвѣтственность громадная лежитъ на нашихъ государственныхъ слояхъ интеллигенціи, которые сейчасъ *одни* могутъ дѣйствовать. Дѣло рѣшится въ зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ они окажутся внутри Неизбѣжнаго, причастны къ нему, т. е. и властны надъ нимъ.

Увы, пока они думаютъ не о побѣдѣ надъ войной, а только надъ Германіей. Ничему не учатся.

Хоть бы узкій переворотъ подготавливали. Хоть бы тутъ подумали о „политикѣ", а не о своей доктринерской „честной прямотѣ", парламентскихъ дѣятелей (при чемъ у насъ „нѣтъ парламента").

Я говорю — годъ, два... Но это абсурдъ. Скрытая ненависть къ войнѣ такъ растетъ, что войну надо, и для окончанія, *оканчиванія*, какъ-то иначе повернуть. Надо чтобъ война стала войной для *конца* себя. Или ненависть къ войнѣ, распучившись, разорветъ ее на куски. И это будетъ не конецъ: змѣиные куски живутъ и отдѣльно.

Отсюда не видишь мелкаго, но за то чувствуешь ярко общее. Вернувшись подъ аспидное небо, къ моей синей книжкѣ, къ слѣпой твердости „пріявшихъ войну" — не ослѣпну-ли я? Нѣтъ, просто буду молчать — и ждать безсильно. При каждомъ случаѣ гадая въ страхѣ и сомнѣніи: еще не то. Или то? Нѣтъ, еще не сегодня. Завтра? Или послѣзавтра?

Я ничего не могу измѣнить, только знаю, что *будетъ*. А кто могъ бы, ни линійку, — тѣ не знаютъ, что *будетъ*. Слова?

„...Слова — какъ пѣна,
Невозвратимы — и ничтожны...
Слова измѣна,
Когда дѣянья невозможны..."

Я не фаталистка. Я думаю, что люди (воля) что-то вѣсятъ въ исторіи. Оттого такъ нужно, чтобы видѣли жизнь тѣ, кто можетъ дѣйствовать.

Быть можетъ, и теперь уже поздно. А когда при-

детъ Она или Оно — поздно навѣрно. Ужъ какое будетъ. Ихнее, — нижнее — только нижнее. А вѣдь война. Вѣдь война!

Если начнется ударами, періодическими бунтами, то авось, кому надо, успѣютъ понять, принять, помочь... Впрочемъ, я не знаю, какъ будетъ. Будетъ. Надоѣло все объ одномъ. Выбора нѣтъ.

1917.

С.-Петербургъ. Опять СИНЯЯ КНИГА.

2 Февраля. Четвергъ.

Мы дома. Глубокіе снѣга, жестокій морозъ. Но по утрамъ въ Таврическомъ саду небо свѣтитъ розово. И розовитъ мертвый, круглый куполъ Думы.

Было бы безполезно выписывать здѣсь упущенную хронику. Въ общемъ — „все на своихъ мѣстахъ". Ничего неожиданнаго для такой Кассандры, какъ я.

Къ удивленію, здѣсь рѣчь Вильсона не получила заслуженнаго вниманія. А вѣдь это же — „новое о войнѣ", и при томъ въ самой доступной, обязательной, — реальной плоскости. Рѣчь эта, и вообще весь Вильсонъ съ его дѣлами и словама, примѣчательнѣйшее событіе современности. Это — вскрытіе сути нашего времени, мѣра исторической эпохи. Онъ даетъ формулу, соотвѣтствующую высотѣ культурнаго уровня человѣчества въ данный моментъ всемірной исторіи.

И еще не „сниженіе" — война? Для упрощенной ясности, для тѣхъ, кто не хочетъ понимать простой линіи, на которой я фактически стою съ перваго момента войны, и кто доселѣ шамкаетъ о „пораженчествѣ", — я просто сую Вильсона и не разговариваю дальше.

Убійство Гришки и здѣсь продолжаетъ мнѣ казаться

жалкой вещью. Заговорщиковъ и убійцъ, „завистливыхъ родственниковъ“, разослали по вотчинамъ, а Гришку въ Царскомъ Селѣ вся высочайшая семья хоронила.

Теперь ждемъ чудесъ на могилѣ. Безъ этого не обойдется. Вѣдь мученикъ. Охота была этой мрази вѣнецъ создавать. А пока болото — черти найдутся, всѣхъ не перебьешь.

Ради новаго премьера Думу отложили на мѣсяцъ. Пусть къ дѣламъ пріобыкнетъ, а то ничего не знаетъ.

Да чуть не всѣ новые, незнающіе. Т. е., всѣ самые старые. Протопоповъ набралъ. А онъ крѣпокъ, особенно теперь, когда Гришенькино мѣсто пусто. Протопоповъ-же самъ съ „божественной слезой“ и на прорицанія, хотя еще робко, но уже посягаетъ.

Со стороны взглянуть — комедія. Ну, пусть чужіе смѣются, Я не могу. У меня смѣхъ въ горлѣ останавливается.

Вѣдь это — мы. Вѣдь это Россія въ такомъ стыдѣ.

И что еще будетъ!

11 Февраля. Суббота.

Во вторникъ откроется Дума. Петербургъ полонъ самыми злыми (?) слухами. Да ужъ и не слухами только. Очень опредѣленно говорятъ, что къ 14-му, къ открытію Думы будетъ пріурочено выступленіе рабочихъ. Что они пойдутъ къ Думѣ изъявлять поддержку ея требованіямъ... очевидно, оппозиціоннымъ, но какимъ? Требованіямъ отвѣтственнаго министерства, что-ли, или Милюковскаго — „довѣрія“? Слухи не опредѣляютъ.

Мнѣ это кажется не реальнымъ. Ничего этого, думаю, не будетъ. Причинъ много, почему не будетъ, а главная и первая (даже упраздняющая перечисленіе другихъ) это — что рабочіе думскій блокъ *поддерживать не будутъ*.

Если это глупо, то въ политической глупости этой

повинны не рабочіе. Повинны „реальные“ политики, самъ думскій блокъ. Наши „парламентаріи“ не только не хотятъ никакой „поддержки“ отъ рабочихъ, они ее боятся, какъ огня; самый слухъ объ этомъ считаютъ порочащимъ ихъ „добрыя имена“. Кто-то гдѣ-то обмолвился, что въ рабочихъ кругахъ опираются на какіе-то слова или чуть ли не на письмо Милюкова. Боже, какъ онъ тщательно отбояривался, какъ внушительно заявлялъ протесты. Это было похоже не на одно отгораживаніе, а почти на „гоненіе“ лѣвыхъ и низовъ.

На-дняхъ у насъ былъ Керенскій и возмущенно разсказывалъ недавнюю исторію ареста рабочихъ изъ военно-промышленнаго комитета и поведеніе, всю позицію Милюкова при этомъ случаѣ. Керенскій кипятился, изъ себя выходилъ — а я только пожимала плечами. Ничего новаго. Милюковъ и его блокъ вѣрны себѣ. Были слѣпы и пребываютъ въ слѣпотѣ (хотя *говорятъ*, что видятъ, значитъ „грѣхъ остается на нихъ“).

Керенскій непосѣдливъ и нетерпѣливъ, какъ всегда. Но онъ правъ сейчасъ глубоко, даже въ нетерпѣніи и возмущеніи своемъ. Провожая его, въ передней, я спросила (послѣ операціи мы еще не видались):

— Ну, какъ же вы теперь себя чувствуете?

— Я? Что-жъ, физически — да, лучше чѣмъ прежде, а такъ... лучше не говорить.

Махнулъ рукой съ такимъ отчаяніемъ, что я вдругъ вспомнила одинъ изъ его давнишнихъ телефоновъ: „а теперь будетъ то, что начинается съ а...“

А рабочіе все же не пойдутъ 14-го поддерживать Думу.

Слѣдовало бы подвести счеты сегодняшняго дня, самые грубые, — но развѣ кратко. Вѣдь все то-же повторять, все то-же.

Партія государственная, либерально-парламентарная, вся ея работа и „правый“ думскій блокъ — остались безплодными *абсолютно*. Напротивъ, если правит. курсъ измѣнился — то въ сторону горшей реакціи. Формула Чхен-

кели, за которую два года тому назадъ, даже у насъ, въ 4-хъ стѣнахъ, несчастные „либералы“ клеймили этого лѣваго депутата (лично ничѣмъ не замѣчательнаго) — „пораженцемъ“, а „либерало-христіане“ — дуракомъ и монофизитомъ, — эта формула давно принята словесно тѣмъ же Милюковымъ: „СЪ ЭТИМЪ ПР-ВОМЪ РОССІЯ НЕ МОЖЕТЪ ДОЛЬШЕ ВЕСТИ ВОЙНУ, НЕ МОЖЕТЪ ДАТЬ ЕЙ ХОРОШЕЕ ОКОНЧАНІЕ“. Принята, признана — и больше ничего. Отъ выводовъ отварачиваются. Дошло до того, что наша союзница Англія позволяетъ себѣ теперь говорить то-же: „съ этимъ правительствомъ Россія...“ и т. д.

Англія глубоко равнодушна къ намъ, еще бы! Но о войнѣ-то она вѣдь очень заботится. Кое-что понимаетъ.

Во вторникъ откроется Дума. Положеніе ея унизительно и безвыходно. При любомъ поведеніи (въ рамкахъ либеральнаго блокизма) ея достоинство опять ущербится. Minimum не достигнутъ; а ради него было пожертвовано рѣшительно всѣмъ. Даже не приблизились къ minimum'у, а для него не побоялись вырыть пропасть между умѣренными государственными политиками и революціонной интеллигенціей, вмѣстѣ со смутными русскими революціонными низами (всѣхъ послѣднихъ я, для краткости, и беру подъ одинъ знакъ „лѣвыхъ элементовъ“).

Эти лѣвые, отъ которыхъ блокъ не уставалъ публично отрекаться, готовятъ свои выпады, своими средствами (что-же имъ дѣлать, однимъ? Ничего не дѣлать?). А эти средства сегодня, для сегодняшняго часа не полезны, а *вредны*.

Да, въ свое время отмѣтится, — что̀ бы не свершилось далѣе — это „безумство мудрыхъ“, это упорство отталкиванія, это „гоненіе“ — какъ большая политическая ошибка.

Впрочемъ, ошибки и грѣхи не моя забота, и обвинять мнѣ никого не дано. Записываю факты, каковыми они рисуются съ точки зрѣнія здраваго смысла и практической

логики. Кладу запись „въ бутылку“. Ни для чьихъ сегодняшнихъ ушей она не нужна.

Слова и смыслъ ихъ — все утратило значеніе. Люди закрутились въ петлю. А если?..

Нѣтъ. Хорошо бы ослѣпнуть и оглохнуть. Даже безъ „бутылки“, даже не интересоваться. Писать стихи „о вѣчности и красотѣ“ (ахъ, еслибъ я могла!), перестать быть „человѣкомъ“.

Хорошіе стихи — чѣмъ ни позиція? Во всякомъ случаѣ, моя теперешняя политическая позиція „здраваго ума и твердой памяти“ столь же фактически бездѣйственна (вѣдь она только моя и „въ бутылкѣ“), какъ и загадочная позиція „хорошихъ стиховъ“.

Если же писать — поменьше мнѣній. Поголѣе факты.

Меня жизнь оправдаетъ.

22 Февраля. Среда.

Слухи о готовящихся выступленіяхъ такъ разрослись передъ 14-мъ, что думцы-блокисты стали пускать контръслухи, будто выступленія предполагаются провокаторскія.

Тогда я позвонила къ одному изъ „нереальныхъ“ политиковъ, т. е, къ одному изъ лѣвыхъ интеллигентовъ. Правда, лично онъ, звѣздъ не хватаетъ и въ политикѣ его, всяческой, я весьма сомнѣваюсь, — даже въ правильной информаціи сомнѣваюсь, — однако насчетъ „провокаціи“ можетъ знать.

Онъ ее отвергъ и былъ очень утвердителенъ насчетъ скорыхъ возможностей: „движеніе въ прекрасныхъ рукахъ“.

Между тѣмъ 14-го, какъ я предрекала, ровно ничего не случилось.

Вѣрнѣе — случилось большое „Ничего“. Протопоповъ дѣлалъ видъ, что безпокоится, наставилъ за воротами пулеметовъ (особенно около Думы, на путяхъ къ ней; мы, напримѣръ, кругомъ въ пулеметахъ), собралъ преображенцевъ...

Но и въ Думѣ было — Ничего. Министровъ ни малѣйшихъ. Охота имъ туда ѣздить, только время тратить! Блокистамъ данъ былъ, для точенія зубовъ, одинъ продовольственный Риттихъ, но онъ мудро завелъ шарманку на два часа, а потомъ блокисты скисли. „Онъ сорвалъ настроеніе Думы“, писали газеты.

Милюковъ попытался, но не смогъ. Повтореніе всѣмъ надоѣло. Кончилъ: „хоть съ этимъ Правительствомъ Россія не можетъ побѣдить, но мы должны вести ее къ полной побѣдѣ, и она побѣдитъ“ (?).

Съ тѣхъ поръ, вотъ недѣля, такъ и ползетъ: ни шатко, ни валко. Голицынъ въ Думу вовсе носа не показалъ, и ни малѣйшей „деклараціей“ никого не удостоилъ.

Протопоповъ предпочитаетъ ѣздить въ Царское, говорить о божественномъ.

Бѣлыя мѣста въ газетахъ запрещены (нововведеніе) и рѣчи думцевъ поэтому столь высоко обезсмыслены, что даже Пуришкевичъ застоналъ: „не печатайте меня вовсе!“

Говорилъ дѣльное Керенскій, но такое дѣльное, что Пр-во затребовало его стенограмму. Дума прикрыла, не дала.

Съ хлѣбомъ, да и со всѣмъ остальнымъ, у насъ плохо.

А въ общемъ — опять *штиль*. Даже слухи, послѣ четырнадцатаго, какъ-то внезапно и странно сгасли. Я слышала, однако, вскользь (не желая настаивать), будто все осталось, а 14-го, будто, ничего не было, ибо „не желали связывать съ Думой“. Ага! Это похоже на правду. Если даже все остальное вздоръ, то вотъ это психологически вѣрно.

Но констатирую полный внѣшній штиль всей недѣли. Опять притайно. Дышетъ-ли тайной?

Можетъ быть — да, можетъ быть — нѣтъ. Мы такъ привыкли къ вѣчному „нѣтъ“, что не вѣримъ даже тому, что навѣрно знаемъ.

И разъ дѣлать ничего не можемъ — то боимся одинаково и „да“ и „нѣтъ“...

Я, вѣдь, знаю, что... будетъ. — Но нѣтъ смѣлости желать, ибо... Впрочемъ, объ этомъ слишкомъ много сказано. Молчаніе.

Театры полны. На лекціяхъ битокъ. У насъ въ Рел.-Фил. Об-вѣ Андрей Бѣлый читалъ дважды. Публичная лекція была ничего, а закрытое засѣданіе довольно позорное: почти не могу видѣть эту праздную толпу, жаждущую „антропософіи". И лица съ особеннымъ выраженіемъ — я замѣчала его на лекціяхъ-проповѣдяхъ Штейнера: выраженіе удовлетворяемой похоти.

Особенно же противенъ былъ, внѣ программы, неожиданно прочтенный патріото-русопятскій „псаломъ" Клюева. Клюевъ — поэтъ въ армякѣ (не безъ таланта), давно путавшійся съ Блокомъ, потомъ валандавшійся даже въ кабаре „Бродячей Собаки" (тамъ онъ ходилъ въ пиджачной парѣ), но съ войны особенно вверзившійся въ „пейзанизмъ". Жирная, лоснящаяся физіономія. Ротъ круглый, трубкой. Хлыстъ. За нимъ ходитъ „архангелъ" въ валенкахъ.

Бѣдная Россія. Да опомнись-же!

23 Февраля. Четвергъ.

Сегодня безпорядки. Никто, конечно, въ точности ничего не знаетъ. Общая версія, что началось на Выборгской, изъ-за хлѣба. Кое-гдѣ остановили трамваи (и разбили). Будто-бы убили пристава. Будто-бы пошли на Шпалерную, высадили ворота (сняли съ петель) и остановили заводъ. А потомъ пошли покорно, куда надо, подъ конвоемъ городовыхъ, — все „будто-бы".

Опять кадетская версія о провокаціи, — что все вызвано „провокаціонно", что нарочно, молъ, спрятали хлѣбъ (вѣдь остановили желѣзнодорожное движеніе?), чтобы „голодные бунты" оправдали желанный правительству сепаратный миръ.

Вотъ глупые и слѣпые выверты. Надо-же такое придумать!

Боюсь, что дѣло гораздо проще. Такъ какъ (до сихъ поръ) никакой картины организованнаго выступленія не наблюдается, то очень похоже, что это обыкновенный голодный бунтикъ, какіе случаются и въ Германіи. Правда, параллелей нельзя проводить, ибо здѣсь надо учитывать громадный фактъ саморазложенія Правительства. И вполнѣ учесть его нельзя, съ полной ясностью.

Какъ въ водѣ, да еще мутной, мы глядимъ и не видимъ, въ какомъ разстояніи мы отъ *краха*.

Онъ неизбѣженъ. Не только избѣжать, но даже измѣнить его какъ-нибудь — мы уже не въ состояніи (это-то теперь ясно). Воля спряталась въ узкую область просто желаній. И я не хочу вызсказывать желанія. Не нужно. Тамъ борятся инстинкты и малодушіе, страхъ и надежда, тамъ тоже нѣтъ ничего яснаго.

Если завтра все успокоится и опять мы затерпимъ — по русски тупо, бездумно и молча, — это ровно ничего не измѣнитъ въ будущемъ. Безъ достоинства бунтовали — безъ достоинства покоримся.

Ну, а если безъ достоинства — не покоримся? Это лучше? Это хуже?

Какая мука. Молчу. Молчу.

Думаю о войнѣ. Гляжу въ ея сторону. Вижу: коллективная усталость отъ безсмыслія и ужаса овладѣваетъ еловѣчествомъ. Война вѣрно выѣдаетъ внутренности челоѣка. Она почти гальванизированная плоть, тѣло, мясо — дерущееся.

Царь уѣхалъ на фронтъ. Лафа теперь въ Царскомъ Г-кѣ „пресѣкать“. Хотя они „пресѣкать“ будутъ такъ-же безсильно, какъ мы безсильно будемъ бунтовать. Какое изъ двухъ безсилій побѣдитъ?

Бѣдная земля моя. Очнись!

24 Февраля. Пятница.

Безпорядки продолжаются Но довольно, пока, невинные (?). По Невскому разъѣзжаютъ молоденькіе казаки,

(новые, безъ казачьихъ традицій) гонятъ толпу на тротуары, случайно подмяли бабу, военную сборщицу, и сами смутились.

Толпа — мальчишки и барышни.

Впрочемъ, на самомъ Невскомъ рабочіе останавливаютъ трамваи, отнимая ключи.

Трамваи почти нигдѣ не ходятъ, особенно на окраинахъ, откуда попасть къ намъ совсѣмъ нельзя. Развѣ пѣшкомъ. А морозно и вѣтрено. Днемъ было солнце, и это придавало веселость (зловѣщую) невскимъ демонстраціямъ.

Министры цѣлый день сидятъ и совѣщаются. Пусть совѣщаются. Царь уже обратно скачетъ, но не изъ-за демонстрацій, а потому, что у Алексѣя сдѣлалась корь.

Анекдотично. Французы ничего не понимаютъ. Да и кто пойметъ? Только мы одни. Отецъ и помазанникъ. Благодать выше законовъ. На что они при благодати!

Но не смѣюсь. Пусть чужіе...

Былъ mr. Petit, разсказывалъ о конференціи. Онъ „получилъ телеграмму отъ Albert Thomas — Soyez interprèt auprès de Mr. Doumergue. Понялъ смыслъ. Doumergue съ нимъ не разставался и, сразу по пріѣздѣ, сказалъ что хочетъ видѣть крупныхъ политическихъ дѣятелей. Въ тотъ день, въ вестибюлѣ Европ. Гостинницы, Палеологъ отозвалъ Petit въ сторону и сообщилъ, что въ виду желанія Doumergu'a видѣть Гучкова, Милюкова etc., онъ ихъ всѣхъ приглашаетъ въ посольство завтракать. Завтракъ состоялся. Былъ и Поливановъ. Бесѣда была откровенная.

(Я вставляю: совсѣмъ какъ „во всѣхъ Европахъ". И послы и „крупные политическіе дѣятели"... Ну, посламъ и Богъ велѣлъ не понимать, что они не въ Европахъ, а эти-то! Наши-то! Доморощенные-то слѣпцы! Туда-же не понимаютъ ничего!)

Продолжаю разсказъ Petit:

„Во время поѣздки въ Москву, Petit сопровождалъ Doumergu'a. Изъ оффиціальныхъ interpret'овъ были два офицера генерал. штаба, Мухановъ и Солдатенковъ. Dou-

mergue ихъ стѣснялся и увѣрялъ, что шпіоны. Въ Москвѣ Doumergue бесѣдовалъ у себя, отдѣльно, съ кн. Львовымъ и Челноковымъ. Львовъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Любопытно, что во время бесѣды въ номеръ вошелъ, не постучавшись, Мухановъ. Извинился и вышелъ. Потомъ и во время бесѣды Челнокова съ Мильераномъ то же произошло, тоже вошелъ — не Мухановъ, а Солдатенковъ".

Интересенъ инцидентъ въ Купеческой управѣ. Было много гостей, между прочимъ, Шебеко. Булочкинъ сказалъ оффиціальную рѣчь. Doumergue (ничего не понялъ) отвѣчалъ. Этимъ должно было кончиться. Но черезъ толпу пробрался Рябушинскій, вынулъ изъ кармана записку и хорошо прочелъ рѣзкую французскую рѣчь. Нація во враждѣ съ правительствомъ, пр-во мѣшаетъ націи работать и т. д. И что заемъ не имѣетъ успѣха.

Doumergue „avait un petit air absent", а Шебеко страшно злился. Тотчасъ по всѣмъ редакціямъ телефонъ, чтобъ не только не печатать рѣчи Рябушинскаго, но даже не упоминать его фамиліи. Doumergue не зналъ, кто Рябушинскій, и очень удивился, что это „membre du Conseil de l'Empire" et archimillionaire. Уѣхала делегація черезъ Колу.

Послѣ этой длинной записи о старыхъ уже дѣлахъ (но какъ характерно!) возвращаюсь къ сегодняшнему дню.

Утромъ говорили, что путиловцы стали на работу, но затѣмъ выяснилось, что нѣтъ. Ѣду по Сергіевской, солнечно, морозно. Вдали крики небольшихъ кучекъ манифестантовъ. То тамъ, то здѣсь.

Спрашиваю извощика:

— А что они кричатъ?

— Кто ихъ знаетъ. Кто что попало, то и кричитъ.

— А ты слышалъ?

— Мнѣ что. Кричатъ и кричатъ. Все разное. И не поймешь ихъ.

Бѣдная Россія. Откроешь ли глаза?

25 Февраля. Суббота.

Однако, дѣла не утихаютъ, а какъ будто разгораются. Медленно, но упорно. (Никакого систематическаго плана не видно, до сихъ поръ; если есть что-нибудь — то небольшое, и очень внутри).

Трамваи остановились по всему городу. На Знаменской площади былъ митингъ (мальчишки сидѣли, какъ воробьи, на памятникѣ Ал. III). У зданія Гор Думы была первая стрѣльба — стрѣляли драгуны.

Пр-во, по настоянію Родзянки, согласилось передать продовольственное дѣло городскому управленію. Какъ всегда — это поздно. Риттихъ клялся Думѣ, что въ хлѣбѣ недостатка нѣтъ. Возможно, что и правда. Но даже если... то, конечно, и это „поздно". Хлѣбъ незамѣтно забывается, забылся, какъ случайность.

Газеты завтра не выйдутъ, развѣ „Новое Время", которое долгомъ почтетъ наплевать на „мятежниковъ". Хорошо бы, чтобы они пришли и „сняли" рабочихъ.

Все таки я еще не знаю, чѣмъ и какъ можетъ это (хорошо) окончиться. Вѣдь 1905—1906 годъ пережили, когда сомнѣнія не было, что не только хорошо кончится, но ужъ кончилось. И вотъ...

Но не забуду: теперь *все* другое. Теперь безмѣрнѣе все, ибо война безмѣрна.

Карташовъ упорно стоитъ на томъ, что это „балетъ", — и студенты, и красные флаги, и военные грузовики, медленно двигающіеся по Невскому за толпой (нѣтъ проѣзда), въ странномъ положеніи конвоирующихъ эти красные флаги. Если балетъ... какой горькій, зловѣщій балетъ! Или...

Завтра предрекаютъ рѣшительный день (воскресный). Не начіали бы стрѣлять во всю. А тогда... это тебѣ не Германтя, и ужъ выйдетъ не „бабій" бунтъ. Но я боюсь говорить. Помолчимъ.

Интересно, что правительство не проявляетъ явныхъ ризнаковъ жизни. Гдѣ оно и кто, собственно, распоряжа-

ется — не понять. Это ново. Нѣтъ никакого прежняго Трепова — „патроновъ на толпу не жалѣть". Премьеръ (я даже не сразу вспоминаю, кто у насъ) точно умеръ у себя на квартирѣ. Протопоповъ тоже адски пришипился. Кто-то, гдѣ-то, что-то будто приказываетъ. Хабаловъ? И не Хабаловъ. Душитъ чей-то гигантскій трупъ. И только. Странное ощущеніе.

Дума — „заняла революціонную позицію" какъ вагонъ трамвая ее занимаетъ, когда поставленъ поперекъ рельсъ. Не болѣе. У интеллигентовъ либеральнаго толка вообще сейчасъ ни малѣйшей связи съ движеніемъ. Не знаю, есть-ли реальная и у другихъ (сомнѣваюсь), но у либерало-оппозиціонистовъ нѣтъ связи даже созерцательно-сочувственной. Они шипятъ: какіе безумцы! Нужно съ арміей! Надо подождать! Теперь все для войны! Пораженцы!

Никто ихъ не слышитъ. Безплодно охрипли въ Думѣ. И съ каждымъ наростающимъ мгновеніемъ они какъ будто все меньше дѣлаются нужны. („Какъ будто!" А вѣдь они нужны!).

Если совершится... пусть не въ этотъ, въ двадцатый разъ, — опоздавшимъ либераламъ солоно будетъ это сознаніе. Неужели такъ никогда и не поймутъ они свою *отвѣтственность* за настоящія и... будущія минуты?

Въ нашихъ краяхъ спокойно. Наискосокъ казармы, сзади казармы, напротивъ инвалиды. Поперекъ улицы шагаетъ часовой.

Вмѣсто Бѣляева назначенъ ген. Маниковскій.

26 Февраля. Воскресенье.

День чрезвычайно рѣзкій. Газеты совсѣмъ не вышли. Даже „Новое Время" (сняли наборщиковъ). Только „Земщина" и „Христіанское Чтеніе" (трогательная солидарность!).

Вчера было засѣданіе Гор. Думы. Длилось до 3-хъ

час. ночи. Предсѣдательствовалъ Базуновъ. Превратилось въ широкое политическое засѣданіе при участіи рабочихъ (отъ кооперативовъ), попечительствъ и депутатовъ. Говорилъ и Керенскій. Постановлено было много всякихъ хорошихъ вещей.

Сегодня съ утра вывѣшено объявленіе Хабалова, что „безпорядки будутъ подавляться вооруженной силой". На объявленіе никто не смотритъ. Взглянутъ — и мимо. У лавокъ стоятъ молчаливые хвосты. Морозно и свѣтло. На ближайшихъ улицахъ какъ будто даже тихо Но Невскій оцѣпленъ. Появились „старые" казаки и стали съ нагайками скакать вдоль тротуаровъ, хлеща женщинъ и студентовъ. (Это я видѣла также и здѣсь, на Сергіевской, своими глазами).

На Знаменской площади казаки вчерашніе, — „новые" — защищали народъ отъ полиціи. Убили пристава, городовыхъ оттѣснили на Лиговку, а когда вернулись — ихъ встрѣтили криками: „ура, товарищи-казаки!"

Не то сегодня. Часа въ 3 была на Невскомъ серьезная стрѣльба, раненыхъ и убитыхъ несли тутъ же въ пріемный покой подъ каланчу. Сидящіе въ Евр. Гост. заперты безвыходно и говорятъ намъ оттуда, что стрѣльба длится часами. Настроеніе войскъ неопредѣленное. Есть, очевидно, стрѣляющіе (драгуны), но есть и оцѣпленные, т. е. отказавшіеся. Вчера отказался Московскій полкъ. Сегодня, къ вечеру, имѣемъ опредѣленныя свѣдѣнія, что — не отказался, а возмутился — Павловскій. Казармы оцѣплены и все Марсово Поле кругомъ. Говорятъ, убили командира и нѣсколькихъ офицеровъ.

Сейчасъ въ Думѣ идетъ сеньоренъ-конвентъ, на завтра назначено экстренное общее засѣданіе.

Связь между революціоннымъ движеніемъ и Думой весьма неопредѣленна, не видна. „Интеллигенція" продолжаетъ быть за бортомъ. Нѣтъ даже освѣдомленія у нихъ настоящаго.

Идетъ гдѣ-то „совѣтъ рабочихъ депутатовъ" (1905 годъ?), вырабатываются будто бы лозунги... (Для новыхъ

не поздно ли схватились? Успѣютъ-ли? А старые 12 ти-лѣтніе, сгодятся-ли?)".

До сихъ поръ не видно, какъ, чѣмъ это можетъ кончиться. На красныхъ флагахъ было пока старое „долой самодержавіе" (это годится). Было, кажется, и „долой войну", но, къ счастью, большого успѣха не имѣло. Да, предоставленная себѣ, не организованная стихія ширится, и о войнѣ, о томъ, что, вѣдь, ВОЙНА, — и здѣсь, и страшная, — забыли.

Это естественно. Это понятно, слишкомъ понятно, послѣ дѣйствій правительства и послѣ лозунга думскихъ и не думскихъ интеллигентовъ-либераловъ: все для войны! Понятенъ этотъ перегибъ, но, вѣдь, онъ — страшенъ!

Впрочемъ, теперь поздно думать. И все равно, если это лишь вспышка и будетъ подавлена (если!) — ничему не научатся либералы: имъ опять будетъ „рано" думать о революціи.

Но я сознаюсь, что говорю о думскомъ блокѣ недостаточно объективно. Я готова признать, что для „пропаганды" онъ имѣлъ свое значеніе. Только *дѣла* онъ никакого,, даже своего прямого, не сдѣлалъ. А въ иныя времена *все дѣло въ дѣлѣ,* — исключительно.

Я готова признать, что даже теперь, даже въ этотъ мигъ (если это мигъ предреволюціонный) для „умѣренныхъ" нашихъ дѣятелей — ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО. Но данный мигъ послѣдній. Послѣднее милосердіе. Они еще могутъ... нѣтъ, не вѣрю, что могутъ, скажу *могли-бы,* — кое-что спасти и кое-какъ спастись. Еще сегодня могли бы, завтра — поздно. Но вѣдь нужно рискнуть тотчасъ же, именно сегодня, признать этотъ мигъ предреволюціоннымъ навѣрняка. Ибо лишь съ этимъ признаніемъ они примутъ завтрашнюю революцію, пройдутъ сквозь нее, внесутъ въ нее свой строгій духъ.

Они не смогутъ, ибо въ послѣдній мигъ это еще труднѣе, чѣмъ раньше, когда они уже не смогли. Но я обязана констатировать, что еще не поздно. Безъ обвиненій, съ ужасомъ, вижу я, что не смогутъ. Да и слишкомъ

трудно. А между тѣмъ оно не простится — кѣмъ-то, чѣмъ-то. Еслибъ простилось! Но нѣтъ. Безголовая революція, — отрубленная, мертвая голова.

Кто будетъ строить? Кто нибудь. Какіе нибудь третьи. Но не сегодняшніе Милюковы, и не сегодняшніе подъ-Чхеидзе.

Бѣдная Россія. Незачѣмъ скрывать — есть въ ней какой-то подлый слой. Вотъ тѣ, страшные, наполняющіе сегодня театры биткомъ. Да, биткомъ сидятъ на „Маскарадѣ" въ Имп. театрѣ, пришли, вѣдь, отовсюду пѣшкомъ (иныхъ сообщеній нѣтъ), любуются Юрьевымъ и постановкой Мейерхольда, — „одинъ просценіумъ стоилъ 18 тысячъ. А вдоль Невскаго стрекочутъ пулеметы. Въ это-же самое время (знаю отъ очевидца) шальная пуля застигла студента, покупавшаго билетъ у барышника. Историческая картина!

Всѣ школы, гимназіи, курсы — закрыты. Сіяютъ одни театры и... костры расположившихся на улицахъ бивуакомъ войскъ. Закрыты и сады, гдѣ мирно гуляли дѣти: Лѣтній и нашъ, Таврическій. Изъ оконъ на Невскомъ стрѣляютъ, а „публика" спѣшитъ въ театръ. Студентъ животъ свой положилъ ради „искусства"...

Но не надо никого судить. Не судительное время — грозное. И что бы ни было дальше — *радостное*. Ни полкапли этой странной, внѣразумной, живой радости не давала ни секунды война. Нѣтъ оправданія войнѣ — для современнаго человѣческаго существа. Все въ войнѣ кричитъ для насъ: „назадъ!" Все въ революціонномъ движеніи: „впередъ!" Даже при внѣшнихъ сближеніяхъ — вдругъ, точно искра, *качественное* различіе. Качественное.

27 Февраля. Понедѣльникъ.

12 ч. дня. Вчера вечеромъ въ засѣданіи фракцій говорили, что у пр-ва существуетъ колебаніе между диктатурой Протопопова и министерствомъ яко-бы „довѣрія"

съ ген. Алексѣевымъ во главѣ. Но поздно ночью пришелъ указъ о роспускѣ Думы до 1 апрѣля. Дума *будто бы* рѣшила не расходиться. И, въ самомъ дѣлѣ, она, кажется, тамъ сидитъ. Всѣ прилегающія къ намъ улицы запружены солдатами, очевидно, присоединившимися къ движенію. Приходившій утромъ Н. Д. Соколовъ разсказываетъ, что вчера на Невскомъ стрѣляла учебная команда Павловцевъ, которыхъ въ это время заперли. Это ускорило возстаніе полка. Литовцы и Волынцы рѣшили присоединиться къ Павловцамъ.

1½ ч. дня. Идутъ по Сергіевской мимо нашихъ оконъ вооруженные рабочіе, солдаты, народъ. Всѣ автомобили останавливаются, солдаты высаживаютъ ѣдущихъ, стрѣляютъ въ воздухъ, садятся и уѣзжаютъ. Много автомобилей съ красными флагами, заворачивающихъ къ Думѣ.

2 ч. дня. Делегація отъ 25 тыс. возставшихъ войскъ подошла къ Думѣ, сняла охрану и заняла ея мѣсто.

Экстренное засѣданіе Думы продолжается?

Мимо оконъ идетъ странная толпа: солдаты безъ винтовокъ, рабочіе съ шашками, подростки и даже дѣти отъ 7—8 лѣтъ, со штыками, съ кортиками. Сомнительны лишь артиллеристы и часть семеновцевъ. Но вся улица, каждая сіяющая баба убѣждена, что они пойдутъ „за народъ“.

3 ч. дня. Извѣстія о телеграммахъ Родзянки къ царю; первая — съ мольбой о смѣнѣ правительства, вторая — почти паническая — „послѣдній часъ насталъ, династія въ опасности“; и двѣ его-же телеграммы Брусилову и Рузскому съ просьбой поддержать ходатайство у царя. Оба отвѣтили, — первый: „исполнилъ свой долгъ передъ царемъ и родиной“, второй: „телеграмму получилъ порученіе исполнилъ“.

4 часа. Стрѣляютъ, — большей частью въ воздухъ. Извѣстія: раскрыты тюрьмы, заключенные освобождены. Кѣмъ? Толпы чаще всего — смѣшанныя. Кое-гдѣ солдаты „снимали“ рабочихъ (Орудійный зав.) — рабочіе высыпали на улицу. Изъ Предварилки между прочимъ выпущенъ и Манасевичъ, его чуть ли не до дому проводили.

Взята Петропавловская крѣпость. Революціонныя войска сдѣлали ее своей базой. Когда оттуда выпустили Хрусталева-Носаря (предсѣдатель сов. рабочихъ депутатовъ въ 1905 г.), рабочіе и солдаты встрѣтили его восторженно. По разсказу Вани Пугачева на кухнѣ (Ваня — старинный знакомый, молодой матросъ):

„Онъ столько лѣтъ страдалъ за народъ, такъ вотъ, недаромъ". (Мое примѣчаніе: Носарь эти десять лѣтъ провелъ въ Парижѣ, гдѣ велъ себя сомнительно, вернулся только съ полгода; по всѣмъ свѣдѣніямъ — сумасшедшій...)... „Сейчасъ это его взяли и повезли въ Думу. А онъ по дорогѣ: постойте, говоритъ, товарищи, сначала идите въ Окружный Судъ, сожгите ихъ гадкія дѣла, тамъ и мое есть. Они пошли, подожгли, и сейчасъ горитъ. Ну, привезли въ Думу — къ депутатамъ. Тѣ сейчасъ согласились, пусть онъ какую хочетъ должность беретъ и министровъ выбираетъ. Сталъ онъ, значитъ, глава совѣта рабочихъ депутатовъ. (Мое примѣчаніе: Ваня совсѣмъ не „сѣрый" матросъ; но какая каша, даже любопытно: „глава" сов. раб. депутатовъ — „выбираетъ" министровъ и садится на любую „должность")... „Потомъ говоритъ: поѣдемте на Финляндскій вокзалъ вызванныя войска встрѣчать, чтобы они сразу стали за народъ. Ну, и уѣхали".

Окружный Судъ, дѣйствительно, горитъ. Разгромлено также Охранное Отдѣленіе и дѣла сожжены.

4½ часа. Стрѣльба продолжается, но вмѣстѣ съ тѣмъ о прав. войскахъ ничего не слышно. Ганфманъ поѣхалъ въ Думу на моторѣ, но „инсургенты" его высадили. Въ Думѣ идутъ жаркія пренія. Умѣренные хотятъ временное министерство съ популярнымъ генераломъ „для избѣжанія анархіи", лѣвые хотятъ временнаго правительства изъ видныхъ думцевъ и общественныхъ дѣятелей.

Узнала, что Дума, получивъ приказъ о роспускѣ, вовсе не рѣшила „не расходиться", весьма заколебалась и даже начала, было, собираться во-свояси; но ее почти механически задержали событія, — первыя подошедшія вой-

ска изъ возставшихъ, за которыми полились безъ перерыва и другія. Передаютъ, что Родзянко ходитъ, растерянно ударяя себя руками: „сдѣлали меня революціонеромъ! Сдѣлали!“

Бѣляевъ предложилъ ему сформировать кабинетъ, но Родзянко отвѣтилъ: „поздно“.

5 часовъ. Въ Думѣ образовался Комитетъ „для водворенія порядка и для сношенія съ учрежденіями и лицами“. Двѣнадцать: Родзянко, Некрасовъ, Коноваловъ, Дмитрюковъ, Керенскій, Чхеидзе, Шульгинъ, Шидловскій, Милюковъ, Карауловъ, Львовъ и Ржевскій.

Комитетъ засѣдаетъ перманентно. Тутъ же во дворцѣ Таврическомъ (въ какой залѣ — не знаю) засѣдаетъ и Сов. Раб. депутатовъ. Въ какой онъ связи съ Комитетомъ — не выясняется опредѣленно. Но тамъ и представители кооперативовъ.

5½ часовъ. Арестовали Щегловитова. Подъ революціонной охраной привезли въ Думу. Родзянко протестовалъ, но Керенскій, подъ свою отвѣтственность, посадилъ его въ Министерскій павильонъ и заперъ.

(Голицынъ извѣстилъ Родзянку, что уходитъ, равно, будто-бы, и другіе министры, кромѣ Протопопова).

Всѣ ворота и подъѣзды велѣно держать открытыми. У насъ на дворѣ солдаты искали двухъ городовыхъ, живущихъ въ домѣ. Но тѣ переодѣлись и скрылись. Солдаты, кажется, были выпивши, одинъ стрѣльнулъ въ окно. Угрожали старшему, ранили его, когда онъ молилъ о пощадѣ.

На улицахъ пулеметы и даже пушки, — всѣ забранные революціонерами, ибо, повторяю, о правит. войскахъ не слышно, а полиція скрылась.

Насчетъ другихъ районовъ — слухи противорѣчивы: кто говоритъ, что довольно порядливо, другіе — что были разгромы лавокъ, — ружейной на Невскомъ и Гв. О-ва.

6 часовъ. Въ возставшихъ полкахъ, въ нѣкоторыхъ, убиты офицеры, командиры и генералы. Слухъ (непровѣ-

рѣнный), что убитъ японскій посланникъ, принятый за офицера. Насчетъ артиллеристовъ и семеновцевъ все также неопредѣленно. На улицахъ ни одной лошади, ни въ какомъ видѣ; только гудящіе автомобили, похожіе на дикообразовъ: торчатъ кругомъ щетиной блестящія иглы штыковъ.

7 часовъ. На Литейной 46 хотятъ выпустить „Извѣстія“ отъ комитета журналистовъ, — тамъ Земгоръ, союзы и т. д. „Извѣстія“ думцевъ, которыя они уже начали, было, печатать въ типографіи „Нов. Вр.“, не вышли: явились вооруженные рабочіе и заставили напечатать нѣсколько революціонныхъ прокламацій „непріятнаго“ тона, — по словамъ Волковысскаго (сотр. моск. газеты „Утро Россіи“). Онъ же говоритъ, что „движеніе принимаетъ стихійный характеръ“. Родзянко и думцы теряютъ всякое вліяніе. Мало, молъ, они насъ предавали. Терпи, да терпи, да сами разговоры разговаривали...

(Это похоже на правду. И эта возможность, конечно, самая ужасная. Да, неизъяснимо все страшно. Небывало страшно. То „необойдимое“, что, зналось, *все равно будетъ*. И ликъ его закрытъ. Что же? „Она“ — или „Оно“?

9 часовъ. Есть тайные слухи, что министры засѣли въ градоначальствѣ, и совѣщаются подъ предсѣдательствомъ Протопопова. Вызваны, кажется, войска изъ Петергофа. Будто бы начало сраженія на Измайловскомъ, но еще не провѣрено.

Воззваніе отъ Совѣта Раб. депутатовъ. Очень куцое и смутное. „Связывайтесь между собой... Выбирайте депутатовъ... Занимайте зданія“... О связи своей съ Думскимъ Комитетомъ — ни слова.

Всѣ думаютъ, что и съ правительствомъ еще предстоитъ бойня. Но странно, что оно такъ стерлось, точно провалилось. Если соберетъ какія-нибудь силы — не задумается начать разстрѣлъ Гос. Думы.

Вдоль Сергіевской уже смотритъ пушка, но эта — революціонная. (Ядра-то у всякой — тѣ-же).

О назначеніи, будто бы, Алексѣева — слухъ смолкъ.

Говорятъ, о пріѣздѣ то Ник. Ник-ча, то Мих. Ал-ча, то еще кого-то.

(Опять гдѣ-то стрѣльба).

11 час. веч. Вышли какія-то „Извѣстія". Общее подтверждается. Это Комит. петерб. журналистовъ. Есть еще воззваніе рабоч. депутатовъ: „Граждане, кормите возставшихъ солдатъ"...

О связи (?), объ отношеніяхъ между Комитетомъ Думскимъ и С. Р. Д. — ни тутъ, ни тамъ — ни слова.

12 час. У насъ телефоны продолжаются, но вѣрнаго ничего. Отъ выводовъ и впечатлѣній хочется воздержаться. Одно только: сейчасъ Дума не во власти-ли войскъ, — солдатъ и рабочихъ? *Уже* не во власти-ли?

28 Февраля. Вторникъ.

Вчера не кончила и сегодня, очевидно, всего не напишу.

Грозная страшная сказка.

Н. Слонимскій пришелъ (студентъ, въ муз. командѣ преображенцевъ), принесъ листки. Разсказывалъ много интереснаго. Самъ въ экстазѣ, забылъ весь свой индивидуализмъ.

„Извѣстія" Сов. Раб. Депутатовъ: онъ заявляетъ, что засѣдаетъ въ Таврич. Дворцѣ, выбралъ „районныхъ комиссаровъ", призываетъ бороться „за полное устраненіе стар. пр-ва и за созывъ Учр. Собранія на основѣ всеобщаго, тайнаго"... и т. д.

Все это хорошо и рѣшительно, а вотъ далѣе идутъ „воззванія", отъ которыхъ такъ и ударило затхлостью, двѣнадцатилѣтнею давностью, точно эти бумажки съ 1905 года пролежали въ сыромъ подвалѣ (такъ, вѣдь, оно и есть, а новенькихъ и не успѣли написать, да не хватитъ ихъ, писакъ этихъ, однихъ, на новенькія).

Вотъ изъ „манифеста" С.Д.Р.П, Ц.К-та: „...войти въ сношенія съ пролетаріатомъ воюющихъ странъ противъ

своихъ угнетателей и поработителей, царскихъ правительствъ и капиталистическихъ кликъ для немедленнаго прекращенія человѣческой бойни, которая навязана порабощеннымъ народамъ".

Да вѣдъ это по тону, и почти дословно — живая „Новая Жизнь" „соціалдемократа-большевика" Ленина пятыхъ годовъ, гдѣ еще Минскій, напрасно стараясь сдѣлать свои „надстройки", получилъ арестъ и гибель эмиграціи. И та же приподнятая тупость, и невѣжество, и непониманіе момента, времени, исторіи.

Но... даже тутъ, — не говоря о другихъ воззваніяхъ и заявленіяхъ Сов. Раб. Деп., съ которыми уже по существу нельзя не соглашаться, — есть дѣйственность, есть властность; и она — противопоставлена нѣжному безвластію Думцевъ. Они сами не знаютъ, чего желаютъ, даже не знаютъ, какихъ желаній пожелать. И какъ имъ быть, — съ Царемъ? Безъ Царя? Они только обходятъ осторожно всѣ вопросы, всѣ отвѣты. Стоитъ взглянуть на Комитетскія „Извѣстія", на „Извѣщеніе", подписанное Родзянкой. Все это производитъ жалкое впечатлѣніе робости, растерянности, нерѣшительности.

Изъ-за каждой строчки несется знаменитый вопль Родзянки: „сдѣлали меня революціонеромъ! Сдѣлали!"

Между тѣмъ ясно: если не ихъ будетъ сейчасъ власть — будетъ очень худо Россіи. *Очень худо.* Но это какое-то проклятіе, что они даже въ совершившейся, помимо нихъ, революціи (и не оттого-ли, что „помимо"?) не могутъ стать на мудрую, но революціонную точку... состоянія (точки „зрѣнія" теперь мало).

Они — чужаки, а тѣ, лѣвые, — хозяева. Сейчасъ они погубители своего добра (не виноватые, ибо давно одня) — и все-же хозяева.

Будетъ еще борьба. Господи! Спаси Россію. Спаси, спаси, спаси. Внутренно спаси, по Твоему веди.

Въ 4 ч. извѣстіе: по Вознесенскому ѣдетъ присоединившаяся артиллерія. На нѣмецкой киркѣ пулеметъ, стрѣляютъ въ толпу.

Пришелъ Карташевъ, тоже въ волненіи и уже въ экстазѣ (теперь не „балетъ“ !).

— Самъ видѣлъ, собственными глазами, Питиримку повезли! Питиримку взяли и въ Думу солдаты везутъ!

Это нашъ достойный митрополитъ, другъ покойнаго Гриши.

Войска — по мѣрѣ присоединенія, а присоединяются они неудержимо, — лавиной текутъ къ Думѣ. Къ нимъ выходятъ, говорятъ. Знаю, что говорили рѣчи Милюковъ, Родзянко и Керенскій.

Контактъ между Комит. и Совѣтомъ Р. Д. неуловимъ. Какой-то, очевидно, есть, хотя они дѣйствуютъ параллельно; напримѣръ, и тѣ и другіе — „организовываютъ милицію“. Но вѣдь вотъ: Керенскій и Чхеидзе въ одно и то же время и въ Комитетѣ, и въ Совѣтѣ. Можетъ-ли Комитетъ объявить себя Правительствомъ? Если можетъ, то можетъ и Совѣтъ. Дѣло въ томъ, что Комитетъ ни за что и никогда этого не сдѣлаетъ, на это не способенъ. А Совѣтъ весьма и весьма способенъ.

Страшно.

Приходятъ люди, люди... Записать всего нельзя. Они приходятъ съ разныхъ концовъ города и разсказываютъ все разное, и получается одна грандіозная картина.

Мы сидѣли всѣ въ столовой, когда вдругъ совсѣмъ близко застрекотали пулеметы. Это началось часовъ въ 5. Оказывается, пулеметъ и на нашей крышѣ, и на домѣ напротивъ, да и всѣ ближайшіе къ намъ (къ Думѣ) дома въ пулеметахъ. Ихъ еще съ 14 Протопоповъ наставилъ на всѣхъ высотахъ, даже на церквахъ (на соборѣ Спаса Преображенія тоже). Алекс.-Невскій участокъ за пулеметъ съ утра подожгли.

Но кто стрѣляетъ? Хотя бы съ нашего дома? Очевидно, переодѣтые — „вѣрные“, — городовые.

Мы перешли на другую половину квартиры, — что на улицу. Но не тутъ-то было. Началось съ противоположнаго дома, прямо въ окна. Улица опустѣла. Затѣмъ прошла вооруженная толпа. Часть ея поднялась наверхъ, по лѣст-

ницѣ, искать пулеметъ на чердакѣ. Весь дворъ въ солдатахъ. По нимъ жарятъ. Мы мѣняли половины въ зависимости, съ какой стороны меньше трескотня.

Тутъ-же явился Боря Бугаевъ [1]) изъ Царскаго, огорошенный всей этой картиной уже на вокзалѣ (въ Царскомъ ничего, слухи, но стоятъ себѣ городовые).

Съ вокзала къ намъ Боря ползъ 5 часовъ. Пулеметы со всѣхъ крышъ. Раза три онъ прятался, ложился въ снѣгъ, за какіе-то заборы (даже на Кирочной), путаясь въ шубѣ.

Боря вчера былъ у Масловскаго (Мстиславскаго) въ Ник. Академіи. Тотъ въ самыхъ кислыхъ, пессимистическихъ тонахъ. И недоволенъ, и „нѣтъ дисциплины", и того, и сего... Между тѣмъ онъ — максималистъ. Я долго приглядывалась къ нему и даже защищала, но года два тому назадъ стало выясняться, что эта личность весьма „мерцающая". Керенскій даже ѣздилъ изслѣдовать его „дѣло" на югъ. Почему-то не довелъ до конца... Внѣшнее что то помѣшало. Но изъ организаціи м. д. [2]) его исключили, ибо достаточно было и добытаго.

А бѣдный Боря, это геніальное, лысое, неосмысленное дитя — съ нимъ дружитъ. Съ нимъ — и съ Ив. Разумникомъ, этимъ, точно ядовитой змѣей укушеннымъ, — „писателемъ".

Въ 8½ вечера — еще вышли „Извѣстія". Да, идетъ внутренняя борьба. Родзянко тщетно хочетъ организовать войска. Къ нему пойдутъ офицеры. Но къ Совѣту пойдутъ солдаты, пойдетъ народъ. Совѣтъ ясно и властно зоветъ къ Республикѣ, къ Учр. Собранію, къ новой власти. Совѣтъ — революціоненъ... А у насъ, сейчасъ, революція.

Сидимъ въ столовой — звонокъ. Три полусолдата, мальчишки. Сильно въ подпитіи. Съ ружьями и револьверами. Пришли „отбирать оружіе". Видъ, однако, добродушный. Рады.

---

[1]) Андрей Бѣлый.

[2]) Рѣшительно не могу вспомнить сейчасъ (въ 29 году), что это за организація „м. д.".

Звонитъ Petit. Въ посольствахъ интересуются отношеніемъ „временнаго пр-ва“ (?) къ войнѣ. Жадно разспрашивалъ, правда-ли, что предсѣдатель Раб. Совѣта — Хрусталевъ-Носарь.

Еще звонокъ. Сообщаютъ, что „позиція Родзянко очень шаткая“.

Еще звонокъ (позднѣе вечеромъ). Изъ хорошаго источника. Будто бы въ Ставкѣ до вчерашняго вечера ничего не знали о *серьезности* положенія. Узнавъ — рѣшили послать три хорошо подобранныя дивизіи для „усмиренія бунта“.

И еще позднѣе — всякія кислыя извѣстія о наростающей стихійности, о паденіи дисциплины, о враждѣ Совѣта къ Думцамъ...

Но довольно. Всего не перепишешь. Уже намѣчаются, конечно, безпорядки. Уже много пьяныхъ солдатъ, отбившихся отъ своихъ частей. И это Таврическое двоевластіе...

Но какія лица хорошія. Какіе есть юные, новые, медовые революціонеры. И какая невиданная, молніеносная революція.

Однако, выстрѣлъ. Ночь будетъ, кажется, неспокойная.

P. S. Позднѣе, ночью.

Не могу, приписываю два слова. Слишкомъ ясно вдругъ все понялось. Вся позиція Комитета, вся осторожность и слабость его „заявленій“ — все это вотъ отчего: въ нихъ теплится еще надежда, что царь утвердитъ этотъ комитетъ, какъ офиціальное правительство, давъ ему широкія полномочія, можетъ быть, „отвѣтственность“ — почемъ я знаю! Но еще теплится, да, да, какъ самое желанное, именно эта надежда. Не хотятъ они никакой республики, не могутъ они ея выдержать. А вотъ, по-европейски, „коалиціонное министерство“ *утвержденное Верховной Властью*... — Керенскій и Чхеидзе? Ну, они изъ „утвержденнаго“-то автоматически выпадутъ.

Самодержавіе такъ всегда было непонятно имъ, что они могли все чего-то просить у царя. Только просить могли у „законной власти“. Революція свергла эту власть — безъ ихъ участія. Они не свергали. Они лишь механически остались на поверхности, — сверху. Пассивно-явочнымъ порядкомъ. Но они *естественно* безвластны, ибо *взять* власть они не могутъ, власть должна быть имъ дана, и дана сверху; раньше, чѣмъ они себя почувствуютъ *облеченными* властью, они и не будутъ властны.

Всѣ ихъ рѣчи, всѣ слова я могу провести съ этой подкладкой. Я пишу это сегодня, ибо завтра можетъ сгаснуть ихъ послѣдняя надежда. И тогда всѣ увидятъ.. Но что будетъ?

Они-то вѣрны себѣ. Но что будетъ? Вѣдь я хочу, чтобъ эта надежда оказалась напрасной... Но что будетъ?

Я хочу, явно, чуда.

И вижу больше, чѣмъ умѣю сказать.

1 марта. Среда.

Съ утра текутъ, текутъ мимо насъ полки къ Думѣ. И довольно стройно, съ флагами, со знаменами, съ музыкой. Дмитрій даже сегодня пришелъ въ „розовые тона“, въ виду обилія войскъ дисциплинированныхъ.

Мы вышли около часу на улицу, завернули за уголъ, къ Думѣ. Увидѣли, что не только по нашей, но по всѣмъ прилегающимъ улицамъ течетъ эта лавина войскъ, мерцая алыми пятнами. День удивительный: легко-морозный, бѣлый, весь зимній — и весь уже весенній. Широкое, веселое небо. Порою начиналась неожиданная, чисто вешняя пурга, летѣли, кружась, ласковые бѣлые хлопья и вдругъ золотѣли, пронизанные солнечнымъ лучомъ. Такой золотой бываетъ лѣтній дождь; а вотъ и золотая весенняя пурга.

Съ нами былъ и Боря Бугаевъ (онъ у насъ эти дни). Въ толпѣ, тѣснящейся около войскъ, по тротуарамъ, столько знакомыхъ, милыхъ лицъ, молодыхъ и старыхъ. Но всѣ лица, и незнакомыя, — милыя, радостныя, вѣря-

щія какія-то... Незабвенное утро, алыя крылья и марсельеза въ снѣжной, золотомъ отливающей, бѣлости...

Вернулись домой со встрѣтившимся тамъ Мих. Ив. Туганъ-Барановскимъ. Застали уже кучу народа, студентовъ, офицеровъ (юныхъ, тоже недавнихъ студентовъ, когда-то изъ моего „Зел. Кольца").

Уже ясно, болѣе или менѣе, для всѣхъ то, что мнѣ понялось вчера вечеромъ насчетъ Комитета. Будетъ еще яснѣе.

Утренняя свѣтлость сегодня — это опьяненіе правдой революціи, это влюбленность во взятую (не „дарованную") свободу, и это и въ полкахъ съ музыкой, и въ ясныхъ лицахъ улицы, народа. И нѣтъ этой свѣтлости (и даже ея пониманія) у тѣхъ, кто долженъ бы сейчасъ стать на первое мѣсто. Долженъ — и не можетъ, и не станетъ, и обманетъ...

4 часа. Прибываютъ всякія вѣсти. Все отчетливѣе разладъ между Комитетомъ и Совѣтомъ. Слухъ о томъ, что къ Царю (онъ гдѣ-то застрялъ между Псковомъ и Бологимъ со своимъ поѣздомъ) посланы или поѣхали думцы за отреченіемъ. И даже будто бы онъ уже отрекся въ пользу Алексѣя съ регентствомъ Мих. Ал. Это, конечно, (если это такъ) идетъ отъ Комитета. Вѣроятно, у нихъ послѣдняя надежда на самого Николая исчезла (поздно!), ну, такъ вотъ, чтобъ хоть оформить приблизительно... Хоть что-нибудь сверху, какая-нибудь „верховная санкція революціи"...

У насъ пулеметы протопоповскіе затихли, но въ другихъ районахъ дѣйствуютъ во всю и сегодня. „Героичные" городовые, мало, притомъ освѣдомленные, жарятъ съ Исаакіевскаго собора...

За нѣсколько дней до событій Протопоповъ получилъ „высочайшую благодарность за успѣшное предотвращеніе безпорядковъ 14 февраля". Онъ хвастался, послѣ убійства Гришки, что „подавилъ революцію сверху. Я подавлю ее и снизу". Вотъ и наставилъ пулеметовъ. А жандармы о сю пору защищаютъ уже не существующій „старый режимъ".

А полки все идутъ, съ громадными красными знаменами. Возвращаются одни — идутъ другіе. Трогательно и... страшно, что они такъ неудержимо текутъ, чтобы продефилировать передъ Думой. Точно получить ея санкцію. Этотъ актъ „довѣрія“ — громадный фактъ; и плюсъ... а что тутъ страшнаго — я знаю, и молчу.

Боря смотритъ въ окна и кричитъ:

— Священный хороводъ!

Все прибываютъ въ Думу и арестованные министры, всякіе сановники. Даже Теляковскаго повезли (на его домѣ былъ пулеметъ). Арестованныхъ запираютъ въ министерскій павильонъ. Милюковъ хотѣлъ отпустить Щегловитова, но Керенскій властно заперъ и его въ павильонъ. О Протопоповѣ — смутно, будто онъ самъ пришелъ арестовываться. Не провѣрено.

6 часовъ. — Люди, вѣсти, звонки. Зензиновъ, оказывается, въ Совѣтѣ. Пріѣхалъ случайно изъ Москвы по лит. дѣламъ, здѣсь событія и захватили его. Мы знали его лѣтъ 10, еще въ Парижѣ, еще до его ссылки въ Русское Устье. С.-р. типа святого, слабаго, аскетическаго. Съ Керенскимъ его Дима же и познакомилъ, введя его въ одинъ изъ „круговъ“... Сейчасъ узнаемъ, что онъ въ Совѣтѣ — изъ числа крайнихъ. Вотъ тебѣ и на!

Хрусталевъ сидитъ себѣ въ Совѣтѣ, и ни съ мѣста, хотя ему всячески намекаютъ, что, вѣдь, онъ не выбранъ.... Ему что.

По разсказамъ Бори, видѣвшаго вчера и Масловскаго, и Разумника, оба трезвы, пессимистичны, оба противъ Совѣта, противъ „коммуны“ и боятся стихіи и крайности.

До сихъ поръ ни одного „имени“, никто не выдвинулся. Дѣйствуетъ наиболѣе ярко (не въ смыслѣ той или другой крайности, но въ смыслѣ связи и соединенія всѣхъ) — Керенскій. Въ немъ есть горячая интуиція, и революціонность сейчасная, я тутъ въ него вѣрю. Это хорошо, что онъ и въ Комитетѣ, и въ Совѣтѣ.

Въ 8 часовъ. Борѣ телефонировалъ изъ Думы Ив. Разумникъ. Онъ сидитъ тамъ въ видѣ наблюдателя, вкле-

паннаго между Комитетомъ и Совѣтомъ; слѣдитъ, должно быть, какъ развертывается это историческое, двуглавое, засѣданіе. Начало засѣданія теряется въ прошломъ, не виденъ и конецъ; очевидно, будетъ всю ночь. Доходитъ, кажется, до послѣдней остроты. Боря позвалъ Ив. Раз., если будетъ передъ ночью перерывъ, зайти къ намъ, отдохнуть, разсказать.

Ив. Раз. у насъ не бываетъ (его трудно выносить), но теперь отлично, пусть придетъ. У насъ все равно штабъквартира для знакомыхъ и полузнакомыхъ (иногда вовсе незнакомыхъ) людей, плетущихся пѣшкомъ въ Думу (въ Таврич. Дворецъ). Кого обогрѣваемъ, кого чаемъ поимъ, кого кормимъ.

Въ 11 часовъ. Телефонъ отъ Petit. Былъ въ Думѣ. Полный хаосъ. Родзянко и къ нему (навѣрно, тоже хлопая себя по бедрамъ): „Voila m-r Petit, nous sommes en pleine révolution!“.

Затѣмъ пришелъ Ив. Разумникъ, обезноженный, истомленный и еще простуженный. Въ Т. Дворцѣ перерывъ засѣданія на часъ. Къ 12 онъ опять туда пойдетъ.

Мы взяли его въ гостинную, усадили въ кресло, дали холоднаго чаю. Были только Дмитрій, Боря и я.

Надо сказать правду, навелъ онъ на насъ ужаснѣйшій мракъ. И самъ въ полномъ отчаяніи и безнадежности. Но передамъ лишь кратко факты, по его словамъ.

Совѣтъ Раб. Депутатовъ состоитъ изъ 250—300 (если не больше) человѣкъ. Изъ него выдѣленъ свой „Исполнительный Комитетъ“, Хрусталева въ Комитетѣ нѣтъ. Отношенія съ Думскимъ Комитетомъ — *враждебныя*. Родзянко и Гучковъ отправились утромъ на Никол. вокзалъ, чтобы ѣхать къ царю (за отреченіемъ? или какъ? и посланные кѣмъ?), но рабочіе не дали имъ вагоновъ. (Потомъ, позднѣе, все же поѣхали, съ кѣмъ-то еще). Царь и не на свободѣ, и не въ плѣну, его не пускаютъ желѣзнодорожные рабочіе. Поѣздъ гдѣ-то между Бологимъ и Псковомъ.

Въ Совѣтѣ и Комитетѣ Р. Д. роль играетъ Гиммеръ (Сухановъ), Н. Д. Соколовъ, какой-то „товарищъ Безымянный“, вообще большевики. Открыто говорятъ, что не желаютъ повторенія 1848 года, когда рабочіе таскали каштаны для либераловъ, а тѣ ихъ разстрѣляли. „Лучше мы либераловъ разстрѣляемъ“. Въ войскахъ дезорганизація полная. Когда посылаютъ на вокзалъ 600 человѣкъ, — приходятъ 30. Нынче въ 6 ч. у. сказали, что изъ Краснаго идетъ полкъ съ артиллеріей и обозомъ. Всѣ были увѣрены, что прав-ный. Но на вокзалѣ оказалось, что „нашъ“. Продефилировалъ передъ Думой. Затѣмъ его отправили въ... зданіе М-ва Путей Сообщенія, превративъ зданіе въ казармы.

„Буржуазная“ милиція не удалась. Дѣйствуетъ милиція с-дековъ. Думскій Комитетъ не давалъ ей оружія — взяла силой.

Была мысль позвать Горькаго въ Совѣтъ, чтобы образумить рабочихъ. Но Горькій въ плѣну у своихъ Гиммеровъ и Тихоновыхъ.

Керенскій — въ совѣтскомъ Комитетѣ занимаетъ самый правый флангъ (а въ думскомъ — самый лѣвый).

Совѣтъ уже разослалъ по провинціи агентовъ съ лозунгомъ „конфисковать помѣщичьи земли“. А Гвоздевъ, только что освобожденный изъ тюрьмы, не выбранъ въ Исполн. Ком. — какъ слишкомъ правый.

Вообще же Ив. Разумникъ смотритъ на Совѣтъ съ полнымъ ужасомъ и отвращеньемъ, какъ не на „коммуну“ даже, а скорѣй какъ на „пугачевщину“.

Теперь все уперлось и заострилось передъ вопросомъ о конструированіи власти. (Совершенно естественно). И вотъ — не могутъ согласиться. Если все такъ — то оні и не согласятся ни за что. Между тѣмъ *нужно* согласиться, и не черезъ 3 ночи, а именно въ эту ночь. Когда-же еще?

Интеллигенты вожаки Совѣта (интересно, насколько они вожаки? Быть можетъ, они уже не вполнѣ владѣютъ всѣмъ Совѣтомъ и собой?) обязаны идти на уступки. Но и думцы-комитетчики обязаны. И на большія уступки.

Вотъ въ какомъ принудительномъ видѣ, и когда, преподносится имъ „лѣвый блокъ". Не миновали. И я думаю, что они на уступки пойдутъ. Вѣрить невозможно, что не пойдутъ. Вѣдь тутъ и воли не надо, чтобы пойти. Безвыходно, они понимаютъ. (Другой вопросъ, если все „поздно" теперь).

Но положенiе безумно острое. И такой черной краской нарисовалъ его Разумникъ, что мы упали духомъ. Весь же вопросъ въ эту минуту: будетъ создана власть— или не будетъ.

Совершенно понятно, что уже ни одинъ изъ Комитетовъ *цѣликомъ*, ни думскiй, ни совѣтскiй, властью стать не можетъ. Нужно что-то новое, третье.

Много было еще разныхъ вѣстей, даже послѣ ухода Разумника, но не хочется писать. Все о главномъ думается. Приподымаю портьеру; открываю замерзшее окно; вглядываюсь въ близкiя, голыя деревья Таврическаго сада; стараюсь разглядѣть невидный круглый куполъ Дворца. Что-то тамъ сейчасъ подъ нимъ?

А сегодня туда привезли Сухомлинова. Одну минуту казалось, что его солдаты растерзаютъ...

Протопоповъ, дѣйствительно, явился самъ. Съ ужимочками, играя отъ страха сумасшедшаго. Прямо къ Керенскому: „ваше высокопревосходительство..." Тотъ на него накричалъ и прiобщилъ къ другимъ въ павильонѣ.

Свѣтлое утро сегодня. И темный вечеръ.

2 Марта. Четвергъ.

Сегодня утромъ все притайно, странно тихо. И погода вдругъ сѣроватая, темная. Пришли два офицера-прапорщика (бывшiе студенты). Ужъ, конечно, не „черносотенные" офицеры. Но творится что-то нелѣпое, неудержимое, и они растеряны. Солдаты то арестуютъ офицеровъ, то освобождаютъ, очевидно, сами не знаютъ, что нужно дѣлать и чего они хотятъ. На улицѣ отношенiе къ офицерамъ явно враждебное.

Только что видѣли прокламацію Совѣта съ призывомъ *не* слушаться думскаго Комитета.

А въ послѣднемъ № совѣтскихъ „Извѣстій“ (да, теперь это ужъ не „Совѣтъ Раб. Депутатовъ“, а „Совѣтъ Рабочихъ и *Солдатскихъ* депутатовъ“) напечатанъ весьма странный „приказъ по гарнизону № 1“. Въ немъ сказано, между прочимъ, — „слушаться только тѣхъ приказовъ, которые, не противорѣчатъ приказамъ Сов. Раб. и Солд. депутатовъ“.

Часа въ три пришелъ Румановъ изъ Думы. обезноженный: автомобиль отняли. „Верстъ по 18 въ день дѣлаю“. Оптимистиченъ, но не заражаетъ. Позицію думцевъ опредѣлилъ очень точно, съ наивной прямотой: „они считаютъ, что власть выпала изъ рукъ законныхъ носителей. Они ее подобрали и неподвижно хранятъ, и передадутъ новой законной власти, которая должна имѣть отъ старой ниточку преемственности“.

Прозрачно-ясно. Вотъ, чуть исчезла ихъ надежда на Николая II самого — они стали добиваться его отреченія и Алексѣя съ регентствомъ Михаила. Ниточка... если не канатъ. А не „облеченные“ — безвластны.

Сидѣльцы въ Министерскомъ Павильонѣ (много ихъ тамъ) являютъ художественную картину: Горемыкинъ съ сигарой. Стишинскій — задыхающійся. Маклаковъ въ отчаяніи просилъ, чтобы ему дали револьверъ. И все везутъ новыхъ.

Въ зданіи Думы — разрастающійся хаосъ. Гржебинъ составляетъ „Извѣстія Р. Деп.“, Лившицъ, Немановъ, Поляковъ (кадеты) — просто „Извѣстія“ (Д. Ком-та).

Демидовъ и Вася (Степановъ, думецъ, кадетъ, мой двоюродный братъ) ѣздили въ Царское отъ Д. Ком. — назначить „коменданта“ для охраны царской семьи. Поговорили съ тамошнимъ комендантомъ и какъ-то неопредѣленно глупо вернулись „вообще“.

Люди являлись, смѣнялись, но ничего толковаго не приносили. Безпокойство наростало. Что-же тамъ, нако-

нецъ? Рѣшатъ ли выбрать правительство, или треснуть окончательно?

Пришелъ невинный и дѣтски-сіяющій секретарь Льва Толстого — Булгаковъ.

Потомъ пришли Petit. Онъ отправился въ Думу, она осталась пока у насъ.

Вернулся Боря Бугаевъ: хотѣлъ проѣхать въ Царское за вещами; но это оказалось невозможнымъ, не попалъ.

Сидимъ, сумерки, огня не зажигаемъ, ждемъ, на душѣ безпокойно. Страхъ — и уже начинающееся возмущеніе.

Вдругъ — это было уже часовъ въ 6 — телефонъ, сообщеніе (самое вѣрное, ибо отъ Зензинова идущее): „кабинетъ избранъ. Все хорошо. Соглашеніе достигнуто".

Перечислилъ имена. Не пишу ихъ здѣсь (это, вѣдь, исторія), лишь главное: премьеромъ Львовъ (москвичъ, правѣе ка-детовъ), затѣмъ Некрасовъ, Гучковъ, Милюковъ, Керенскій (юст.). Замѣчу слѣдующее: *революціонный* кабинетъ *не* содержитъ въ себѣ *ни одного революціонера*, кромѣ Керенскаго. Правда, онъ одинъ многихъ стоитъ, но все же фактъ: всѣ остальные или октябристы, или ка-деты, притомъ правые, кромѣ Некрасова, который былъ одно время кадетомъ лѣвымъ.

Какъ личности — всѣ честные люди, но не крупные, рѣшительно. Милюковъ умный, но я абсолютно не представляю себѣ, во что превратится его умъ въ атмосферѣ революціи. Какъ онъ будетъ шагать по этой горящей, ему ненавистной, почвѣ? Да онъ и не виноватъ будетъ, если сразу споткнется. Тутъ нуженъ громадный тактъ; откуда — если онъ въ *несвойственной* ему средѣ будетъ вертѣться?

Вотъ Керенскій — другое дѣло. Но онъ одинъ.

Родзянки нѣтъ. Между тѣмъ, если говорить не по существу уже, а въ смыслѣ „именъ", имя Родзянки, ровно столь же „не пользующееся довѣріемъ демократіи", сколько имена Милюкова и Гучкова.

Все это поневолѣ приводитъ въ смущеніе. Въ сомнѣніе насчетъ будущаго...

Но не будемъ гадать ни о чемъ; слава Богу, первый кризисъ разрѣшенъ.

Вернувшійся изъ Думы Petit подтвердилъ имена и фактъ образованія кабинета.

Вечеромъ разныя вѣсти о подходящихъ, будто бы, правительственныхъ войскахъ. Здѣшнія не трусятъ: „придутъ — будутъ наши“. Да какія, въ самомъ дѣлѣ, войска? Отрекся уже царь или не отрекся?

На кухнѣ нашъ „герой“ — матросъ Ваня Пугачовъ. Страшно дѣйствуетъ. Онъ уже въ Совѣтѣ, — депутатомъ. Пришелъ прямо изъ Думы. Говоритъ охриплымъ голосомъ. Чуть выпилъ. Въ упоеніи, но разсказываетъ очень толково, какъ ихъ смутилъ сегодня Приказъ № 1.

— Это тонкіе люди иначе поняли-бы. А мы прямо поняли. Обезоруживай офицеровъ. Лейт. Кузьминъ расплакался. А есть у насъ капитанъ II ранга Лялинъ — тотъ отецъ родной. Поѣхали мы въ автомобилѣ, онъ говоритъ: вотъ адъютанта Саблина — убивайте. Онъ вамъ врагъ а вотъ Денъ, хоть и фамилія не русская, другъ вамъ' Вы много сдѣлали. Крови мало пролито. Во Франціи сколько крови пролили...

Потомъ продолжаетъ:

— Сейчасъ въ Думѣ у меня товарищи просили, чтобъ лѣвый депутатъ удостовѣрилъ, что Учр. Собраніе будетъ, и что вѣритъ новому правительству. Я прямо къ Керенскому, а онъ шепотомъ говоритъ. Я къ Суханову — и тотъ только рукой машетъ. Прислали намъ Стеклова, сталъ говорить — и въ обморокъ упалъ. Ужъ усталъ очень.

Поздно ночью — такія, наконецъ, вѣсти, опредѣленныя: Николай подписалъ отреченіе на станціи Дно въ пользу Алексѣя, регентомъ Мих. Ал. — Что же теперь будетъ съ законниками? Вѣдь главное, что сегодня примирило, вѣроятно, лѣвыхъ и съ „именами“, это — что рѣшено Учредительное Собраніе. Что-же это будетъ за Учредительное Собраніе при учрежденной монархіи и регенствѣ?

Не понимаю.

3 Марта. Пятница.

Утромъ — тишина. Никакихъ даже листковъ. Мимо оконъ толпа рабочихъ, предшествуемая казаками, съ громаднымъ краснымъ знаменемъ на двухъ древкахъ: „да здравствуетъ соціалистическая республика“. Пѣнье. Затѣмъ все опять тихо.

Наша домашняя демократія грубо, но вѣрно опредѣляетъ положеніе: „рабочіе Мих. Ал. не хотятъ, оттого и манифестъ не выходитъ“.

Царь, оказывается, отрекся и за себя, и за Алексѣя („мнѣ тяжело разставаться съ сыномъ“) въ пользу Михаила Александровича. Когда сегодня днемъ намъ сказали, что новый кабинетъ на это согласился (и Керенскій?), что Михаилъ будетъ „пѣшкой“ и т. д. — мы не очень повѣрили. Помимо, что это плохо, ибо около Романовыхъ завьется сильная черносотенная партія, подпираемая церковью — это представляется невозможнымъ при общей ситуаціи даннаго момента. Само въ себѣ абсурднымъ, неосуществимымъ.

И вышло: съ привезеннымъ царскимъ отреченіемъ Керенскій (съ Шульгинымъ и еще съ кѣмъ-то) отправился къ Михаилу. Говорятъ, что не безъ очень опредѣленнаго давленія со стороны депутатовъ (т. е. Керенскаго), Михаилъ, подумавъ, тоже отказался: если должно быть Учредительное Собраніе — то оно, молъ, и рѣшитъ форму правленія. Это только логично. Тутъ Керенскій опять спасъ положеніе: не говоря о томъ, что весь воздухъ противъ династіи, Учр. Собр. при Михаилѣ дѣлалось абсурдомъ; Керенскій при Михаилѣ и съ фикціей Учред. Собр. автоматически вылеталъ изъ кабинета; а рабочіе Совѣтовъ начинали чортъ знаетъ что, уже съ развязанными руками. Вѣдь въ новое правительство изъ Совѣта пошелъ одинъ Керенскій, только онъ — къ своимъ вчерашнимъ „врагамъ“, Милюкову и Гучкову. Онъ одинъ понялъ, чего требуетъ мгновеніе, и рѣшилъ, говорятъ, мгновенно, на свой страхъ; пришелъ въ Совѣтъ и объявилъ

тамъ о своемъ вхожденіи въ министерство post factum. Зналъ при этомъ, что другіе, какъ Чхеидзе, напримѣръ (туповатый, непріятный человѣкъ), рѣшили ни въ какомъ случаѣ въ П-во не входить, чтобъ оставаться по своему „чистенькими" и дѣйствовать независимо въ Совѣтѣ. Но такова сила вѣрно-угаданнаго момента (и личнаго полнаго „довѣрія" къ Керенскому, конечно), что пламенная рѣчь новаго министра — и тов. предсѣдателя Совѣта — вызвала бурное одобреніе Совѣта, который сдѣлалъ ему овацію. Утвердилъ и одобрилъ то, на что „позволенія" ему не далъ бы, вѣроятно.

Итакъ, съ Мих. Алек. выяснено. Керенскій на прощанье, крѣпко пожалъ вел. князю руку: „вы благородный человѣкъ".

Тотчасъ поползли вѣсти, что военный министръ Гучковъ и мин. ин. дѣлъ Милюковъ уходятъ. Это очень, слишкомъ, похоже на правду. Однако, оказалось не правдой. Хотѣла написать „къ счастью", да и въ самомъ дѣлѣ, это было бы новымъ узломъ сейчасъ, но... я не понимаю, какъ будутъ министерствовать Гучковъ и Милюковъ, *не чувствуя* себя министрами. Вѣдь они не „облечены" властью никѣмъ, а пока не „облечены" — въ свою власть они не вѣрятъ и никогда не повѣрятъ. Это кромѣ факта, что они не знаютъ, не видятъ того мѣста и времени, когда и гдѣ имъ суждено дѣйствовать, *органически* не понимаютъ, что они — во „время" и въ „стихіи" РЕВОЛЮЦІИ.

Посмотримъ.

Кто о чемъ, а посольства только о войнѣ. Французамъ наплевать, что у насъ внутри, лишь бы Россія хорошо дралась, и всячески пристаютъ, какія извѣстія съ фронта. Ихъ успокоили, что въ данный моментъ положеніе „утѣшительное", а на Кавказѣ даже „блестящее". (Дима же и передавалъ имъ нужныя справки!)

Французы близоруки. Въ *ихъ-же* интересахъ слѣдовало бы имъ къ нашему внутреннему внимательнѣе относиться. Въ военныхъ интересахъ. Вѣдь это безумно связано. Теперь не понимая, они и потомъ ничего не поймутъ.

Заботятся *сейчасъ* о кавказскомъ фронтѣ! Какъ будто это имъ что-нибудь объяснитъ и предскажетъ. О войнѣ надо заботиться *отсюда*.

Много мелкихъ вѣстей и глупыхъ слуховъ. Напримѣръ, слухъ, что „Вильгельмъ убитъ". Постарались! Изъ правыхъ круговъ, сановничьихъ, Дима много узнавалъ комическаго и трагическаго. Но это въ его записи. Ужъ слишкомъ широкъ діапазонъ соприкосновеній въ нашемъ домѣ: отъ Сухановыхъ, даже отъ Вань Пугачевыхъ — до посольствъ и сановниковъ съ генералами. Мнѣ не угнаться.

Любопытно, что до сихъ поръ Правительство не можетъ напечатать ни одного приказа, не можетъ заявить о своемъ существованіи, ровно ничего не можетъ: всѣ типографіи у Ком. Рабочихъ, и наборщики ничего не соглашаются печатать безъ его разрѣшенія. А разрѣшеніе не приходитъ. Въ чемъ-же дѣло — неясно. Завтра не выйдетъ ни одна газета.

Московскія пришли: старыя, отъ 28 ф. — точно столѣтнія. А новыя — читаешь, и кажется — лучше нельзя, ангелы поютъ на небесахъ и никакого Совѣта Раб. Депут. не существуетъ

Сегодня революціонеры реквизировали лошадей изъ цирка Чинизелли и гарцовали воистину „на коняхъ", — дрессированныхъ. На Невскомъ сламывали отовсюду орловъ, очень мирно, дворники подметали, мальчишки крылья таскали, крича: „вотъ крылышко на обѣдъ".

Боря, однако, кричитъ: „какая двоекрылая у насъ безголовица!".

Именно.

„Секретъ" Протопопова, который онъ пожелалъ, придя въ Думу арестоваться, открыть „его высокопревосходительству" Керенскому, заключался въ спискѣ домовъ, гдѣ были имъ наставлены пулеметы. Затѣмъ онъ сказалъ: „я оставался министромъ, чтобы сдѣлать революцію. Я сознательно подготовилъ ея взрывъ".

Безумный шутъ.

Теляковскаго выпустили. Онъ напялилъ громадный красный бантъ.

Много еще всего... Въ церкви о сю пору „само-державнѣй-шаго"... Тоже не „облечены" приказомъ и не могутъ отмѣнить. Впрочемъ, гдѣ-то попъ на свой страхъ, растерявшись, хватилъ: „Ис-пол-ни-тельный Ко-ми-тетъ...".

Господи, Господи! Дай намъ разумъ.

4 Марта. Суббота.

Утромъ — ничего, газетъ нѣту, вѣстей нѣту. Смутные слухи о треніяхъ съ Сов. Наконецъ, какъ будто выясняется: споръ — насчетъ временн. Учр. С., немедля — или послѣ войны.

Вотъ вышли „Извѣстія". Ничего, хорошій тонъ. Раб. Сов. пока отлично себя держитъ. Довѣріе къ Керенскому, вошедшему въ кабинетъ, положительно спасаетъ дѣло.

Даже Д. В., вѣчный противникъ Керенскаго, вѣчно споривш ій съ нимъ, сегодня призналъ: „А. Ф. оказался живымъ воплощеніемъ революціоннаго и государственнаго пафоса. Обдумывать некогда. Надо дѣйствовать по интуиціи. И каждый разъ у него интуиція геніальная. Напротивъ, у Милюкова нѣтъ интуиціи. Его рѣчь — безтактна въ той обстановкѣ, въ которой онъ говорилъ".

Это подлинные слова Д. В., и — вѣдь это только то сознаніе, къ которому должны, обязаны, хоть теперь, придти всѣ ка-деты и кадетствующіе. И о сю пору не приходятъ, и не вѣрю я, что придутъ. Я ихъ ненавижу отъ страха (за Россію), совершенно такъ же, какъ ихъ дѣйственныхъ антиподовъ, крайнихъ лѣвыхъ („голыхъ" лѣвыхъ съ „голыми" низами).

Въ Керенскомъ — потенція моста, соединеніе тѣхъ и другихъ, и преображенія ихъ во что-то единое третье, революціонно-творческое, (единственно-нужное сейчасъ).

Вѣдь вотъ: между ЭВОЛЮЦІОННО-ТВОРЧЕСКИМЪ и РЕВОЛЮЦІОННО-РАЗРУШИТЕЛЬНЫМЪ —

пропасть въ данный моментъ. И если не будетъ наводки мостовъ, и не пойдутъ по мостамъ обѣ наши теперешнія, слѣпыя, неподвижности, претворяясь другъ въ друга, создавая третью силу,

РЕВОЛЮЦІОННО-ТВОРЧЕСКУЮ, —

Россія (да и обѣ неподвижности) свалятся въ эту пропасть.

Часа въ три лазаретъ инвалидовъ, что противъ насъ, высыпалъ на улицу. Одноногіе, калѣки, тоже пошли въ Думу, и знамя себѣ устроили красное, и тоже „республика", „земля и воля" и все такое. Мы отворили занесенныя сугробами окна (снѣгу сегодня, снѣгу намело — небывало!), махали имъ краснымъ. Стали они красныхъ лентъ просить, мы имъ бросили все, что имѣли, даже красные цвѣты гвоздики (стояли у меня съ перваго представленія „Зел. Кольца").

Ваня Пугачовъ каждый день является къ намъ изъ Думы (сидитъ въ Сов. Р. Д.).

Разсуждаетъ: „домъ Романовыхъ достаточно себя показалъ. Не мужественно Николай себя велъ. Ну, мы терпѣли, какъ крѣпостные. Довольно. А только Родзянкѣ народъ не довѣрился. Вотъ Керенскій и Чхеидзе — этимъ народъ повѣрилъ, какъ они ни въ чемъ не замѣчены. Это дѣло совсѣмъ иное. А войну сразу прекратить немыслимо, Вильгельмъ братъ двоюродный, если онъ власть возьметъ — онъ намъ опять Романова посадитъ, очень просто. И опять это на триста лѣтъ".

Не вижу что-то другого нашего Ваню — Румянцева (солдатъ-рабочій). И Сережу Глѣбова. Послѣдній очень интеллигентенъ.

Какая сегодня опять бѣлоперистая вешняя пурга. И сіянье.

5 Марта. Воскресенье.

Вышли газеты. За ними — хвосты. Всѣ похожи въ смыслѣ „ангелы поютъ на небесахъ и штандартъ Времен.

Пр-ва скачетъ". Однако, тренія не ликвидированы. Меньшинство Сов. Р. Д., но самое энергичное, не позволяетъ рабочимъ печатать нѣкоторыя газеты и, главное, становиться на работы. А пока заводы не работаютъ — положеніе не можетъ считаться твердымъ.

Въ а-политическихъ низахъ, у просто „улицы", переходящей въ „демократію", общее настроеніе: противъ Романовыхъ (отсюда и противъ „царя", ибо, къ счастью, это у нихъ неразрывно соединено). Потихоньку всплываетъ вопросъ церкви. Ея собственная позиція для меня даже неинтересна, до такой степени заранѣе могла быть предугадана во всѣхъ подробностяхъ. Кое гдѣ на образахъ — красные банты (въ церкви). Кое въ какихъ церквахъ — „самодержавнѣйшій". А въ одной священникъ объявилъ причту: „ну, братцы, кому башка не дорога — пусть поминаетъ, я не буду". Здѣсь священникъ проповѣдуетъ покорность новому „благовѣрному правительству" (во имя невмѣшательства церкви въ политику); тамъ — плачетъ о царѣ-помазанникѣ, съ благодатью... Къ такому плачу слушатели относятся разно: гдѣ-то плакали вмѣстѣ съ проповѣдникомъ, а на Лиговкѣ солдаты повели батюшку вонъ. Не смутился; можете, говоритъ, убить меня за правду... Не убили, конечно.

Со жгучимъ любопытствомъ прислушиваюсь тутъ къ а-политической, уличной, широкой демократіи. Одни искренно думаютъ, что „свергли царя" — значитъ, „свергли и церковь" — „отмѣнено учрежденіе". Привыкли сплошь соединять вмѣстѣ, неразрывно. И логично. Хотя, говорятъ „церковь" — но весьма подразумѣваютъ „поповъ", ибо насчетъ церкви находятся въ самомъ полномъ, кругломъ невѣжествѣ. (Естественно). У болѣе безграмотныхъ это болѣе выпукло: „сама видѣла, написано: долой монахію. Всѣхъ, значитъ, монаховъ, по шапкѣ". Или: „а мы нынче нарочно въ церкву пошли, слушали-слушали, дьяконъ бормочетъ, поминать не смѣетъ, а другихъ словъ для служенія нѣтъ, такъ и кончили, почитай безъ службы..."

Солдатъ подхватываетъ:

— Понятное дѣло. Какъ пойдутъ, бывало, частить и старуху и родичей... Глядь — и обѣдня...

Пока записываю лишь наблюденія, безъ выводовъ. Вернусь.

Городъ еще полонъ кипѣньемъ. Нынче мимо насъ шла двухверстная толпа съ пѣньемъ и флагомъ — „да здравствуетъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ".

6 Марта. Понедѣльникъ.

Устала сегодня, а писать надо много.

Былъ Н. Д. Соколовъ, этотъ вѣчно здоровый, никакихъ звѣздъ не хватающій, твердокаменный поповичъ, присяжный повѣренный — предсѣдательствующій въ Сов. Раб. Депутатовъ.

Это онъ, съ Сухановымъ-Гиммеромъ, тамъ „верховодитъ", и про него П. М. Макаровъ (тоже присяж. пов., и вся та-же „совмѣстная", лѣво-интеллигентская группа до революціи) только что спрашивалъ: „до сихъ поръ въ красномъ колпакѣ? Не порозовѣлъ? Въ первые дни былъ прямо *кровавый*, нашей крови требовалъ".

На мой взглядъ или „розовѣетъ", или хочетъ показать *здѣсь*, что весьма розовъ. Смущается своей „кровавостью". Увѣряетъ, что своимъ присутствіемъ „смягчаетъ" настроеніе массъ. Приводилъ разные примѣры выкручиванья, когда предлагалось броситься или на звѣрство (моментально ѣхать разстрѣливать павловскихъ юнкеровъ за храненіе учебныхъ пулеметовъ) или на глупость (похороны „жертвъ" на Дворцовой, мерзлой, площади).

Разсказывалъ многое — „съ того берега", конечно. Увѣрялъ, что составленію кабинета „мѣшали отнюдь не мы. Мы даже не возражали противъ лицъ. Берите, кого хотите. Намъ была важна декларація новаго правительства. Всѣ ея 8 пунктовъ даже моей рукой написаны. И мы дѣлали уступки. Напримѣръ, въ одномъ пунктѣ Милюковъ просилъ добавить насчетъ союзниковъ. Мы согласились, я приписалъ..."

Распространялся насчетъ промаховъ пр-ва и его неистребимаго монархизма (Гучковъ, Милюковъ).

Странный, въ концѣ концовъ, фактъ получился: существованіе рядомъ съ Временнымъ Прав-вомъ, двухтысячной толпы, властнаго и буйнаго перманентнаго митинга, — этого Совѣта Раб. и Солд. депутатовъ. Н. Д. Соколовъ разсказывалъ мнѣ подробно (полусмущаясь, полуизвиняясь), что онъ именно въ напряженной атмосферѣ митинга писалъ *Приказъ* № 1 (гдѣ, что называется, хвачено). Приказъ, будто-бы, необходимъ былъ, такъ какъ, изъ за интригъ Гучкова, армія, въ періодъ междуцарствія, присягнула Михаилу... „Но вы понимаете, въ такой бурлящей атмосферѣ, у меня не могло выйти иначе, я думалъ о солдатахъ, а не объ офицерахъ, ясно, что именно это у меня и вышло болѣе сильно"... *).

Сей „митингъ" столь „властный", что къ нему даже Рузскій съ запросами обращается. Самъ себя избравшій парламентъ. Совѣтскій Исп. Ком. иногда соглашается съ Пр-вомъ — иногда нѣтъ. Выходитъ, что иногда можно слушаться Пр-ва, — иногда нѣтъ. Они, совѣтскіе, „стоятъ на сторонѣ народныхъ интересовъ", какъ они говорятъ, и слѣдятъ за дѣйствіями Правительства, которому „не вполнѣ довѣряютъ".

Со своей точки зрѣнія, они, конечно, правы, ибо какіе-же это „революціонные" министры, Гучковъ и Милюковъ? Но вообще-то тутъ коренная нелѣпость, чреватая всякими возможностями. Если бы только „революціонность" митинга-совѣта восприняла какую-нибудь твердую, но одну линію, что-нибудь оформила и себя ограничила... но бѣда въ томъ, что ничего этого пока не намѣчается. И лѣвые интеллигенты, туда всунувшіеся, могутъ „смягчать", но ничего не вносятъ твердаго и *не* ведутъ.

Да что они сами-то? Я не говорю о Соколовѣ, но другіе, знаютъ ли они, чего хотятъ и чего не хотятъ?

---

*) Мое примѣчаніе отъ 10 сент. 17.:

— И вовсе не онъ даже и писалъ-то, — говоритъ Ганфманъ, — а Кливанскій изъ „Дня". Но этотъ сразу покаялся и скрываетъ. Н. Д. же полухвастается, ибо только присутствовалъ.

Рядомъ еще чепуха какая-то съ Горькимъ. Окруженный своими, заѣвшими его, большевиками Гиммерами и Тихоновыми, онъ принялся почему-то за „эстетство" выбрали они „комитетъ эстетовъ" для украшенія революціи; засѣдаютъ, привлекли Алекс. Бенуа (который никогда не знаетъ, что онъ, гдѣ онъ и почему онъ). Былъ на эстетномъ засѣданіи и Макаровъ, и Батюшковъ. Но эти — чужаки, а горьковскій кружокъ очень сплоченъ. Что-то противное, некмѣстное, невременное. Батюшковъ говоритъ, что отъ противности даже не досидѣлъ. Бесѣдовалъ тамъ съ большевиками. Они страстно ждутъ Ленина — недѣли черезъ двѣ. „Вотъ бы дотянуть до его пріѣзда, а тогда мы свергнемъ нынѣшнее правительство".

Это по словамъ Батюшкова. Д. В. резюмируетъ: „итакъ, нашу судьбу станетъ рѣшать Ленинъ". Что касается меня, то я одинаково вижу обѣ возможности — путь опоминанья — и путь всезабвенья. Если не

предрѣшена судьба отъ вѣка", —

то какимъ мы путемъ пойдемъ — будетъ въ громадной степени зависѣть отъ насъ самихъ.

Поворота къ оформленью, къ творчеству, пока еще не видно. Но, можетъ быть, еще рано. Вонъ, со страстью думаютъ только о „сверженіяхъ.

Рабочіе до сихъ поръ не стали на работу.

7 Марта. Вторникъ.

Морозъ 11° сегодня. Исключительная зима. Ни одной оттепели не было.

Положеніе то же. Или, развѣ, подчеркнуто то-же. Сов. Раб и С. издаютъ приказы, ихъ только и слушаются.

Въ Кронштадтѣ и Гельсингфорсѣ убито до 200 офицеровъ. Гучковъ прямо приписываетъ это „Приказу № I". Адм. Непенинъ телеграфировалъ: „Балтійскій флотъ, какъ боевая единица, не существуетъ. Пришлите комиссаровъ".

Поѣхали депутаты. Когда они выходили съ вокзала а Непенинъ шелъ къ нимъ навстрѣчу, — ему всадили въ спину ножъ.

Здѣсь, между „двумя берегами“, правительственнымъ и „совѣтскимъ“, нѣтъ не только координаціи дѣйствій (развѣ для далекаго и грубаго взора), но почти нѣтъ контакта.

Интеллигенція силой вещей оказалась на ЭТОМЪ берегу, т. е. на правительственномъ, кромѣ нѣсколькихъ: 1) фанатиковъ, 2) тщеславцевъ, 3) безсознательныхъ, 4) природно-ограниченныхъ. Въ данный моментъ и всѣ эти разновидности уже не владѣютъ толпой, а она ими владѣетъ. Да, Россіей уже правитъ „митингъ“ со всей его митинговой психологіей, а вовсе не сѣрое, честное, культурное и безсильное (а-революціонное) Вр. Пр-во. Пока, впрочемъ, не Россіей, а лишь Петербургомъ правитъ; но Россія — неизвѣстность ..

Контакта съ вооруженнымъ митингомъ у насъ, интеллигентовъ правительственной стороны, очень мало и черезъ отдѣльныхъ интеллигентовъ-выходцевъ, ибо они очень охраняютъ „тотъ берегъ“.

Есть еще средняя часть, безвластная абсолютно: распыленные эсъ-эры, напримѣръ. Они „туда“ лишь вхожи. Большинство изъ нихъ просто въ ужасѣ, какъ Ив Разумникъ и Мстиславскій.

Но такое отсутствіе контакта — преступная вещь. Сегодня намъ въ паникѣ звонилъ Макаровъ: дайте знать въ Думу, чтобъ отъ Сов. Раб. Д. послали делегатовъ въ Ораніенбаумъ, на автомобилѣ: солдаты громятъ тамошній дворецъ и никого не слушаютъ.

Любопытно, что П. М. Макаровъ теперь правительственное лицо: Керенскій сдѣлалъ его комиссаромъ по охранѣ дворцовъ (Н. Н. Львовъ ушелъ, не желая проводить коренной реформы въ вѣдомствѣ Двора; что, молъ, за революція. лучше просто „беречь гнѣздо“. Хорошъ. На его мѣсто хотятъ Урусова или Головина, Ѳ. А.). Но хорошъ и „правительственный“ Макаровъ. Звонитъ, для

контакта съ Совѣтомъ, — намъ! Ужъ, кажется, ни въ какой мѣрѣ не „официальны“. Мы бросились къ М-х-у, сообщились съ Думой черезъ какую-то „комнату“ и Тихонова; потомъ, вечеромъ, Тихоновъ зашелъ къ намъ въ переднюю (видѣла его мелькомъ) сказать, что все было исполнено.

Керенскій ѣздилъ на дняхъ въ Зимній дворецъ. Взошелъ на ступени трона (только на ступени!) и объявилъ всей челяди, что „Дворецъ отнынѣ національная собственность“, благодарилъ за его сохранность въ эти дни. Сдѣлалъ все это съ большимъ достоинствомъ. Лакеи боялись издѣвокъ, угрозъ; услыхавъ милостивую благодарность, — толпой бросились Керенскаго провожать, преданно кланяясь. Керенскій былъ съ Макаровымъ (который это и передавалъ сегодня вечеромъ у насъ). Когда они ѣхали изъ дворца въ открытомъ автомобилѣ — имъ кланялись и прохожіе.

Керенскій — сейчасъ единственный ни на одномъ изъ „двухъ береговъ“, а тамъ, гдѣ быть надлежитъ: съ русской революціей. Единственный. Одинъ. Но это страшно, что *одинъ*. Онъ геніальный интуитъ, однако, не „всеобъемлющая“ личность: одному же вообще никому сейчасъ быть нельзя. А что на вѣрной точкѣ сейчасъ только одинъ — прямо страшно.

Или будутъ многіе и все больше, — или и Керенскій сковырнется.

Роль и поведеніе Горькаго — совершенно фатальны. Да, это милый, нѣжный готтентотъ, которому подарили бусы и цилиндръ. И все это „эстетное“ тріо по „устройству революціонныхъ празднествъ“ (похоронъ?) весьма фатально: Горькій, Бенуа и Шаляпинъ. И въ то же время, черезъ Тихоно-Сухановыхъ, Горькій опирается на самую слѣпую часть „митинга“.

Къ „бо-зарамъ“ уже прилѣпились и всякіе проходимцы. Напримѣръ Гржебинъ, раскатываетъ на реквизированныхъ романовскихъ автомобиляхъ, занятъ по горло, помогаетъ клеить новое, свободное, „министерство искусствъ“ (пролетарскихъ, очевидно). Что за чепуха. И какъ это бе-

зобразно-уродливо, прежде всего. Въ pendant къ уродливому копанью могилъ въ центрѣ города, на Дворцовой площади, для „гражданскаго“ тамъ хороненья сборныхъ труповъ, держащихся въ ожиданіи, — подъ видомъ „жертвъ революціи“. Тамъ не мало и городовыхъ. Офицеровъ и вообще настоящихъ „жертвъ“ (отсюда и оттуда) родственники давно схоронили.

Дворцовую-же площадь поковыряли, но, кажется, бросятъ: трудно ковырять мерзлую, замощенную землю; да еще подъ ней, естественно, всякія трубы .. остроумно!

Въ Россіи, по газетамъ, спокойно. Но и въ Петербургѣ, по газетамъ, спокойно... И на фронтѣ, по газетамъ, спокойно. Однако, Рузскій проситъ прислать делегатовъ.

8 Марта. Среда.

Сегодня, какъ будто, легче. Съ фронта извѣстія разнорѣчивыя, но есть и благопріятныя. Совѣтскія „Извѣстія“ не дурного тона. Правда, есть и такіе факты: захватнымъ правомъ эсъ-деки издали № Сельскаго Вѣстника, гдѣ объявили о конфискаціи земли, и сегодня уже есть серьезные слухи объ аграрныхъ безпорядкахъ въ Новгородской губерніи.

Въ типографіи „Копѣйки“ Бончъ-Бруевичъ наставилъ пулеметовъ и объявилъ „осадное положеніе“. Несчастная „Копѣйка“ изнемогаетъ. Да, если въ такихъ условіяхъ будутъ выходить „Извѣстія“, и подъ Бончемъ, то добра не жди. Бончъ-Бруевичъ опредѣленный дуракъ, но притомъ упрямый и подколодный.

Ораніенбаумскій дворецъ какъ-будто и не горѣлъ, какъ будто это лишь паника Макарова и Карташева.

Бываютъ моменты дѣла, когда нельзя смотрѣть только на количество опасностей (и пристально заниматься ихъ обсужденіемъ). А я, на *этомъ* берегу, — ни о чемъ, кромѣ „опасностей революціи“, не слышу. Неужели я ихъ отрицаю? Но вѣрно ли это, что всѣ (здѣсь) *только* ими и заняты? Я невольно уступаю, я говорю и о „митингѣ“

и о Тришкѣ-Ленинѣ (о Ленинѣ — это спеціальность Димитрія: именно отъ Ленина онъ ждетъ самаго худого), о проклятыхъ „соціалистахъ“ (Карташевъ), о фронтѣ и войнѣ (Д. В.), и о какихъ-то планомѣрныхъ „четырехъ опасностяхъ“ Ганфмана.

Я говорю, — но опасностей столько, что если говорить серьезно обо всѣхъ, то уже ни минуты времени ни у кого не останется.

Честное слово, не „съ заячьимъ сердцемъ и огненнымъ любопытствомъ“, какъ Карташевъ, слѣдила я за революціей. У меня былъ тяжелый скепсисъ (онъ и теперь со мной, только не хочу я его *примата*), а Карташевское слово „балетъ“ мнѣ было оскорбительно...

Но зачѣмъ эти разсужденія? Они здѣсь не нужны. Царь арестованъ. О Ниловѣ и Воейковѣ умалчивается. Похоронъ на Дворцовой площади, кажется, не будетъ. Но гдѣ-нибудь да будутъ. Отъ чего-отъ чего, а отъ похоронъ никогда русскій человѣкъ не откажется.

9 Марта. Четвергъ.

Можно бояться, можно предвидѣть, понимать, можно знать, — все равно: этихъ дней нашихъ предвесеннихъ, морозныхъ, бѣлоперистыхъ дней нашей революціи, у насъ уже никто не отниметъ. Радость. И такая... сама по себѣ радость, огненная, красная и бѣлая. Въ вѣкахъ незабвенная. Вотъ когда можно было себя чувствовать *со всѣми*, вотъ когда... (а не въ войнѣ).

У насъ „двоевластіе“. И нелѣпости Совѣта съ его неумными прокламаціями. И „засиліе“ большевиковъ. И угрожающій фронтъ. И... общее легкомысліе. Не отъ легкомыслія-ли не хочу я ужасаться всѣмъ этимъ до темноты?

Но вѣдь я все вижу.

Время острое — я не забываю. Время страшное, я не забываю. И все-таки надо же хоть немного вѣрить въ

Россію. Неужели она никогда не нащупаетъ *мѣры*, не узнаетъ своихъ временъ?

Богъ спасетъ Россію.

Николай былъ данъ ей мудро, чтобы она проснулась.

Какая роковая у него судьба. *Былъ* ли онъ?

Онъ, молчаливо, какъ всегда, проѣхалъ тѣнью въ Царскосельскій Дворецъ, гдѣ его и заперли.

Вернется ли къ намъ цезаризмъ, самодержавіе, державіе? Не знаю; всѣ конвульсіи и петли возможны въ исторіи. Но это всегда лишь конвульсіи, лишь петли, которыми заворачивается единый историческій путь.

Россія освобождена — но не очищена. Она уже не въ мукахъ родовъ, — но она еще очень, очень больна. Опасно больна, не будемъ обманываться, развѣ этого я хочу? Но первый крикъ младенца *всегда радость*, хотя бы и знали, что еще могутъ погибнуть и мать и дитя.

Въ самомъ совѣтскомъ Комитетѣ уже начались нелады. Бончъ безумствуетъ, окруженный пулеметами. Грозилъ Тихонову арестомъ. Въ то же время рекомендуетъ своего брата, генерала „контръ-развѣдки“, „вмѣсто Рузскаго“. Кого-то изъ членовъ Комитета уже изобличили въ провокаторствѣ, что тщательно скрываютъ.

Незавидное прошлое притершагося къ большевикамъ Гржебина никого не интересуетъ: напрасно...

Звонилъ французскій посолъ Палеологъ: „ничего не понимаетъ“ и требуетъ „вліятельныхъ общественныхъ дѣятелей“ для информаціи. Тоже хорошъ. Четыре года тутъ сидитъ и даже никого не знаетъ. Теперь поздно спохватился. Думаетъ (Д. В.), что къ нему не пойдутъ — некогда. Подчасъ Вр. Правительство дѣйствуетъ молніеносно (Керенскій, толчки Сов. Р. Д.). Амнистія, отмѣна смертной казни, временные суды, всеобщее уравненіе правъ, смѣна стараго персонала — порою, кажется, что исторія идетъ съ быстротой обезумѣвшаго аэроплана.

Но вотъ... я подхожу къ самому главному, чего досел̀ почти нам̀ренно не касалась. Подхожу къ самому сейчасъ острому вопросу, — *вопросу о войнѣ*.

Длить умолчаній дольше нельзя. Завтра въ Совѣтѣ, онъ, кажется, будетъ обсуждаться рѣшительно. Въ Совѣтѣ? А въ Правительствѣ? Оно будетъ молчать.

Вопросъ о войнѣ долженъ, и немедля, найти свою дорогу.

Для меня, просто для моего человѣческаго здраваго смысла, эта дорога ясна.

Это лишь продолженіе той самой линіи, на которой я стояла съ начала войны. И, насколько я помню и понимаю, — Керенскій. (Но знать — еще ничто. Надо *осуществлять* знаемое. Керенскій теперь — при возможности осуществленія знаемаго. Осуществитъ-ли? Вѣдь онъ — одинъ).

Для памяти, для себя, обозначу, хоть кратко, эту *сегодняшнюю* линію „о войнѣ".

Вотъ: я *ЗА* войну. То-есть: за ея наискорѣйшій и достойный КОНЕЦЪ.

Долой побѣдинство! Война должна измѣнить свой ликъ. Война должна теперь стать дѣйствительно войной за свободу. Мы будемъ защищать *нашу* Россію, отъ Вильгельма, пока онъ идетъ на нее, какъ защищали бы отъ Романова, если бы шелъ онъ.

Война, какъ таковая, — горькое наслѣдіе, но именно потому, что мы такъ рабски приняли ее, и такъ долго сидѣли въ рабахъ, — мы виноваты въ войнѣ. И теперь надо принять ее, какъ свой же грѣхъ, поднять ее, какъ подвигъ искупленья, и съ не прежней, новой, силой донести до настоящаго конца.

Ей не будетъ настоящаго конца, если мы *сейчасъ* отвернемся отъ нея. Мы отвернемся — она застигнетъ и задавитъ.

Безумнымъ и преступнымъ ребячествомъ звучатъ эти корявыя прокламаціи: „... немедленное прекращеніе кровавой бойни...“ Что это? „Глупость или измѣна?“ какъ спрашивалъ когда-то Милюковъ (о другомъ). Прекратите, пожалуйста, немедля. Не убивайте нѣмцевъ — пусть они насъ убиваютъ. Но не будетъ ли именно тогда — „бойня“? Прекратить „по соглашенію“? Согласитесь, пожалуйста, съ нѣмцами немедля. Вѣдь они-то — не согласятся. Да, въ этомъ „немедля“ только и можетъ быть: или извращенное толстовство, или неприкрытое преступленіе.

Но вотъ что нужно и можно „немедля“. Нужно не медля ни дня объявить, именно отъ новаго русскаго, *нашего* правительства, русское новое военное „во имя“ Конкретно: необходима абсолютно ясная и совершенно твердая декларація насчетъ нашихъ цѣлей войны. Декларація, прежде всего чуждая всякому *побѣдинству*. Союзники *не смогутъ* противъ нея протестовать (если бы въ тайнѣ и хотѣли), особенно если хоть немного взглянутъ въ нашу сторону и учтутъ наши „опасности“ (имъ же грозящія).

Наши времена сократились. И наши „опасности“ неслыханно, всѣ, возрастаютъ, если теперь, послѣ революціи, мы будемъ тянуть въ войнѣ ту же политику, совершенно ту-же самую, форменно, какъ при царѣ. Да мы не будемъ — такъ какъ это *не возможно*; это само, все равно, провалится. Значитъ — измѣнить ее нужно...

Можетъ быть, то, что я пишу — слишкомъ обще, грубо и наивно. Но вѣдь я и не министръ иностранныхъ дѣлъ. Я намѣчаю сегодняшнюю схему дѣйствій — и, вопреки всѣмъ политикамъ міра, буду утверждать, что сію минуту, для насъ, для войны, она вѣрна. Осуществима? Нѣтъ?

Даже если не осуществима. Долгъ Керенскаго — пытаться ее осуществить.

Онъ одинъ. Какое несчастіе. Ему надо *дѣйствовать обѣими руками (одной — за миръ, другой — за утвержденіе защитной силы)*. Но лѣвая рука его схвачена

„глупцами или измѣнниками“, а правую крѣпко держитъ Милюковъ съ „побѣднымъ концомъ“. (Вѣдь Милюковъ — министръ иностранныхъ дѣлъ).

Если будетъ крахъ... не хочу, не время судить, да и не все ли равно, кто виноватъ, когда уже будетъ крахъ! Но какъ тяжело, если онъ все-таки придетъ, и если изъ-за него выглянутъ не только глупыя и измѣнническія рожи, но лица людей честныхъ, искреннихъ и слѣпыхъ; если еще разъ выглянетъ ликъ думскаго „блока“ безпомощной гримасой.

Но молчу. Молчу.

10 марта. Пятница.

А дворецъ-то ораніенбаумскій все-таки сгорѣлъ, или горѣлъ... Хотя вѣрнаго опять ничего.

Ал. Бенуа сидѣлъ у насъ весь день. Повѣствовалъ о своей эпопеѣ министерства „бо-заровъ“ съ Горькимъ, Шаляпинымъ и — Гржебинымъ.

Тутъ все чепуха. Тутъ и Макаровъ, и Головинъ, и вдругъ, случайно — какой-то подозрительный Неклюдовъ, потомъ споры, кому быть министромъ этого новаго грядущаго министерства, потомъ стычка Львова съ Керенскимъ, потомъ, тутъ-же, о поощреніи со стороны Сов. Раб. Деп., перманентное засѣданіе художниковъ у Неклюдова (?), потомъ мысль Д. В., что нѣтъ ли тутъ закулисной борьбы между Керенскимъ и Горькимъ... Дмитрій вдругъ вопитъ: „выжечь весь этотъ эстетизмъ!“ — и, наконецъ, мы перестаемъ понимать что бы то ни было... глядимъ другъ на друга, изумившись, разъ навсегда, точно открыли, что „все это — капитанъ Копѣйкинъ“.

Надо еще знать, что мы только что три часа говорили съ другими о совсѣмъ другихъ дѣлахъ, а въ промежуткѣ я бѣгала въ заднюю комнату, гдѣ меня ждали два офицера (два бывшихъ студента изъ моихъ воскресниковъ), слушать довольно печальныя вѣсти о положеніи

офицеровъ и о томъ, какъ солдаты понимаютъ „свободу".

Въ полку Ястребова было 1600 солдатъ, потомъ 300, а вчера уже только 90. Остальные „свободные граждане" — гдѣ? Шатаются и грабятъ лавки, какъ будто.

„Рабочая Газета" (меньшевистская) очень разумна, совѣтскія „Извѣстія" весьма приглажены, и — не идутъ, по слухамъ: раскупается большевистская „Правда".

Всѣ „44 опасности" продолжаютъ существовать. Многія, боюсь, неизбѣжны.

Вотъ, рядомъ, поникшая церковь. Жалкое посланіе Синода, подписанное „8-ю смиренными" (первый „смиренный" — Владиміръ). Покоряйтеся, молъ, чада, ибо, „всякая власть отъ Бога"

(Интересно, когда, по ихъ мнѣнію, лишился министръ Протопоповъ „духа свята", до ареста въ павильонѣ, или уже въ павильонѣ?).

Бульварныя газеты полны царскихъ сплетенъ. Нашли и вырыли Гришку — въ лѣсу у Царскаго парка, подъ алтаремъ строющейся церкви. Отрыли, осмотрѣли, вывезли, автомобиль застрялъ въ ухабахъ гдѣ-то на далекомъ пустырѣ. Гришку выгрузили, стали жечь. Жгли долго, остатки разбросали повсюду, что сгорѣло до тла — разсѣяли.

Психологически понятно, однако что-то здѣсь по русски грязное.

Воейковъ въ Думѣ, въ павильонѣ. Не унываетъ, анекдоты разсказываетъ.

„Русская Воля" распоясалась весьма неприлично-рекламно. Надѣла такой пышный красный бантъ — что любо-дорого. А слѣдовало бы ей помнить, что „изъ сказки слова не выкинешь", и никто не забудетъ, что она — „основана знаменитымъ Протопоповымъ".

11 марта. Суббота.

Надо измѣнить стиль моей записи. Безъ разсужденій, поголѣе факты. Да вотъ, не умѣю я. И такъ трудно, записывая тутъ же, а не послѣ, отдѣлять факты важные

отъ не важныхъ. Что дѣлать! Это дневникъ, а не мемуары, и свои преимущества дневникъ имѣетъ; не для любителей „легкаго чтенія“ только. А для внимательнаго человѣка, не боящагося монотонности и мелочей.

Съ трехъ часовъ у насъ засѣданіе совѣта Религіозно-Фил. О-ва. Хотимъ составить „записку“ для правительства, оформить наши пожеланія и указать пути къ полному отдѣленію церкви и Государства.

Когда всѣ ушли — пришелъ В. Зензиновъ. Онъ весь на розовой водѣ (такой ужъ человѣкъ). Находитъ, что со всѣхъ сторонъ „все улаживается“. Вліяніе большевиковъ, будто бы, падаетъ. Горькій и Соколовъ среди рабочихъ никакого вліянія не имѣютъ. Насчетъ фронта и нѣмцевъ — говоритъ, что Керенскій былъ вчера въ большой мрачности, но сегодня гораздо лучше.

Увѣряетъ, что Керенскій — фактическій „премьеръ“ (Если такъ — очень хорошо).

Вечеромъ — Сытинъ. Опять сложная исторія. Романъ Сытина съ Горькимъ опять подогрѣлся, очевидно. Какая-то газета съ Горькимъ, и Сытинъ увѣряетъ, что „и Сухановъ раскаивается, и они будутъ за войну, но я имъ не вѣрю“. Мы всячески остерегали Сытина, информировали, какъ могли.

И къ чему кипимъ мы во всемъ этомъ съ такой глупой самоотверженностью? Самимъ намъ негдѣ своего слова сказать, „партійность“ газетная теперь особенно расцвѣтаетъ, а туда „свободныхъ“ гражданъ не пускаютъ. Внѣпартійная-же наша печать вся такова, что въ нее, особенно въ данное время, мы сами не пойдемъ. Вся вродѣ „Русской Воли“ съ ея краснымъ бантомъ.

Писателямъ писать негдѣ. Но мы примиряемся съ ролью „тайныхъ совѣтниковъ“ и весьма самоотверженно ее исполняемъ. Сегодня я серьезно потребовала у Сытина, чтобы онъ поддержалъ газету Зензинова, а не Горькаго, ибо за Зензиновымъ стоитъ Керенскій.

Горькій слабъ и малосознателенъ. Въ лапахъ людей

— „съ задачами“, для которыхъ они хотятъ его „использовать“.

Какъ политическая фигура — онъ ничто.

12 марта. Воскресенье.

Съ утра, одновременно, самые несовмѣстимые люди. Разсадили ихъ по разнымъ комнатамъ (иныхъ уже просто отправляли).

Сытинъ, едва войдя, — ко мнѣ: „вы правы...“ Говорилъ съ горькистами и заслышалъ большевистскую дуду. Полагаю, впрочемъ, что они его тамъ всячески замасливали и Гиммеръ ему пѣлъ „раскаянье“, ибо у Сытина все въ головѣ перепуталось.

Тутъ, кстати, подъ окнами у насъ стотысячная процессія съ лимонно-голубыми знаменами: украинцы. И весьма выразительныя надписи „федеративная республика“ и „самостійность“.

Сытинъ потрясался и боялся, тѣмъ болѣе, что отъ хитрости способенъ самого себя перехитрить. Газету Керенскаго клянется поддерживать (идетъ къ нему завтра самъ), и въ то же время проговорился, что и газету Гиммеръ-Горькій не оставитъ; подозрѣваю, что на сотню-другую тысячъ ужъ ангажировался. (Дастъ ли куда нибудь — еще вопросъ).

А я — изъ одной комнаты — въ другую, къ І. Г. (не нравится онъ мнѣ, и данная позиція ка-детовъ не нравится; чисто-внѣшнее, неискреннее, *приспособленіе* къ революціи, ввидѣ объявленія себя партіей „народной свободы“, республиканцами, а не конституціоналистами. Ничего, при этомъ, не понимаютъ, о войнѣ говорятъ абсолютно *старымъ* голосомъ, какъ будто ничего не случилось).

Раннимъ вечеромъ явились В., Г., Карташевъ, М. и др. — все съ этой „запиской“ къ Вр. Правительству насчетъ церковныхъ дѣлъ.

Могу ли я еще что-нибудь? Просто ложусь спать.

13 марта. Понедѣльникъ.

Отреченіе Михаила Ал. произошло на Милліонной, 12, въ квартирѣ, куда онъ попалъ случайно, не найдя ночлега въ Петербургѣ. Пріѣхалъ поздно изъ Царскаго и бродилъ пѣшкомъ по улицамъ. Въ Царское-же онъ тогда поѣхалъ съ миссіей отъ Родзянки, повидать Алекс. Федоровну. До царицы не добрался, уже высаживали изъ автомобилей. Изъ кабинета Родзянки онъ и говорилъ прямымъ проводомъ съ Алексѣевымъ. Но все было уже поздно.

14 марта. Вторникъ.

Часовъ около шести нынче пріѣхалъ Керенскій. Мы съ нимъ всѣ неудержимо расцѣловались.

Онъ, конечно, немного сумасшедшій. Но паѳотически-бодрый. Просилъ Дмитрія написать брошюру о декабристахъ (Сытинъ обѣщаетъ распространить ее въ милліонѣ экземпляровъ), чтобы, напомнивъ о первыхъ революціонерахъ-*офицерахъ* — смягчить тренія въ войскахъ.

Дмитрій, конечно, и туда, и сюда: „я не могу, мнѣ трудно, я теперь какъ разъ пишу романъ „Декабристы“, тутъ нужно совсѣмъ другое...“

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, вамъ З. Н. поможетъ. Дмитрій согласился, въ концѣ концовъ.

Керенскій — тотъ же Керенскій, что кашлялъ у насъ въ углу, запускалъ попавшійся подъ руку случайный дѣтскій волчокъ съ моего стола (во время какого-то интеллигентскаго собранія. И такъ запустилъ, что доселѣ половины волчка нѣту, гдѣ-нибудь подъ книжными шкафами или архивными ящиками). Тотъ же Керенскій, который говорилъ рѣчь за моимъ стуломъ въ Религ.-Филос. собраніи, гдѣ дальше, за нимъ, стоялъ во весь ростъ Николай II, а я, въ маленькомъ ручномъ зеркалѣ, сблизивъ два лица, смотрѣла на нихъ. До сихъ поръ они остались

у меня въ зрительной памяти — рядомъ. Лицо Керенскаго — узкое, блѣдно-бѣлое, съ узкими глазами, съ ребячески-оттопыренной верхней губой, странное, подвижное, все — живое, чѣмъ-то напоминающее лицо Пьеро. Лицо Николая — спокойное, незначительно пріятное (и, видно, очень схожее). Добрые... или нѣтъ, какіе-то „молчащіе" глаза. Этотъ офицеръ былъ — точно отсутствовалъ. Страшно *былъ* — и все таки страшно *не былъ*. Непередаваемое впечатлѣніе (и тогда) отъ сближенности обоихъ лицъ. Торчащіе кверху, короткіе, волосы Пьеро-Керенскаго — и рѣденькіе, гладенько-причесанные волосики пріятнаго офицера. Крамольникъ — и царь. Пьеро — и „charmeur". С.-р. подъ наблюденіемъ охранки — и Его Величество Императоръ Божьей милостью.

Сколько мѣсяцевъ прошло? Крамольникъ — министръ царь подъ арестомъ, подъ охраной этого-же крамольника. Я читала самыя волшебныя страницы самой интересной книги, — Исторіи; и для меня, современницы, эти страницы иллюстрированы. Charmeur, бѣдный, какъ смотрятъ теперь твои голубые глаза? Вѣрно съ тѣмъ-же спокойствіемъ Небытія.

Но я совсѣмъ отошла въ сторону, — въ незабываемое впечатлѣніе аккорда двухъ лицъ — Керенскаго и Николая II. Аккорда такого диссонирующаго — и плѣнительнаго, и страннаго.

Возвращаюсь. Итакъ, сегодня — это все тотъ-же Керенскій. Тотъ же... и чѣмъ-то неуловимо уже *другой*. Онъ въ черной тужуркѣ (министръ-товарищъ), какъ никогда не ходилъ раньше. Раньше онъ даже былъ „элегантенъ", безъ всякаго внѣшняго „демократизма". Онъ спѣшитъ, какъ всегда, сердится, какъ всегда... Честное слово, я не могу поймать въ словахъ его перемѣну, и однако она уже *есть*. Она чувствуется.

Бранясь „налѣво", Керенскій о группѣ Горькаго сказалъ (чуть-чуть „свысока"), что очень радъ, если будетъ „грамотная" большевистская газета, она будетъ полемизировать съ „Правдой", бороться съ ней въ извѣстномъ

смыслѣ. А Горькій съ Сухановымъ, будто бы, теперь эту борьбу и ставятъ себѣ задачей. „Вообще, ведутъ себя теперь хорошо".

Мы не возражали, спросили о „дозорщикахъ". Керенскій рѣзко сказалъ:

— Имъ предлагали войти въ кабинетъ, они отказались. А теперь не терпится. Постепенно они перейдутъ къ работѣ и просто станутъ правительственными комиссарами.

Относительно смѣнъ стараго персонала, увѣряетъ, что у синодальнаго Львова есть „паѳосъ шуганья" (не похоже), наиболѣе трусливые Милюковъ и Шульгинъ (похоже).

Бранилъ Соколова.

Дима спросилъ: „а вы знаете, что Приказъ № 1 даже его рукой и написанъ?"

Керенскій закипѣлъ.

— Это уже не большевизмъ, а глупизмъ. Я бы на мѣстѣ Соколова молчалъ. Если объ этомъ узнаютъ, ему не поздоровится.

Бѣгалъ по комнатѣ, вдругъ заторопился:

— Ну, мнѣ пора... Вѣдь я у васъ „инкогнито"..

Непосѣдливый, какъ и безъ „инкогнито", — исчезъ. Да, прежній Керенскій, и — на какую-то линійку — не прежній.

Быть можетъ, онъ на одну линійку *болѣе* увѣренъ въ себѣ и во всемъ происходящемъ — *нежели нужно?*

Не знаю. Опредѣлить не могу.

На улицѣ сегодня оттепель, раскисло, расчернѣло, темно. Съ музыкой и красными флагами идутъ мимо насъ войска, войска...

А хорошо, что революція была вся въ зимнемъ солнцѣ, въ „бѣлоперистости вешнихъ пургъ".

Такой бѣлоперистый день — 1-ое марта, среда, высшая точка революціоннаго паѳоса.

И не весь день, а только до начала вечера.

Есть всегда такой вѣчный мигъ — онъ гдѣ-то передъ самымъ „достиженіемъ" или тотчасъ послѣ него — гдѣ-то около.

15 марта. Среда.

Нынче съ утра „земпопъ“ Аггеевъ. Бодръ и всячески дѣйственъ. Теперь ужъ нечего ему бояться двухъ завѣтныхъ буквъ: е. н. (епархіальное начальство). Отъ насъ прямо помчалъ къ Львову. А къ намъ явился изъ Думы.

Говорилъ, что Львовъ дѣлаетъ глупости, а петербургское духовенство и того хуже. Вздумало *выбирать* митрополита.

Аггеевъ вкусно живетъ и вкусно хлопочетъ.

Вечеромъ былъ Румановъ, новые еще какіе-то планы Сытина, и ничему я ровно не вѣрю.

Этотъ типъ — Сытинъ — очень художественный, но не моего романа. И, главное, ничему я отъ Сытина не вѣрю. Русскій „дѣлецъ“: душа да душа, а слова — никакого.

16 марта. Четвергъ.

Каждый день мимо насъ полки съ музыкой. Третьяго дня Павловскій, вчера стрѣлки, сегодня — что-то много. Надписи на флагахъ (кромѣ, конечно, „республики“), — „война до побѣды“, „товарищи, дѣлайте снаряды“, „берегите завоеванную свободу“.

Все это близко отъ настоящаго, вѣрнаго пути. И близка отъ него „декларація“ Сов. Раб. и С. депутатовъ о войнѣ — „Къ народамъ всего міра“. Очень хорошо, что Сов. Р. Д. по поводу войны, наконецъ, высказался. Очень нехорошо, что молчитъ Вр. Пр-во. Ему надо бы тутъ перескакать Совѣтъ, а оно молчитъ, и дни идутъ, и даже неизвѣстно, что и когда оно скажетъ. Непростительная ошибка. Теперь если и надумаютъ что-нибудь, все будетъ съ запозданіемъ, въ хвостѣ.

„Къ народамъ всего міра“ — не плохо, несмотря на нѣкоторыя мѣста, которыя можно истолковать, какъ „по-

дозрительныя“, и на корявый, чисто эсдечный, не русскій языкъ кое-гдѣ. Но сущность мнѣ близка, сущность, въ концѣ концовъ, приближается къ знаменитому заявленію, Вильсона. Эти „безъ аннексій и контрибуцій“ и есть, вѣдь его „миръ безъ побѣды“. Общій тонъ отнюдь *не* „долой войну“ немедленно, а напротивъ, „защищать свободу своей земли до послѣдней капли крови“. Лозунгъ „долой Вильгельма“ очень... какъ бы сказать, „симпатиченъ“, и понятенъ, только грѣшитъ наивностью.

Да, теперь все другимъ пахнетъ. Надо, чтобы война стала совсѣмъ другой.

17 марта. Пятница.

Синодскій оберъ-прокуроръ Львовъ настоятельно зоветъ къ себѣ въ „товарищи“ Карташева. (Это не безъ выдумки и хлопотъ Аггеева, очевидно).

Карташевъ, конечно, пришелъ къ намъ. Много объ этомъ говорили. Я думаю, онъ пойдетъ. Но я думаю тоже, что ему *не* слѣдуетъ итти. Благодаря нашимъ глухимъ несогласіямъ со времени войны — я своего мнѣнія отрицательнаго къ его данному шагу почти не высказывала, т. е. высказавъ — намѣренно на немъ не настаивала. Пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ. Однако я убѣждена, что это *со всѣхъ сторонъ* шагъ ложный.

Карташевъ, бывшій церковникъ, за послѣдніе десять лѣтъ, переливъ, такъ сказать, свою религіозность и церковность, внутренно, за края церкви *„православной“*, — отошелъ отъ послѣдней и жизненно. Изъ профессоровъ Духовной Академіи сдѣлался профессоромъ свѣтскимъ. Порываніе жизненной этой связи было у него соединено съ отрывомъ внутреннимъ, оба отрыва являлись дѣйствіемъ согласнымъ и оба стоили ему не дешево. Надо, при этомъ, знать, что Карташевъ — человѣкъ типа „пророческаго“, въ широкомъ, именно религіозномъ смыслѣ, и въ очень современномъ духѣ. Въ немъ громадная, своеобраз-

ная, сила. Но рядомъ, какъ-то сбоку, у него выросло увлеченіе вопросами чисто общественными, государственностью политикой... въ которой онъ, въ сущности, дитя. Трудно объяснить всю внутреннюю сложность этого характера, но свое „двоеніе“ онъ часто и самъ признаетъ.

Теперь, вступая въ контактъ съ „государственной“ стороной церкви, въ контактъ жизненный съ учрежденіемъ, съ которымъ этотъ контактъ порвалъ, когда порвалъ внутренній, — онъ дѣлаетъ это во имя чего? Что измѣнилось? Когда?

Наблюдая, слушая, вижу: онъ смотритъ, самъ, на это странно; вотъ этой своей приставной стороной: смотритъ „узко политически“ „послужить государству“ — и точка. Но вѣдь онъ, и перелившись за православные края, относится къ церкви *религіозно?* вѣдь она для него не „министерство юстиціи“? И онъ зрячъ къ церкви; онъ знаетъ, что сейчасъ внутренней пользы церкви, въ смыслѣ ея движенія, принести нельзя. Значитъ, урегулировать просто ея отношенія съ новымъ государствомъ? Но на это именно Карташевъ не нуженъ. Нуженъ: или искренній, простой церковникъ, честный, вродѣ Е. Трубецкого, или, напротивъ, такой же прямой, — дѣльный и простой, — политикъ не Львовъ, — Львовъ — дуракъ. И то, еслибъ стать оберъ-прокуроромъ... „Товарищемъ“ же Львову, человѣкъ такой самобытной и громадной цѣнности, притомъ столь мучительной и яркой сложности, какъ Карташевъ — это со всѣхъ сторонъ затменіе, самоизничтоженіе. Даже грубо смотря — жалко: онъ худъ, остръ, тонокъ, истериченъ, проникновенно-уменъ, порывистъ — и сдержанъ, вибрируетъ, какъ струна, слабъ здоровьемъ; нервно-работоспособенъ; при неистовой его добросовѣстности, погрязнетъ до тла въ государственно-синодально-поповскихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ.

И *во всякомъ случаѣ* будетъ потерянъ для своего, для глубины, для *своей* сущности.

(Прибавлю, что „политика“ его — кадетирующая, военная, національная).

Львовъ уже возилъ его въ Синодъ, знакомя съ дѣлами. Карташевъ встрѣтилъ тамъ жену Тернавцева: „красивый брюнетъ“ — арестованъ.

Опять полки съ музыкой и со знаменами „ярче розъ“.

Сегодня былъ напечатанъ мой крамольный „Петербургъ“, написанный 14 дек. 14 года.

„И въ бѣлоперистости вешнихъ пургъ
Возстанетъ онъ...“

Странно. Такъ и возсталъ.

18 марта. Суббота.

Не даютъ работать, цѣлый день колесо. А., М., Ч., потомъ опять Карташевъ, Т., Аггеевъ...

И все — *не* пріятно.

Карташевъ, конечно, пошелъ въ „товарищи“ Львова; — какъ его вкусно, сдобно, мягко и безапелляціонно насаживалъ на это Аггеевъ!

Ничего не могу сказать объ этомъ, кромѣ того, что уже сказала.

Въ лучшемъ случаѣ у Карташева пропадетъ время, въ худшемъ — онъ самъ для настоящаго религіознаго дѣланія.

М. мнѣ очень жаль. Столько въ немъ хорошаго, вѣрнаго, настоящаго — и безсильнаго. Не совсѣмъ понимаю его сегодняшнее настроеніе, унылое, съ „охлократическимъ“ страхомъ. М. точно боленъ душой, — какъ боленъ тѣломъ.

Газеты почти всѣ — паническія. И такъ чрезмѣрно говорятъ за войну (безъ новаго голоса, главное), что вредно дѣйствуютъ.

Долбятъ „демократію“, какъ глупые дятлы. Та, пока что, обѣщаетъ (кромѣ „Правды“, да и „Правда“ завертѣлась) — а они долбятъ.

Особенно неистовъ Мзура изъ „Веч. Времени“. Какъ бы объ этомъ Мзурѣ чего въ охранкѣ не оказалось... Я все время жду.

Нѣтъ, вѣрныя вещи надо умѣть вѣрно сказать, притомъ чисто и „власть имѣюще“.

А правительство (Керенскій) — молчитъ.

19 марта. Воскресенье.

Весенній день, не оттепель — а дружное таяніе снѣговъ. Часа два сидѣли на открытомъ окнѣ и смотрѣли на тысячныя процессіи.

Сначала шли „женщины“. Несмѣтное количество; шествіе невиданное (никогда въ исторіи, думаю). Три, очень красиво, ѣхали на коняхъ. Вѣра Фигнеръ — въ открытомъ автомобилѣ. Женская и цѣпь вокругъ. На углу образовался заторъ, ибо шли по Потемкинской войска. Женщины кричали войскамъ — „ура“.

Буду очень рада, если „женскій“ вопросъ разрѣшится просто и радикально, какъ „еврейскій“ (и тѣмъ падетъ). Ибо онъ весьма противенъ. Женщины, спеціализировавшіяся на этомъ вопросѣ, плохо доказываютъ свое „человѣчество“. Перовская, та же Вѣра Фигнеръ (да и мало-ли) занимались не „женскими“, а общечеловѣческими вопросами, наравнѣ съ людьми, и просто *были* наравнѣ съ людьми. Точно можно, у кого-то попросивъ — *получить* „равенство“! Нелѣпѣе, чѣмъ просить у царя „революцію“ и ждать, что онъ ее дастъ изъ рукъ въ руки, готовенькую. Нѣтъ, женщинамъ, чтобы равными быть — нужно равными становиться. Другое дѣло внѣшне облегчить процессъ *становленія* (если онъ дѣйствительно возможенъ). Это — могутъ женщинамъ дать мужчины, и я конечно, за это дарованіе. Но процессъ будетъ долгъ. Долго еще женщины, получивъ „права“, не будутъ понимать, какія онѣ съ ними получили „обязанности“. Поразительно, что женщины, въ большинствѣ, понимаютъ „право“, но что такое „обязанность“... не понимаютъ.

Когда у насъ поднимался вопросъ „польскій“ и т. п. (а вопросы въ разрѣзѣ національностей проще и цѣло-

мудреннѣе „полового" разрѣза) — не ясно ли было, что думать слѣдуетъ о *„вопросѣ русскомъ"*, остальныя разрѣшатся сами — имъ? „Приложится". Такъ и „женскія права".

Если бы заботу и силы, отданныя „женской" свободѣ, женщины приложили бы къ общечеловѣческой, — онѣ свою имѣли бы попутно, и не получили бы отъ мужчинъ, а завоевали бы *рядомъ* съ ними.

Всякое спеціальное — „женское" движеніе возбуждаетъ въ мужчинахъ чувства весьма далекія именно отъ „равенства". Такъ, одинъ самый обыкновенный человѣкъ, — мужчина, — стоя сегодня у окна, умилялся: „и вѣдь хорошенькія какія есть!" Ужъ, конечно, онъ за всяческія всѣмъ права и свободы. Однако, на „женское шествіе" — совсѣмъ другая реакція.

Вамъ это пріятно, амазонки?

Послѣ „бабъ и дамъ" — шли опять неисчислимые полки.

Мы съ Дмитріемъ уѣхали въ Союзъ Писателей, вернулись, — они все идутъ.

Въ Союзѣ этомъ — какая старая гвардія! И гдѣ они прятались? Не выписываю именъ, ибо — всѣ, и всетѣ-же, до Марьи Валентиновны Ватсонъ, съ ея качающейся головой.

О „цѣляхъ" возрождающагося Союза не могли договориться. „Цѣли" вдругъ куда-то исчезли. Прежде надо было „протестовать", можно было выражать стремленіе къ свободѣ слова, еще къ какой-нибудь, — а тутъ хлопъ! Всѣ свободы даны, хоть отбавляй. Что же дѣлать?

Пока рѣшили все „отложить", даже выборъ совѣта.

Вечеромъ были у Х. Много любопытнаго узнали о вчерашнемъ засѣданіи Совѣта Раб. Депутатовъ.

Богдановъ (группа Суханова же) торжественно провалился со своимъ предложеніемъ реорганизовать Совѣтъ.

Предложеніе самое разумное, но руководители толпы не учли, что потакая толпѣ, они попадаютъ къ ней

въ лапы. Рѣчь свою Богдановъ засладилъ мармеладомъ и тутъ: вы, молъ, намъ нужны, вы создали революцію... и т. д. И лишь потомъ пошли всякія „но“ и предложеніе всѣхъ переизбрать. (Указывалъ, что ихъ болѣе тысячи, что это даже не удобно...)

„Лейбъ-компанейцы“ отнюдь этого не желаютъ. Вотъ еще! Вершили дѣла всего россійскаго государства и вдругъ возвращайся въ ряды простыхъ рабочихъ и солдатъ.

Прямо заявили: вы же говорили только что, что мы нужны? Такъ мы расходиться не желаемъ.

Засѣданіе было бурное. Богдановъ стучалъ по пюпитру, кричалъ „я васъ не боюсь!“ Однако, долженъ былъ взять свой проектъ обратно. Кажется, вожаки смущены. Не знаютъ, какъ и поправить дѣло. Опасаются, что Совѣтъ потребуетъ перевыборовъ Комитета, и всѣ эти яко бы властвующіе будутъ забаллотированы.

Зала засѣданія — непривлекательна. Публику пускаютъ лишь на хоры, гдѣ сидятъ и „караульные“ солдаты. Сидятъ въ нижнемъ бѣльѣ, чай пьютъ, курятъ. Въ залахъ вездѣ такая грязь, что противно смотрѣтъ.

Газета Горькаго будетъ называться „Новая Жизнь“ (прямо по стопамъ „великаго“ Ленина въ 1905-6 году). Такъ какъ редакція *противъ войны* (ага, безумцы! Это теперь то!), а высказывать это, въ виду общаго настроенія будто-бы невозможно (врутъ; а не врутъ — такъ въ „настроеніе“ вцѣпятся, его будутъ разъѣдать!), то газета, будто бы, этого вопроса вовсе не станетъ касаться (еще милѣе! О „бо-зарахъ“ начнутъ писать? Какое вранье!)

Сытинъ, конечно, исчезъ. Это меня „не радуетъ — не ранитъ“, ибо я привыкла ему не вѣрить.

22 марта. Среда.

Солдаты буйствовали въ Петропавловкѣ, ворвались къ заключеннымъ министрамъ, выбросили у нихъ подуш-

ки и одѣяла. Тревожно и въ Царскомъ. Керенскій самъ ѣздилъ туда арестовывать Вырубову, — спасая ее отъ возможнаго самосуда?

Но вотъ нѣчто хуже: у насъ прорывъ на Стоходѣ. Тяжелыя потери. Общее отношеніе къ этому — еще не разобрать. А вѣдь это начинается экзаменъ революціи.

Еще хуже: правительство о войнѣ молчитъ.

Сытинъ, на дняхъ, по сытински цинично и по мужицки вкусно, толковалъ намъ, что никогда вятскій мужикъ на фронтѣ не усидитъ, коли прослышалъ, что дома удутъ дѣлить „землю". Улыбаясь, съуживая глаза, успобкаивалъ: „ну, что-жъ, у насъ есть Волга, Сибирь... эка если Питеръ возьмутъ!"

Сегодня былъ А. Блокъ. Съ фронта пріѣхалъ (онъ тамъ въ Земсоюзѣ, что-ли). Говоритъ, тамъ тускло. Радости революціонной не ощущается. Будни войны невыносимы. (Въ началѣ-то на войну, какъ на „праздникъ" смотрѣлъ, прямо ужасалъ меня: „весело"! Абсолютно ни въ чемъ онъ никогда не отдаетъ себѣ отчета, не можетъ. Хочетъ ли?). Сейчасъ растерянъ. Спрашиваетъ безпомощно: „что-же мнѣ теперь дѣлать, чтобы послужить демократіи?

Союзныя посольства въ тревогѣ: и Стоходъ, — и фабрики до сихъ поръ не работаютъ.

Лучше бы подумали, что нѣтъ декларація правительственной до сихъ поръ. И боюсь, что пр-во терроризировано союзниками въ этомъ отношеніи. О, Господи! Не понимаютъ они, на свою голову, нашего момента.

Потому что не понимаютъ насъ. Не взглянули во время со вниманіемъ Что — теперь!

25 марта. Суббота.

Пропускаю дни.

Правительство о войнѣ (о цѣляхъ войны) — молчитъ.

А Милюковъ, на дняхъ, всѣмъ корреспондентамъ заявилъ опять, *прежнимъ голосомъ*, что Россіи нужны

проливы и Константинополь. „Правдисты“ естественно взбѣсились. Я и секунды не останавливаюсь на томъ, нужны ли эти чертовы проливы намъ, или ненужны. Если они во сто разъ нужнѣе, чѣмъ это кажется Милюкову — во сто разъ непростимѣе его фатальная *безтактность.* Почти хочется разорвать на себѣ одежды. Роковое непониманіе момента, на свою-же голову! (и хоть бы только на свою).

Керенскій долженъ былъ офиціально заявлять, что „это личное мнѣніе Милюкова, а не пр-ва“. То же заявилъ и Некрасовъ. Очень красиво, нечего сказать. Хорошая дорога къ „укрѣпленіе“ пр-ва, къ поднятію „престижа власти“. А деклараціи нѣтъ, какъ нѣтъ.

Въ четвергъ X. говорилъ, что Сов. Раб. Деп. требуетъ Милюкова къ отвѣту (источникъ прямой — Сухановъ).

Вчера поздно, когда всѣ уже спали и я сидѣла одна — звонокъ телефона. Подхожу — Керенскій. Проситъ: „нельзя ли, чтобы кто-нибудь изъ васъ пришелъ завтра утромъ ко мнѣ въ министерство... Вы, З. Н., я знаю, встаете поздно...“ „А Дм. Вл. боленъ, я попрошу Дм. Серг-ча притти, непремѣнно“... подхватываю я. Онъ объясняетъ, какъ пройти...

И сегодня утромъ Дмитрій туда отправился. Не такъ давно Дмитрій помѣстилъ въ „Днѣ“ статью подъ заглавіемъ „14 марта“. „Рѣчь“ ее отвергла, ибо статья была тона примирительнаго и во многомъ утверждала декларацію совѣтовъ о войнѣ. Несмотря на то, что Дмитрій въ статьѣ стоялъ ясно на правительственномъ, а не на совѣтскомъ берегу, и строго это подчеркивалъ, — „Рѣчь“ не могла вмѣстить; она круглый врагъ всего, что касается революціи. Даже не судитъ, — отвергаетъ безъ суда. Позиція непримиримая (и слѣпая). Еслибъ она хоть была всегда скрытая, а то прорывается, и въ самые неподходящіе моменты.

Но Дмитрій въ статьѣ указывалъ, однако, что должно правительство высказаться.

Къ сожалѣнію, Дмитрій вернулся отъ Керенскаго какой-то растерянный и растрепанный, и безъ толку, путемъ ничего не разсказалъ. Говоритъ, что Керенскій въ смятеніи, съ умомъ за разумомъ, согласенъ, что правительственная декларація необходима. Однако, не согласенъ съ манифестомъ 14 марта, ибо тамъ есть предаваніе западной демократіи. (Тамъ есть кое-что похуже, но кто мѣшаетъ взять только хорошее?) Что декларація пр-вомъ теперь вырабатывается, но что она врядъ ли понравится „дозорщикамъ" и что, пожалуй, всему пр-ву придется уйти (поэтому??...) О Совѣтѣ говорилъ, что это „кучка фанатиковъ", а вовсе не вся Россія, что нѣтъ „двоевластія" и пр-во одно. Тѣмъ не менѣе тутъ-же весьма волновался по поводу этой „кучки" и увѣрялъ, что они дѣлаютъ серьезный нажимъ въ смыслѣ мира сепаратнаго.

Дмитрій, конечно, сѣлъ на своего „грядущаго" Ленина, принялся имъ Керенскаго во всю пугать; говоритъ, что и Керенскій отъ Ленина тоже въ паникѣ, бѣгалъ по кабинету (тамъ сидѣлъ и глухарь-Водовозовъ), хватался за виски: „нѣтъ, нѣтъ, мнѣ придется уйти".

Разсказъ безтолковый, но, кажется, и свиданіе было безтолковое. Хотя я все-таки очень жалѣю, что не пошла съ Дмитріемъ.

Макаровъ сегодня жаловался, что этотъ „тупица" Скобелевъ съ наглостью требуетъ Зимняго Дворца подъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Да, дѣйствительно!

Нѣтъ покоя, все думаю, какая возможна бы мудрая, новая, крѣпкая и достойная декларація пр-ва о войнѣ, обезоруживающая всякіе Совѣты, — и честная. Возможна?

Америка (выступившая противъ Германіи) мнѣ продолжаетъ нравиться. Нѣтъ, Вильсонъ не идеалистъ. Достойное и реально-историческое поведеніе. Очень послѣдовательное. Современно-сознательное. Во времени и въ пространствѣ, что называется.

Были похороны „жертвъ" на Марсовомъ полѣ. День выдался грязный, мокрый, черноватый. Лужи блестѣли.

Лавки заперты, трамваевъ нѣтъ, „два милліона“ (какъ говорили) народу, и въ порядкѣ, никакой Ходынки не случилось.

Я (вечеромъ, на кухнѣ, осторожно). Ну, что-же тамъ было? И какъ-же такъ, схоронили, со святыми упокой, вѣчной памяти даже не спѣли, зарыли — готово?

Ваня Румянцевъ (не Пугачевъ, а солдатъ съ завода, щупленькій). Почему вы такъ думаете, Зинаида Николаевна? Отъ каждаго полка былъ хоръ, и спѣли все, и помолились какъ лучше не надо, по-товарищески. А что самосильно, что поповъ не было, такъ на что ихъ? Теперь эта сторона взяла, такъ они готовы итти, даже стремились. А другая бы взяла, они этихъ самыхъ жертвъ на висѣлицу пошли бы провожать. Нѣтъ ужъ, не надо...

И я молчу, не нахожу возраженья, думаю о томъ что, вѣдь и Толстого они не пошли провожать, и не только не „стремились“, а даже молиться о немъ не молились... начальство запретило. Тотъ же Агеевъ, изъ страха передъ „е. н.“, какъ онъ самъ признался, даже на толстовское засѣданіе Рел.-Фил. О-ва *не пошелъ*. (Послѣ смерти Толстого). Я никого не виню, я лишь отмѣчаю.

А Гришку Питиримъ соборне отпѣлъ и подъ алтаремъ погребъ.

Безнадежно глубоко (хотя фатально-несознательно) воспринялъ народъ связь православія и самодержавія.

Карташевъ пропалъ на цѣлую недѣлю. Весь въ бумагахъ и мелкихъ консисторскихъ дѣлишкахъ. Да и что можно тутъ сдѣлать, даже если-бъ былъ не тупой и упрямый Львовъ? Какъ жаль! То-есть какъ жаль, во всѣхъ отношеніяхъ, что Карт. туда пошелъ.

5 Апрѣля. Среда.

Вотъ какъ долго я здѣсь не писала.

Даже не знаю, что записано, что нѣтъ. А въ субботу, 8-го, мы уѣзжаемъ опять въ Кисловодскъ. (Возьму книгу съ собой). Теперь очень трудно ѣхать. И не хочется, (Надо).

Въ субботу же, черезъ часъ послѣ нашего отъѣзда, должны пріѣхать (ѣдутъ черезъ Англію и Швецію) — наши давніе друзья эмигранты, Ел. X. Борисъ Савинковъ (Ропшин). Когда нибудь я напишу десятилѣтнюю исторію нашихъ глубокихъ съ ними отношеній. Ел. и Борисъ люди поразительно разные. Я обоихъ люблю — и совершенно по разному. Зная ихъ жизнь въ эмиграціи, непрерывно (т. е. съ перерывами нашего пребыванія въ Россіи) общаясь съ ними за послѣдніе десять лѣтъ — я жгуче интересуюсь теперь ихъ ролью въ революціонной Россіи. Борисъ въ началѣ войны часто писалъ мнѣ, но сношенія такъ были затруднены, что я почти не могла отвѣчать.

Они оба такъ любопытны, что, повторяю, здѣсь говорить о нихъ между прочимъ — не стоитъ. Тремя словами только обозначу главную внутреннюю сущность каждаго: Ел. — свѣтлый, раскрытый, общественный (коллективный) человѣкъ. Борисъ Савинковъ — сильный, сжатый, властный индивидуалистъ. Личникъ. (Оба, въ своемъ, часто крайніе). У перваго доминируютъ чувства, у второго — умъ. У перваго — центробѣжность, у второго — центростремительность.

По этимъ внутреннимъ линіямъ строится и внѣшняя жизнь каждаго, ихъ дѣятельность. Принципъ „демократичности" и „аристократичности" (очень широко понимая). Они — друзья, старые, давніе. Могли бы, — но что-то мѣшаетъ, — дополнять другъ друга; часто сталкиваются. И не расходятся окончательно, не могутъ. Къ тому же Ел. такъ добръ, кротокъ и вѣренъ въ любви, что *лично* и не можетъ совсѣмъ поссориться съ давнимъ другомъ-соработникомъ.

Какъ, чѣмъ, въ какой мѣрѣ, на какихъ линіяхъ будутъ нужны эти „революціонеры" уже совершившейся русской революціи? Силою вещей до сихъ поръ оба (я ихъ почти какъ символы тутъ беру) были разрушителями. Разсуждая теоретически — принципъ Ел. былъ болѣе близокъ къ „созиданію", къ его возможностямъ. Но... гдѣ Савинковская твердость? Нехватка.

Съуживая вновь принципы, символы, до лицъ, отмѣчу, что относительно лицъ данныхъ придется учитывать и десятилѣтнюю эмиграцію. Послѣдніе же годы ея — полная оторванность отъ Россіи. И, кажется, насчетъ войны они тамъ особенно не могли понимать положенія Россіи. Оттуда. Изъ Франціи.

Я такъ пристально и подробно останавливаюсь на личностяхъ въ моей записи потому, что не умѣю вѣрить въ событія, совершающіяся внѣ всякаго элемента личныхъ воль. „Люди что-то вѣсятъ въ исторіи", этого не обойдешь. Я склонна преувеличивать вѣсъ, но это мои ошибки; преуменьшить его — будетъ такой же ошибкой.

Изъ другихъ возвращающихся эмигрантовъ близко знаю я еще Б. Н. Моисеенко (и братъ его С. Н., но онъ, кажется, не пріѣзжаетъ, онъ на Явѣ), Чернова не видѣла случайно; однако, имѣю представленіе объ этомъ фруктѣ. Его въ партіи терпѣть не могли, однако, считали партійнымъ „лидеромъ", чему я всегда изумлялась: по его „литературѣ" — это самоувѣренный и самоупоенный тупякъ. Авксентьевъ — культурный. Эмиграція его отяжелила и онъ тутъ врядъ ли заблеститъ. Но человѣкъ, кажется, весьма ничего себѣ, порядочный.

Х-іе останов ятся въ нашей квартирѣ, на Сергіевской. Савинковъ будетъ жить у Макарова.

Что, однако, случилось?

Очень много важнаго. Но сначала запишу факты мелкіе, случаи, такъ сказать, собственные. Чтобы перебить „отвлеченія" и „разсужденія". (Ибо чувствую, опять въ нихъ влѣзу).

Поѣхали мы, всѣ трое, по настоянію Макарова, въ Зимній Дворецъ, на „театральное совѣщаніе". Это было 29 марта. Головинъ, долженствовавшій предсѣдательствовать, не прибылъ, вертѣлся, вмѣсто него, бѣдный Павелъ Михайловичъ.

Мы пріѣхали съ „Дѣтскаго Подъѣзда". Въ залу съ колоннами било съ Невы весеннее солнце. Вотъ это только и было пріятно. Въ общемъ же — зрѣлище печальное.

Всѣ „звѣзды“ и воротилы бывшихъ „императорскихъ“, нынѣ „государственныхъ“ театровъ, московскихъ и петербургскихъ.

Южинъ, Карповъ, Собиновъ, Давыдовъ, Фокинъ... и масса другихъ.

Всѣ они, и всѣ театры, зажелали: 1) автономіи, 2) субсидій. Только объ этомъ и говорили.

Немировичъ-Данченко, директоръ не государственнаго, а Художественнаго театра въ Москвѣ, — выдѣлялся и прямо потрясалъ тамъ культурностью.

Засѣданіе тянулось, непріятно и безцѣльно. Уже смотрѣли другъ на друга глупыми волками. Наконецъ, Дима вышелъ, за нимъ я, потомъ Дмитрій, и мы уѣхали.

А вечеромъ, у насъ, было „тайное“ совѣщаніе, — съ Головинымъ, Макаровымъ, Бенуа и Немировичемъ.

Послѣдняго мы убѣждали итти въ помощники къ Головину, быть, въ сущности, настоящимъ директоромъ театровъ. Вѣдь въ такомъ видѣ — все это рухнетъ... Головину очень этого хотѣлось. Немировичъ и такъ, и сякъ... Казалось — устроено, нѣтъ: Немировичъ хочетъ „выждать“. Въ самомъ дѣлѣ, ужъ очень бурно, шатко, невѣрно, валко. Останется-ли и Головинъ?

На слѣдующій день Немировичъ опять былъ у насъ, долго сидѣлъ, пояснялъ, почему хочетъ „годить“. Пусть театры „поавтономятъ“...

Далѣе.

Пріѣхалъ Плехановъ. Его мы часто встрѣчали заграницей. У Савинкова не разъ, и въ другихъ мѣстахъ. Совсѣмъ европеецъ, культурный, образованный, серьезный, марксистъ нѣсколько академическаго типа. Кажется мнѣ, что не придется онъ по мѣркѣ нашей революціи, ни она ему. Пока — восторговъ его пріѣздъ, будто, не вызвалъ.

Вотъ Ленинъ... Да, пріѣхалъ таки этотъ „Тришка“ наконецъ! Встрѣча была помпезная, съ прожекторами. Но... онъ пріѣхалъ *черезъ Германію*. Нѣмцы набрали цѣлую кучу такихъ „вредныхъ“ тришекъ, дали цѣлый поѣздъ,

запломбировали его (чтобъ духъ на нѣмецкую землю не прошелъ) и отправили намъ: получайте.

Ленинъ немедленно, въ тотъ же вечеръ, задѣйствовалъ: объявилъ, что отрекается отъ соціалъ-демократіи (даже большевизма), а называетъ себя отнынѣ „соціалъ-коммунистомъ".

Была, наконецъ, эта долгожданная, запоздавшая, декларація Пр-ва о войнѣ.

Хлипкая, слабая, безвластная, не ясная. Тоже, тѣ же, „безъ аннексій", но съ мямленьемъ, и все вполголоса, и жидкое „оборончество" — и что еще?

Если теперь не время дѣйствовать смѣлѣе (хотя бы съ рискомъ), то когда же? Теперь за войну могъ бы громко звучать только голосъ того, кто ненавидѣлъ (и ненавидитъ) войну.

Тѣхъ „дѣйствій *обѣими руками*" Керенскаго, о которыхъ я писала, изъ деклараціи не вытекаетъ. Ихъ и не видно. Не замѣтно реальной и властной заботы объ арміи, объ установленіи тамъ твердыхъ линій „свободъ", въ предѣлахъ которыхъ *сохраняется* сила армій, какъ сила. (Вѣдь Приказъ № 1 еще не парализованъ. Армію свободно наводняютъ любые агитаторы. Вѣдь тамъ не чувствуется *новой* власти, а только исчезновеніе старой!)

Одна рука уже бездѣйствуетъ. Не лучше и съ другой. За *миръ* ничего явнаго не сдѣлано. Наши „цѣли войны" не объявлены съ несомнѣнной опредѣленностью. Наше военное положеніе отнюдь не таково, чтобы мы могли диктовать Германіи условія мира, куда тамъ! И однако мы *должны-бы* рѣшиться на нѣчто вродѣ этого, прямо должны. Всякій день, не уставая, пусть хоть полу-офиціально, твердить о нашихъ условіяхъ мира. Въ сговорѣ съ союзниками (вдолбить имъ, что нельзя упустить этой минуты...), но и до фактическаго сговора, даже ради него, — все таки не мямлить и не молчать, — диктовать Германіи „условія" пріемлемаго мира.

Это должно дѣлать почти грубо, чтобы было понятно всѣмъ (всѣмъ — только грубое и понятно). Облекать

каждодневно въ реальную форму, выражать денно и нощно согласіе на немедленный, справедливый и безкорыстный миръ, — хоть завтра. Хоть черезъ часъ. Орать на весь фронтъ и тылъ, что если часъ прошелъ и мира *нѣтъ* — то лишь потому, что Германія на миръ не соглашается, не хочетъ мира, и все равно полѣзетъ на насъ. И тогда все равно не будетъ мира, а будетъ война, — или бойня.

Въ концѣ концовъ „условія“ эти болѣе или менѣе извѣстны, но они не *сказаны*, поэтому они не существуютъ, нѣтъ для нихъ *одной* формы. Первый звукъ, въ этомъ смыслѣ, не найденъ. Да его сразу и не найдешь, — но нужно все время искать, пробовать.

Да, великое горе, что союзники не понимаютъ важности момента. У нихъ ничего не случилось. Они думаютъ въ прежней линіи и о себѣ, — и о насъ. Пусть они заботятся о себѣ, я это понимаю. Но для себя же имъ нужно учитывать насъ!

Былъ В. Зензиновъ, я съ нимъ долго говорила и о „деклараціи“ пр-ва, и обо всемъ этомъ. Деклараціей, какъ онъ говорилъ, онъ тоже не удовлетворенъ (кажется, и никто, нигдѣ не удовлетворенъ, даже въ самомъ пр-вѣ). На мои „дикія“ предложенія и проекты „подиктовать“ условія мира онъ только глядѣлъ полуопасливо.

Общая робость и мямленье. Что хранитъ правительство? Чего кто боится? Ну, Германія все это отвергнетъ. Ну, она даже не отвѣтитъ. Такъ что-же?

Быть можетъ, я мечтаю. Я говорю много вздору, конечно, — *но я стою за линію*, и буду утверждать, что она, въ общемъ вѣрна. Скажу (шепотомъ, про себя, чтобы потомъ не очень стыдиться) еще больше. Въ сторонѣ отъ союзниковъ — (если они такъ нисколько не сдвинутся) можно бы рискнуть вплоть до мысли о „сепаратномъ“ мирѣ. Это во всякомъ случаѣ заставило бы ихъ задуматься взглянуть внимательнѣе въ нашу сторону. А то они слишкомъ спокойны. Не знаютъ, что мы — во всякомъ слу-

чаѣ *не Европа.* Странно думать о Россіи и видѣть ее во образѣ... Милюкова.

Впрочемъ, я Богъ знаетъ куда залетѣла. Сама себя перестала понимать. Въ головѣ все самыя извѣстныя вещи... Но форма — это не мое дѣло, всякій оформитъ лучше меня, — и *можно* найти форму, отъ которой не отвертѣлись бы союзники.

Довольно, пора кончать. Будь, что будетъ. Я хочу думать, хочу, — что будетъ хорошее. Я вѣрю Керенскому. лишь бы ему не мѣшали. Со связанными руками не задѣйствуешь. Ни твердости, ни власти не проявишь (именно *власть* нужна).

Пока — кромѣ СЛОВЪ (при томъ безвластныхъ и словъ-то) ничего отъ Пр-ва нашего нѣтъ.

КИСЛОВОДСКЪ.

17 апрѣля.

Идетъ дождь. Туманъ. Холодно. Здѣсь невѣроятная дыра, полная просто нелѣпостями. Прислужьи забастовки. Трусящіе, но грабящіе домовладѣльцы. Тоже какой-то „солдатскій совѣтъ“.

Милы — дѣти, гимназистки и гимназисты. Только они свѣтло глядятъ впередъ.

23 апрѣля. Воскресенье.

Грандіозный разливъ Дона; мостъ провалился, почта не ходитъ. Мы отрѣзаны. Смѣшно записывать отрывочныя свѣдѣнія изъ мѣстныхъ газетъ и случайнаго петербургскаго письма. У меня есть мнѣнія и догадки, но какъ это сидѣть и гадать въ пустую?

Отмѣчу то, что вижу отсюда: буча изъ-за войны разгорается. Иностранная „нота“, какъ бы отъ всего Пр-ва, но явно составленная Милюковымъ (голову даю на отсѣ-

ченіе) возбудила страсти совершенно ненужнымъ образомъ. Было соединенное засѣданіе Пр-ва и Сов. Р. и С., послѣ чего Пр-во дало „разъясненіе“, весьма жалкое.

Кажется, положеніе острое. (Издали).

2 мая.

Однако, дѣла неважны. Здѣсь — забастовки, съ самыми неумѣренными требованіями, которыя длятся, длятся и кончаются тѣмъ, что „Совѣтъ“ грозитъ: „у насъ 600 штыковъ!“ послѣ чего „требованія принимаются“.

Въ Петербургѣ 21-го было побоище. Вооруженные рабочіе стрѣляли въ безоружныхъ солдатъ.

Мы знаемъ здѣсь... почти ничего не знаемъ. Желѣзнодорожный мостъ не исправленъ. Газеты безпорядочны. Письма запаздываютъ. Изъ этого хаоса свѣдѣній можно, однако, вывести, что дѣла ухудшаются: Гучковъ и Грузиновъ ушли, въ арміи плохо, развалъ самый безпардонный вездѣ. Пожалуй, ужъ и все Пр-во ушло во славу ленинцевъ и черносотенцевъ.

Тревожно и страшно — вдали. Гораздо хуже, чѣмъ тамъ, когда въ тотъ же моментъ все знаешь и видишь. Тутъ точно оглохъ.

4 мая.

Безпорядочность свѣдѣній продолжается. Знаемъ, что ушелъ Милюковъ (достукался), вмѣсто него Терещенко. Это фигура... никакая, „меценатъ“ и купчикъ-модернъ. Очевидно, его взяли за то, что по-англійски хорошо говоритъ. Вмѣсто Гучкова — самъ Керенскій. Это похоже на хорошее. Одна рука у него освободилась. Теперь онъ можетъ поднять *свой* голосъ.

„Побѣдинцы“ въ унынiи и паникѣ. Но я далеко еще не въ унынiи и отъ войны. Весь вопросъ, будетъ ли Керенскій дѣйствовать *обѣими* руками. И найдетъ ли онъ

себѣ необходимыхъ помощниковъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ одинъ въ вѣрной линіи, но онъ — одинъ.

9 мая.

Въ Петербургѣ уже „коалиціонное" министерство. Черновъ (гм! гм!), Скобелевъ (глупый человѣкъ), Церетели (порядочный, но мямля) и Пѣшехоновъ (литераторъ!).

Посмотримъ, что будетъ. Нельзя же съ этихъ поръ падать въ уныніе. Или такъ вихляться подъ настроеніемъ, какъ Дмитрій.

Попробуемъ вѣрить въ грядущее.

20 мая. Суббота.

Завтра Троица. Погода сырая. Путь не возстановленъ. Телеграфа нѣтъ изъ-за снѣжной бури по всей Россіи.

При общемъ тяжеломъ положеніи тыла, при смутномъ состояніи фронта, — жить здѣсь трудно. Но не поддаюсь тяжести. Это былъ бы грѣхъ сознанія.

Керенскій военный министръ. Пока что — онъ дѣйствуетъ отлично. Не совсѣмъ такъ, какъ я себѣ рисовала, отчетливыхъ дѣйствій „обѣими руками" я не вижу (можетъ быть, отсюда не вижу?), но *говоритъ* онъ о войнѣ прекрасно.

О Милюковѣ и Гучковѣ теперь всѣ, благородные и хамы, улица, интеллигенты и партійники, говорятъ то, что я говорила нѣсколько лѣтъ подрядъ (а теперь не стала бы говорить). Обрадовались! Нашли время! Теперь поздно. Ненужно.

Кающійся кадетъ, министръ Некрасовъ, только что болталъ гдѣ-то о „безполезности праваго блока". (Этого Некрасова я знаю. Бывалъ у насъ. Считался „лѣвымъ" кадетомъ. Не замѣчателенъ. Кажется, очень хитрый и безъ стержня).

Милюковъ остался совершенно въ томъ же состоянiи. Ни разучился, ни научился. Сейчасъ, уязвленный, сидитъ у себя и новому пр-ву вѣритъ „постолько-посколько" Ну, Богъ съ нимъ. Жаль вѣдь, не его. Жаль того, что онъ имѣетъ и что *не умѣетъ* отдать Россiи.

Керенскiй — настоящiй человѣкъ на настоящемъ мѣстѣ. The right man on the right place, какъ говорятъ умные англичане. Или — the right man on the right moment? A если только for one moment? Не будемъ загадывать. Во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ право говорить о войнѣ, за войну — именно потому, что онъ противъ войны (какъ таковой). Онъ былъ „пораженцемъ" — по глупой терминологiи „побѣдинцевъ". (И меня звали „пораженкой").

18 iюня. Воскресенье.

Черезъ недѣлю, вѣроятно, уѣдемъ. Положенiе тяжелое. Знаемъ это изъ кучи газетъ, изъ петербургскихъ писемъ, изъ атмосфернаго ощущенiя.

Вотъ главное: „каолицiонное" министерство, совершенно такъ же, какъ и первое, *власти не имѣетъ.* Вездѣ разруха, развалъ, распущенность. „Большевизмъ" пришелся по ндраву нашей темной, невѣжественной, развращенной рабствомъ и войной, массѣ.

Началась „вольница", дезертирство. Начались разныя „республики" — Кронштадтъ, Царицынъ, Новороссiйскъ, Кирсановъ и т. д. Въ Петербургѣ „налеты" и „захваты", на фронтѣ разложенiе, неповиновенiе и бунты. Керенскiй неутомимо разъѣзжаетъ по фронту и подправляетъ дѣла то тамъ, то здѣсь, но вѣдь это же не возможно! Вѣдь онъ долженъ создать систему, вѣдь его не хватитъ, и никого одного не можетъ хватить.

Въ тылу — забастовки, тупыя и грабительскiя, — преступныя въ данный моментъ. Украйна и Финляндiя самовольно грозятъ отложиться. Совѣтъ Раб. и С. Депут., даже общiй съѣздъ совѣтовъ почти такъ же безсильны,

какъ Пр-во, ибо силою вещей поправѣли и отмежевываются отъ „большевиковъ". Послѣдніе на 10 іюня назначили вооруженную демонстрацію, тайно подготовивъ кронштадцевъ, анархистовъ, тысячи рабочихъ и т. д. Съѣздъ Совѣтовъ вмѣстѣ съ Пр-вомъ засѣдали всю ночь, достигли отмѣны этой страшной „демонстраціи" съ лозунгомъ „долой все", предотвратили смертоубійство, но... только на этотъ разъ, конечно. Противъ тупого и животнаго бунта нельзя долго держаться увѣщаніями. А бунтъ подымается именно безсмысленный и тупой. Наверху видимость борьбы такая: большевики орутъ, что Правительство, хотя объявило войну чисто оборонительной, допускаетъ возможность и наступленія съ нашей стороны; значитъ, молъ, лжетъ, хочетъ продолжать „безъ конца" ту же войну, въ угоду „союзническому имперіализму". Вожаки большевизма, конечно, понимаютъ, сами-то, грубый абсурдъ положенія, что при войнѣ оборонительной не должно никогда, нигдѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ, быть наступленія, даже съ намѣреніями возвратить свои-же земли (какъ у насъ). Вожаки великолѣпно это понимаютъ, но они пользуются круглымъ ничегонепониманіемъ тѣхъ, которыхъ намѣрены привести въ бунтовское состояніе. Вѣрнѣе — изъ пассивно-бунтовского состоянія перевести въ активно-бунтовское. Какія же у нихъ, собственно, цѣли, для чего должна послужить имъ эта акція — съ полной отчетливостью я не вижу. Не знаю, какъ они сами это опредѣляютъ. Даже не ясно, въ чьихъ интересахъ дѣйствуютъ. Наиболѣе ясенъ тутъ интересъ германскій, конечно.

Очень стараются большевики „литературные", изъ окруженія Горькаго. Но передъ ними я подчасъ вовсе теряюсь. Не вѣрится какъ-то, чтобы они сознательно жаждали слѣпыхъ кровопролитій, неминучихъ; чтобы они дѣйствительно не понимали, что говорятъ. Вотъ, я давно знаю Базарова. Это умный, образованный и тихій человѣкъ. Что у него теперь внутри? Онъ написалъ, что даже не сепаратнаго мира „мы хотимъ", но... сепаратной войны. Честное слово. Какая-то новая война, Россія противъ всего

міра, одна, — и это „немедленно". Точно не статья Базарова, а сонный бредъ папуаса; только *отвѣтственный*, ибо слушаютъ его тучи подъ-папуасовъ, готовыхъ одинаково на все...

Главные вожаки большевизма — къ Россіи никакого отношенія не имѣютъ и о ней меньше всего заботятся. Они ея не знаютъ, — откуда? Въ громадномъ большинствѣ не русскіе, а русскіе — давніе эмигранты. Но они нащупываютъ инстинкты, чтобы ихъ использовать въ интересахъ... право не знаю точно, своихъ или германскихъ, только *не* въ интересахъ русскаго народа. Это — *навѣрно*.

Цинически-наивный эгоизмъ дезертировъ, тупо-невѣжественный („я молодой, мнѣ пожить хочется, не хочу войны"), вызываемый проповѣдью большевиковъ, конечно, хуже всякихъ „воинственныхъ" настроеній, которыя вызывала царская палка. Прямо сознаюсь — хуже. Вскрывается животное отсутствіе *совѣсти*.

Не милосердна эта тяжесть „свободы", навалившаяся на вчерашнихъ рабовъ. Совѣсть ихъ еще не просыпалась, ни проблеска сознанія нѣтъ, одни инстинкты: ѣсть, пить, гулять... да еще шевелится темный инстинктъ широкой русской „вольницы" (*не* „воли").

Хочется взывать къ милосердію. Но кто способенъ дать его сейчасъ Россіи? Несчастной, невиновной, опоздавшей на вѣка Россіи, — опять, и здѣсь, опоздавшей?

Оказать имъ милосердіе — это сейчасъ значитъ: создать власть. Человѣческую, — но настоящую власть, суровую, быть можетъ, жестокую, — да, да, — *жестокую* по своей прямотѣ, если это нужно.

Такова минута.

Какіе люди сдѣлаютъ? Наше Вр. Пр-во — Церетели, Пѣшехоновъ, Скобелевъ? Не смѣшно, а невольно улыбаюсь. Они только умѣли „страдать" отъ „власти" и всю жизнь ее ненавидѣли. (Не говорю уже о личныхъ ихъ способностяхъ). Керенскій? Я убѣждена, что онъ *понимаетъ* моментъ, *знаетъ*, что именно это нужно: „взять на себя и дать имъ", но... я далеко не убѣждена, что онъ:

1) сможетъ взять на себя и 2) что, если бы смогъ взять, — тяжесть не раздавила бы слабыхъ плечъ.

Не сможетъ потому уже, что хотя и понимаетъ, — но и въ немъ сидитъ то-же впитанное отвращеніе къ власти, къ ея непремѣнно внѣшнимъ, обязательно насильническимъ, пріемамъ. Не сможетъ. Остановится. Испугается.

Носители власти должны не бояться своей власти. Только тогда она будетъ настоящая. Ея требуетъ наша историческая минута. И такой власти нѣтъ. И, кажется, нѣтъ для нея людей.

Нѣтъ сейчасъ въ мірѣ народа болѣе безгосударственнаго, безсовѣстнаго и безбожнаго, чѣмъ мы. Свалились лохмотья, почти сами, и вотъ, подъ ними голый человѣкъ, первобытный — но слабый, такъ какъ измученный, истощенный. Война выѣла послѣднее. И война тутъ. Ее надо кончить. Оконченная безъ достоинства — не простится.

А что, если слишкомъ долго стыла Россія въ рабствѣ? Что, если застыла, и теперь, оттаявъ, не оживаетъ, — а разлагается?

Не могу, не хочу, нельзя вѣрить, что это такъ. Но время единственное по тяжести. Война, война. Теперь всѣ силы надо обратить на войну, на ея *поднятіе* на плечи, на ея напряженное заканчиваніе.

Война — единое возможное искупленіе прошлаго. Сохраненіе будущаго. Единое средство опомниться. Послѣднее испытаніе.

13 іюля. Четвергъ.

Еще мы здѣсь, въ Кисловодскѣ. Не могу записать всего, что было въ эти дни-годы. Запишу кратко.

18 іюня началось наше наступленіе на юго-западѣ. Въ этотъ же день въ Спб. была вторая попытка выступленія большевиковъ, кое-какъ обошедшаяся. Но тупая стихія, раздражаемая загадочными мерзавчиками, наростала, нарывала...

День радости и надежды 18 іюня быстро прошелъ. Уже въ первой телеграммѣ о наступленіи была странная фраза, которая заставила меня задуматься: ... теперь, что бы ни было дальше...“

А дальше: дни ужаса 3, 4 и 5-го іюля, дни петербурскаго мятежа. Около тысячи жертвъ. Кронштадтцы анархисты, воры, грабители, темный гарнизонъ явились вооруженными на улицы. Было открыто, что это связано съ нѣмецкой организаціей (?). (По безотчетности, по безсмыслію и ничегонепониманію дѣлающихъ бунтъ, это очень напоминало уличные безпорядки въ іюлѣ 14 года, передъ войной, когда нѣмецкая рука вполнѣ доказана).

Ленинъ, Зиновьевъ, Ганецкій, Троцкій, Стекловъ, Каменевъ — вотъ псевдонимы вожаковъ, скрывающіе ихъ неблагозвучныя фамиліи. Противъ нихъ выдвигается формальное обвиненіе въ связяхъ съ германскимъ правительствомъ.

Для усмиренія бунта была приведена въ дѣйствіе артиллерія. Вызваны войска съ фронта.

(Я много знаю подробностей изъ частныхъ писемъ, но не хочу ихъ приводить здѣсь, отсюда пишу лишь „отчетно“).

До 11-го бунтъ еще не былъ вполнѣ ликвидированъ. Ка-деты всѣ ушли изъ пр-ва. (Уйти легко). Ушелъ и Львовъ.

Вотъ послѣднее: наши войска съ фронта самовольно бѣгутъ, открывая дорогу нѣмцамъ. Вѣрныя части гибнутъ, массами гибнутъ офицеры, а солдаты уходятъ. И нѣмцы вливаются въ ворота, вослѣдъ убѣгающаго стада.

Они — трусы даже на улицахъ Петербурга; ложились и сдавались безоружнымъ. Вѣдь они такъ же не знали, „во имя“ чего бунтуютъ, какъ (до сихъ поръ!) не знаютъ, во имя чего воевать. Ну и уходи. Побунтовать все таки не такъ страшно, дома, и свой братъ, — а нѣмцы-то ой-ой!

Я еще говорила о совѣсти. Какая совѣсть тамъ, гдѣ нѣтъ перваго проблеска сознанія?

Бунтовскіе плакаты особенно подчеркивали, что бунтъ былъ безъ признака смысла — у его дѣлателей. „Вся власть совѣтамъ". „Долой министровъ - капиталистовъ". Никто не зналъ, для чего это. Какіе это министры-капиталисты? Кадеты?... Но и они уже ушли. „Совѣтовъ" же бунтовщики знать не хотѣли. Чернова окружили, затрещалъ пиджакъ, Троцкій-Бронштейнъ явился спасителемъ, обратившись къ „революціоннымъ матросамъ": „кронштадтцы! Краса и гордость русской революціи!..." Польщенная „краса" не устояла, выпустила изъ лапъ звѣриныхъ Черновскій пиджакъ, ради столь милыхъ словъ Бронштейна.

Ужъ правда ли все происходящее?

Похоже на предутренній кошмаръ.

Еще: обостряется голодъ, форменный.

Что прибавить къ этому? *Слова* правительства о „рѣшительныхъ дѣйствіяхъ". Опять слова. Кто-то арестованъ, кто-то освобожденъ... Окровавленные камни, и тѣ вопіютъ противъ большевиковъ, но они пока безнаказанны. Пока?...

Вотъ что еще можно прибавить: я все таки вѣрю, что будетъ, будетъ когда-нибудь хорошо. Будетъ свобода. Будетъ Россія. Будетъ миръ.

19 іюля. Среда.

Во вѣкъ проклятая сегодня годовщина. Трехлѣтіе войны.

Но сегодня ничего не запишу изъ совершающагося. Сегодня хоть въ трехъ словахъ, для памяти, о здѣшнемъ. И даже не о здѣшнемъ, а просто отмѣчу, что мы нѣсколько разъ видѣли генерала Рузскаго (онъ былъ у насъ). Маленькій, худенькій старичокъ, постукивающій мягко палкой съ резиновымъ наконечникомъ. Слабенькій, вѣчно у него воспаленіе въ легкихъ. Недавно поправился отъ послѣдняго. Болтунъ невѣроятный, и никакъ уйти не мо-

жетъ, въ дверяхъ стоитъ, а не уходитъ. Какъ то встрѣтился у насъ съ кучей молодыхъ офицеровъ, которые приглашали насъ читать на вечерѣ Займа Свободы. Кстати, тутъ же прiѣхали въ Кисловодскъ и волынцы (оркестръ). Вечеръ этотъ, сказать между прочимъ, состоялся въ Курзалѣ, мы участвовали. (Я давнымъ давно отказываюсь отъ всѣхъ вечеровъ, годы, но тутъ рѣшила измѣнить правилу, — нельзя).

Рузскiй съ офицерами держалъ себя... отечески-генеральски. Щеголялъ этой „отечественностью"... вѣдь революцiя! И все же оставался генераломъ.

Я спрашивала его о Родзянковской телеграммѣ въ февралѣ. Онъ сталъ увѣрять, что „Родзянко самъ виноватъ. Что же онъ во время не прiѣхалъ? Я царю сейчасъ же, вечеромъ (или за обѣдомъ) сказалъ, онъ на все былъ согласенъ. И ждалъ Родзянку. А Родзянко опоздалъ".

— А скажите, генералъ, — если только это не нескромный вопросъ, почему вы ушли весной?

— Не я ушелъ, это „меня ушли", — съ готовностью отвѣчалъ Рузскiй. — Это Гучковъ. Прiѣхалъ онъ на фронтъ, — ко мнѣ...

Пошла длиннѣйшая исторiя его какихъ-то несогласiй съ Гучковымъ.

— А тутъ сейчасъ-же и самъ онъ ушелъ, — заключилъ Рузскiй.

Говорилъ еще, что нѣмцы могутъ взять Петербургъ въ любой день, — въ какой только пожелаютъ.

Гдѣ Борисъ Савинковъ? Первое письмо отъ него изъ Петербурга я получила давно, нѣсколько ироническаго тона въ описанiи быта новыхъ „товарищей"-министровъ, очень сдержанное, безъ особыхъ восторговъ относительно революцiоннаго аспекта. Въ концѣ спрашивалъ: „я все думаю, *свои ли мы?*" Дѣйствительно, вѣдь съ начала войны мы ничего толкомъ не знаемъ другъ о другѣ.

Затѣмъ было второе письмо: онъ уже коммисаромъ 7-ой армiи, на фронтѣ. Писалъ о войнѣ, — и мнѣ отношенiе понравилось: чувствуется серьезность къ серьезному

вопросу. На мой вопросъ о Керенскомъ (я писала, что мы ближе всего къ позиціи Керенскаго) отвѣтилъ: „я съ Керенскимъ всей душой“... было какое-то „но“, должно быть, неважное, ибо я его не помню. По моему, Савинковъ долженъ былъ находиться тамъ, гдѣ происходило наступленіе. Въ газетахъ часто попадается его имя, и въ очень хорошемъ видѣ.

Савинковъ, именно такой, какой онъ есть, очень можетъ (или могъ бы) пригодиться.

26-го іюля.

Съ каждымъ днемъ все хуже.

За это время: кризисъ правительства дошелъ до предѣла. Керенскій подалъ въ отставку. Всѣ испугались, засѣдали ночами, рѣшили просить его остаться и самому составить кабинетъ. Раньше онъ пытался сговориться съ кадетами, но ничего не вышло: кадеты противъ деклараціи 8 іюля (какая это?). Затѣмъ исторія съ Черновымъ который открыто ведетъ себя максималистомъ. (По моему — Черновъ противъ Керенскаго: задыхается отъ тщеславной зависти).

Трудно знать все отсюда. Пишу, что ловлю, для памяти.

Итакъ — кадеты отказались войти „партійно“ (допустили вхожденіе личное, на „свою совѣсть“). Черновъ подалъ въ отставку, мотивируя, что онъ оклеветанъ, и возстановить истину ему легче, не будучи министромъ. Отставка принята. Это все до 23-го іюля включительно.

А сегодня — краткія и дикія свѣдѣнія по телеграммамъ: Правительство Керенскимъ составлено — неожиданное и (боюсь) мертворожденное. Не видно его принципа. Вѣетъ случайностью, путанностью. Противорѣчіями.

Премьеръ, конечно, Керенскій, (онъ же военный министръ), его фактическій товарищъ („управляющій военнымъ вѣдомствомъ“) — нашъ Борисъ Савинковъ (какъ?

когда, откуда? Но это-то очень хорошо). Остались: Терещенко, Пѣшехоновъ, Скобелевъ, да недавній, несуществующій, Ефремовъ, явились Никитинъ (?) Ольденбургъ и — уже совершенно непонятнымъ образомъ — опять явился Черновъ. Чудеса; хорошо, если не глупыя. Вмѣсто Львова — Карташевъ. (Какъ жаль его. Прежде только безсиліе, а теперь сверхъ него, еще и отвѣтственность. Изъ этого для него ничего добраго, кромѣ худого, не выйдетъ).

Ушелъ, тоже не понять почему, Церетелли.

Нѣтъ, надо знать *изнутри*, что это такое.

На фронтѣ то же уродство и бѣгство. Въ тылу крахъ полный. Ленина, Троцкаго и Зиновьева привлекаютъ къ суду, но они не поддаются судейской привлекательности и не намѣрены показываться. Ленинъ съ Зиновьевымъ прозрачно скрываются, Троцкій дѣйствуетъ въ Совѣтѣ и ухомъ не ведетъ.

Несчастная страна. Богъ, дѣйствительно, наказалъ ее: отнялъ разумъ.

И куда мы ѣдемъ? Только ли въ голодъ, или еще въ нѣмцевъ, и, сверхъ того, въ царство Бронштейновъ и Нахамкесовъ? Какія перспективы!

Писала ли я, что милѣйшей дубинкѣ Н. Д. Соколову отлился подвигъ Приказа № 1? Поѣхалъ на фронтъ съ увѣщаніями, а воспитанные его Приказомъ товарищи-солдаты вдрызгъ увѣщателя исколотили. Каской по черепу. Однако, не видно плодовъ ученія. Только, выйдя изъ больницы, заявилъ во всѣхъ газетахъ, что онъ „большевикомъ никогда не былъ“ (?).

Чхенкели ограбили по дорогѣ въ Коджоры, чуть не убили.

Во время іюльскаго мятежа какіе-то солдаты, въ туманѣ обалдѣнія, несли плакатъ: „первая пуля Керенскому“.

Какъ мы счастливы. Мы видѣли медовый мѣсяцъ революціи и не видѣли ее „въ грязи, во прахѣ и въ крови“.

Но что мы еще увидимъ!

1 августа. Вторникъ.

Въ пятницу (тяжелый день) ѣдемъ. Русскія дѣла все тѣ же. Какъ будто меньше удираніе отъ нѣмцевъ со времени возстановленія смертной казни на фронтѣ. Но только „меньше“, ибо возстановили-то слѣпо, слабо, неувѣренно, точно крадучись. Я считаю, что это преступно. Или не возстановляй, или такъ, чтобы каждый солдатъ зналъ съ полной несомнѣнностью: если идешь впередъ — можетъ быть умрешь, можетъ быть нѣтъ, на войнѣ не всѣхъ убиваютъ; если идешь назадъ, самовольно, — умрешь *навѣрно*.

Только такъ.

Очень плохи дѣла. Мы все отдали назадъ, нѣмцы грозятъ и югу, и сѣверу. Большевики (изъ мелкихъ, изъ заваляющихъ) арестованы, какъ, напримѣръ, Луначарскій. Этотъ претенціозно-безпомощный шутъ хлестаковскаго типа достаточно извѣстенъ по эмиграціи. Савинковъ любилъ копировать его развязное малограмотство.

Чернова свергнуть не удалось (что случилось?) и онъ продолжаетъ максимальничать. За то нашъ Борисъ по всѣмъ видимостямъ ведетъ себя молодцомъ. Какъ я рада, что онъ у дѣлъ! и рада не столько за него, сколько за дѣло.

Учр. Собраніе отложено. Что еще будетъ съ этимъ Пр-вомъ — неизвѣстно.

Но надо же вѣрить въ хорошее. Вѣдь „хорошее“ или „дурное“ — не предопредѣлено заранѣе, не написано; вѣдь это наши человѣческія дѣла; вѣдь отъ насъ (въ громадной долѣ) зависитъ, куда мы пойдемъ: къ хорошему, или дурному. Если не такъ, то жить напрасно.

ПЕТЕРБУРГЪ.

8 августа. Вторникъ.

Сегодня въ 6 час. вечера пріѣхали. Съ приключеніями и муками, съ разрывомъ поѣзда.

Черезъ два часа послѣ пріѣзда у насъ былъ Борисъ Савинковъ. Трезвый и сильный. Положеніе обрисовалъ крайне острое.

Вотъ въ краткихъ чертахъ: у насъ ожидаются территоріальныя потери. На сѣверѣ — Рига и далѣе, до Нарвы, на югѣ — Молдавія и Бессарабія. Внутренній развалъ экономическій и политическій — полный. Дорога каждая минута, ибо это минуты — предпослѣднія. Необходимо ввести военное положеніе по всей Россіи. Долженъ пріѣхать (послѣзавтра) изъ Ставки Корниловъ, чтобы предложить, вмѣстѣ съ Савинковымъ, Керенскому принятіе серьезныхъ мѣръ. На предполагающееся черезъ нѣсколько дней Московское Совѣщаніе Правительство должно явиться не съ пустыми руками, а съ опредѣленной программой ближайшихъ дѣйствій. *Твердая власть.*

Дѣло, конечно, ясное и неизбѣжное, но... что случилось? Гдѣ Керенскій? Что тутъ произошло? Керенскаго-ли подмѣнили, мы ли его ранѣе не видѣли? Разрослось ли въ немъ вотъ это, — останавливающееся передъ прямой необходимостью: „*взять власть*“, начало, я еще не вижу. Надо больше узнать. Фактъ, что Керенскій — боится. Чего? Кого?

9 августа. Среда.

Утромъ былъ Карташевъ (о немъ, нынѣшнемъ „министрѣ исповѣданій“, потомъ. Безотрадно). Были и другіе люди. Затѣмъ, къ вечеру, опять пріѣхалъ Борисъ.

Въ эту ночь онъ очень серьезно говорилъ съ Керенскимъ. И — подалъ въ отставку. Все дѣло виситъ на волоскѣ.

Завтра долженъ быть Корниловъ. Борисъ думаетъ, что онъ, пожалуй, вовсе не пріѣдетъ.

Что же сталось съ Керенскимъ? По разсказамъ близкихъ — онъ неузнаваемъ и невмѣняемъ. Идея Савинкова такова: настоятельно нужно, чтобы явилась, наконецъ, дѣйствительная власть, вполнѣ осуществимая въ обстановкѣ

сегодняшняго дня при такой комбинаціи: Керенскій остается во главѣ (это непремѣнно), его ближайшіе помощники-сотрудники — Корниловъ и Борисъ. Корниловъ — это значитъ опора войскъ, защита Россіи, реальное возрожденіе арміи; Керенскій и Савинковъ — защита свободы. При опредѣленной и ясной тактической программѣ, на которой должны согласиться Керенскій и Корниловъ (объ этой программѣ скажу въ свое время подробнѣе), нежелательные элементы въ Пр-вѣ вродѣ Чернова, выпадаютъ автоматически.

Савинковъ понимаетъ и положеніе дѣлъ, — и вообще все, — самымъ блистательнымъ образомъ. И я должна тутъ же, сразу, сказать: при всей моей къ нему зрячести я не вижу, чтобы Савинковымъ двигало *сейчасъ* его громадное честолюбіе. Напротивъ, я утверждаю, что главный двигатель его во всемъ этомъ дѣлѣ — подлинная, умная, любовь къ *Россіи* и къ ея *свободѣ*. Его честолюбіе — на второмъ планѣ, гдѣ его присутствіе даже требуется.

Вижу я это, помимо взора на предметъ, — взора, совпадающаго съ Савинковымъ, — по тысячѣ признаковъ. Нѣтъ стремленія создать изъ Керенскаго съ его помощниками форменную „диктатуру“: широкія полномочія Корнилова и Савинкова ограничены строгими линіями принятой, очень подробной, тактической программы. Если Савинковъ хочетъ быть однимъ изъ этихъ „помощниковъ“ Керенскаго, то вѣдь онъ и *можетъ* имъ, дѣйствительно, быть. Тутъ *его* мѣсто. И данный мигъ Россіи — (ея революціи) тоже *его*, – россійскаго революціонера государственника (съуженнаго, конечно, и подпольной своей біографіей, и долгой эмиграціей, однако данная минуточка требуетъ именно такого, пусть съуженнаго; она сама узко-остра).

Когда еще, и гдѣ, можетъ до такой степени понадобиться Савинковъ? Горючая бѣда Россіи, что всѣ ея люди не на своихъ мѣстахъ; если же попадаютъ случаемъ — то не въ свое время: или „рано“ или „поздно“.

На Корнилова Савинковъ тоже смотритъ очень трезво. Кирниловъ — честный и прямой солдатъ. Онъ, глав-

нымъ образомъ, хочетъ спасти Россію. Если для этого пришлось бы заплатить свободой, онъ заплатилъ бы, не задумываясь.

— Да и заплатитъ, если будетъ дѣйстовать одинъ, и послѣ очередныхъ разгромовъ, — говоритъ Савинковъ. — Онъ любитъ свободу, я это знаю совершенно твердо. Но Россія для него первое, свобода — второе. Какъ для Керенскаго (поймите, это фактъ, и естественный) свобода, революція — первое, Россія — второе. Для меня-же (м. б., я ошибаюсь), для меня эти оба сливаются въ одно. Нѣтъ перваго и второго мѣста. Нераздѣлимы. Вотъ потому-то я хочу непремѣнно соединить сейчасъ Керенскаго и Корнилова. Вы спрашиваете, останусь ли я дѣйствовать съ Корниловымъ, или съ Керенскимъ, если ихъ пути раздѣлятся. Я представляю себѣ, что Корниловъ не захочетъ быть съ Керенскимъ, захочетъ противъ него, одинъ, спасать Россію. Въ ставкѣ есть темные элементы; они, къ счастью, ни малѣйшаго вліянія на Корнилова не имѣютъ. Но допустимъ... Я, конечно, не останусь съ Корниловымъ. Я въ него, безъ Керенскаго, не вѣрю. Я это въ лицо говорилъ самому Корнилову. Говорилъ прямо: тогда мы будемъ врагами. Тогда и я буду въ васъ стрѣлять, и вы въ меня. Онъ, какъ солдатъ, понялъ меня тотчасъ, согласился. Керенскаго же я признаю сейчасъ, какъ главу возможнаго русскаго правительства, необходимымъ; я служу Керенскому, а не Корнилову; но я не вѣрю, что и Керенскій, одинъ, спасетъ Россію и свободу; ничего онъ не спасетъ. И я не представляю себѣ, какъ я буду служить Керенскому, если онъ самъ захочетъ оставаться одинъ и вести далѣе ту колеблющуюся политику, которую ведетъ сейчасъ. Сегодня, въ нашемъ ночномъ разговорѣ, подчеркнулись эти колебанія. Я счелъ своимъ долгомъ подать въ отставку. Онъ ее не то принялъ, не то не принялъ. Но дѣло нельзя замазывать. Завтра я ее повторю рѣшительно.

Я свела многое изъ словъ Савинкова вмѣстѣ. Начинаю кое что улавливать.

Поразительно: Керенскій точно лишился всякаго пониманія. Онъ подъ перекрестными вліяніями. Поддается всѣмъ чуть не по женски. Развратился и бытовымъ образомъ. Завелъ (живетъ — въ Зимнемъ Дворцѣ!) „придворные“ порядки, что отзывается несчастнымъ мѣщанствомъ, parvenu. Онъ никогда не былъ уменъ, но, кажется, и геніальная интуиція покинула его, когда прошли праздничные, медовые дни прекраснодушія и наступили суровые (ой, какіе суровые!) будни. И опьянѣлъ онъ... не отъ власти, а отъ „успѣха“ въ смыслѣ шаляпинскомъ. А тутъ еще, вѣроятно, и чувство, что „идетъ книзу“. Онъ не видитъ людей. Положимъ, этого у него и раньше не было, а теперь онъ окончательно ослѣпъ (теперь, когда ему надо выбирать людей!). Онъ и Савинкова принялъ за „вѣрнаго и преданнаго ему душой и тѣломъ слугу“ — только. Какъ такого „слугу“ и вывезъ его, скоропалительно, съ собой, — съ фронта. (Кажется, они были вмѣстѣ во время іюньскаго наступленія). И заволновался, забоялся, когда примѣтилъ, что Савинковъ не безъ остроты... Сталъ подозрѣвать его... въ чемъ? А тутъ еще миленькіе „товарищи“ с.-ры, ненавидящіе Савинкова-Ропшина...

А Керенскій ихъ боится. Когда онъ составлялъ последнее министерство, къ нему пришла троица изъ Ц. И. Ком. эсъ-эровской п. съ ультиматумомъ: или онъ сохраняетъ Чернова, или партія с-ровъ не поддерживаетъ Пр-во. И Керенскій взялъ Чернова, все зная и ненавидя его.

Да, вѣдь еще 14 марта, когда Керенскій былъ у насъ впервые министромъ (юстиціи тогда), въ немъ уже чувствовалась, абсолютно неуловимая, перемѣна. Что это было? Что-то... И это „что-то“ разрослось...

10 августа. Четвергъ.

Безумный день. Часовъ въ 8 вечера пріѣхалъ Савинковъ. Сказалъ, что все кончено. Что онъ рѣшилъ со своей отставкой. Просилъ вызвать Карташева. (Карт. нѣсколько въ курсѣ дѣла и Савинкову сочувствуетъ).

— Но Карташевъ теперь навѣрно въ Зимнемъ Дворцѣ, — возражаю я.

— Нѣтъ, дома, вечернее засѣданіе отмѣнено.

Звоню. Карташевъ дома, обѣщаетъ придти. Узнаемъ отъ Бориса слѣдующее.

Корниловъ, оказывается, сегодня пріѣхалъ. Телеграмму, гдѣ Керенскій „любезно“ разрѣшалъ ему не пріѣзжать, „если не удобно“, — получить не успѣлъ.

Съ вокзала отправился прямо къ Керенскому. Неизвѣстно, что было говорено на этомъ первомъ засѣданіи; но Корниловъ пріѣхалъ, тотчасъ послѣ него, — къ Савинкову, и съ какою-то странною подозрительностью.

Часъ разговора, однако, совершенно разсѣялъ эту подозрительность. И Корниловъ подписалъ знаменитую записку (программу) о необходимыхъ мѣрахъ въ арміи и въ тылу. Подписалъ ее и Савинковъ. И, пріѣхавшій съ Корниловымъ, помощникъ Савинкова въ бытность его коммисаромъ, — Филоненко. (Неизвѣстный намъ, но почему то Борисъ очень стоитъ за него).

Послѣ этого Керенскій опять потребовалъ къ себѣ Корнилова, *отмѣнивъ* общее прав-ное засѣданіе, а допустивъ лишь Терещенку и еще кого-то.

А Савинковъ поѣхалъ къ намъ. Корниловъ сегодня же уѣзжаетъ обратно. Савинковъ, отправится провожать его въ вагонъ, часамъ къ 12 ночи.

— Хотите, я прочту вамъ записку? — предложилъ Борисъ. — Она со мной, у меня въ автомобилѣ.

Сбѣгалъ, принесъ тяжелый портфель. И мы принялись за чтеніе.

Прочелъ ее намъ Савинковъ всю, полностью. Начиная съ подробнѣйшаго, всесторонняго отчета о фактическомъ состояніи фронта (потрясающе оно даже внѣшне!), и кончая такимъ-же отчетливымъ изложеніемъ тѣхъ немедленныхъ мѣръ, какія должны быть приняты и на фронтѣ, и въ тылу. Эта длиннѣйшая записка, гдѣ обдумано и взвѣшено каждое слово, найдетъ когда-нибудь своего комментатора — во всѣхъ случаяхъ не пропадаетъ. Я

скажу лишь главное: это безъ спора тотъ minimum, который еще могъ бы спасти честь революціи и жизнь Россіи при ея данномъ, неслыханномъ, положеніи.

Дима, впрочемъ, находитъ, что „кое-что въ запискѣ продумано недостаточно, а кое что поставлено слишкомъ остро, напр., милитаризація желѣзныхъ дорогъ. Но важенъ ея принципъ: „соединеніе съ Корниловымъ, поднятіе боеспособности арміи *безъ* помощи совѣтовъ, оборона, какъ центральная прв-ная дѣятельность, безпощадная борьба съ большевиками".

Я думаю, что да, будетъ еще съ Керенскимъ торговля... Но, кажется, это и въ деталяхъ minimum, вплоть до милитаризаціи желѣзныхъ дорогъ и смертной казни въ тылу (какое же иначе общее военное положеніе?). Воображаю, какъ заорутъ „товарищи!" (А Керенскій ихъ боится, вотъ это надо помнить).

Они заорутъ, ибо увидятъ тутъ „борьбу съ совѣтами", — безобразнымъ, уродливо разросшимся явленіемъ, разсадникомъ большевизма, явленіемъ, передъ которымъ и нынѣ „демократическіе лидеры" и подъ-лидеры, не большевики, благоговѣйно склоняются. Какая то непроворотимая, глупая преступность!

Они будутъ правы, это борьба съ Совѣтами, хотя *прямо* въ запискѣ ничего не сказано объ уничтоженіи Совѣтовъ. Напротивъ, Борисъ сказалъ даже, что „нужно сохранить войсковыя организаціи, безъ нихъ невозможно". Но никакіе комитеты не должны, конечно, вмѣшиваться въ дѣла командованія. Ихъ дѣятельность (выборныхъ организацій) ограничивается.

А все же это (наконецъ-то!) борьба съ Совѣтами. И какъ иначе, если вводится серьезная, настоящая борьба съ большевиками?

Къ половинѣ чтенія записки пришелъ Карташевъ. Дослушали вмѣстѣ.

Сегодня Карташевъ видѣлъ Керенскаго, т. е. потребовалъ впуска къ нему въ кабинетъ не офиціальнаго. (Вотъ какъ теперь! Не прежній свой братъ-интеллигентъ, вѣчно

вмѣстѣ на частныхъ собраніяхъ!). Сказалъ, говоритъ, ему все, что хотѣлъ сказать, и ушелъ, отвѣта намѣренно не требуя. Да кстати тутъ пришелъ полковникъ Барановскій („нянька“ Керенскаго, по выраженію Карташева) и лучше было удалиться.

Уже почти въ 12 часовъ ночи мы кончили записку.

Борисъ очень скоро уѣхалъ, — на вокзалъ, провожать Корнилова. Карташевъ, пользуясь отмѣной засѣданія, ушелъ въ одинъ старый „интеллигентскій“ кружокъ (гдѣ — отсюда слышу — они будутъ болты болтать и гадать, какими еще аудіенціями „надавить“ на Керенскаго)...

...А что говорятъ с-эры? Лучшіе, самые лучшіе, изъ честныхъ честные? Вотъ: „Черновъ — негодяй, которому мы заграницей и руки не подавали, но... мы сидимъ съ нимъ рядомъ въ Центр. Комит. партіи и партія ультимативно отстаиваетъ его въ Правительствѣ. Громадное большинство въ Цент. Ком. партіи с.-р. — или дрянь, или ничтожество. Все у насъ построено на обманѣ. Масловскій — опредѣленный, форменный провокаторъ. Но вотъ — мы его оправдали (большинствомъ двухъ голосовъ). Да, у насъ многіе — просто германскіе агенты, получающіе большія деньги... Но мы молчимъ. Многихъ изъ насъ тянетъ уѣхать куда-нибудь... Но мы не можемъ и не хотимъ уйти изъ партіи. Чистка ея невозможна. Кто будетъ чистить? Мы, „призывисты“, стоимъ за Россію, за войну, но... мы дали свои имена максималистской, интернаціоналистской, черновской газетѣ „Дѣло Народа“.

Ручаюсь честью, что не прибавила ни одного слова своего, все это точнѣйшая *сводка* подлинныхъ словъ. Если, въ ужасѣ, не хочешь ни понимать, ни вѣрить, умоляешь, если такъ, отколоться съ честной частью партіи, оставить Чернова — возражаютъ:

— Вотъ Плехановъ откололся, ушелъ въ чистоту, кое кто ушелъ съ нимъ, — и какое вліяніе имѣетъ эта группа? Отъ насъ откололась „Воля Народа“, правые оборонцы,

кто ихъ газету читаетъ? А имя Чернова — вы не знаете, что оно значитъ для крестьянъ. Черновъ н......, да, но онъ можетъ въ одинъ день 13 рѣчей произнести!

Бредъ, бредъ, бредъ. Какое зрѣлище!... да что тутъ говорить! Бредъ.

11 августа. Пятница.

Едва живу опять отъ усталости. И что это будетъ, съ этимъ Московскимъ Совѣщаніемъ? Трехтысячная безсмыслица. Чертова болтовня.

Въ 7 часовъ уже пріѣхалъ Борисъ.

Сегодня онъ офиціально понесъ бумагу объ отставкѣ Керенскому.

— Вотъ мое прошеніе, г. министръ. Оно принято?

— Да.

Небрежно бросилъ бумагу на столъ. Раздраженъ, возбужденъ, почти въ истерикѣ.

(Вѣдь вотъ зловредный корень всего: Керенскій не вѣритъ Савинкову, Савинковъ не вѣритъ Керенскому, Керенскій не вѣритъ Корнилову, но и Корниловъ ему не вѣритъ. Мелкій фактъ: вчера Корниловъ ѣхалъ по вызову, однако, могъ думать, что и для ареста: пріѣхалъ, окруженный своими „звѣрями-текинцами).

Сцена продолжается.

Послѣ того, какъ прошеніе было „принято", Савинковъ попросилъ позволенія сказать нѣсколько словъ „частнымъ образомъ". Онъ заговорилъ очень тихо, очень спокойно (это онъ умѣетъ), но чѣмъ спокойнѣе онъ былъ, тѣмъ раздраженнѣе Керенскій.

— Онъ на меня кричалъ, до оскорбительности высказывая недовѣріе...

Савинковъ увѣряетъ, что онъ, хотя разговоръ былъ объявленъ „частнымъ", держалъ себя „по солдатски" передъ начальственной истерикой г. министра. Охотно вѣрю, ибо тутъ былъ свой ядъ. Керенскій пуще бѣсился и положенія не выигрывалъ.

Но выходитъ полная нелѣпица. Керенскій не то подозрѣваетъ его въ контръ-революціонствѣ, не то въ заговорѣ — противъ него самого.

— Вы — Ленинъ, только съ другой стороны! Вы — террористъ! Ну, что-жъ, приходите, убивайте меня. Вы выходите изъ правительства, ну что-жъ! Теперь вамъ открывается широкое поле независимой политической дѣятельности.

На послѣднее Борисъ, все тѣмъ же тихимъ голосомъ, возразилъ, что онъ уже „докладывалъ г. министру": послѣ отставки онъ уйдетъ изъ политики, поступитъ въ полкъ и уѣдетъ на фронтъ.

Внезапно кинувшись въ сторону, Керенскій сталъ спрашивать, а гдѣ Борисъ былъ вчера вечеромъ, когда Корниловъ поѣхалъ къ нему?

— Если вы меня допрашиваете, какъ прокуроръ, то я вамъ скажу: я былъ у Мережковскихъ.

Затѣмъ „г. министръ" вновь бросился на контръ-революцію и сталъ безсмысленно грозить, что самъ устроитъ всеобщую забастовку, если свобода окажется въ опасности (???).

По привычкѣ всегда что-нибудь вертѣть въ рукахъ (вспомнимъ дѣтскій волчокъ съ моего стола, половина котораго такъ и пропала подъ шкафами), тутъ Керенскій вертѣлъ карандашъ, да кстати и „прошеніе" Савинкова. Карандашъ нервно чертилъ на прошеніи какія-то буквы. Это были все тѣ же: „К", „С". потомъ опять „К"... Послѣ многихъ еще частностей, упрековъ Керенскаго въ какомъ то „недисциплинарномъ" мелкомъ поступкѣ (не то Савинковъ изъ Ставки не въ тотъ день пріѣхалъ, не то въ другой туда выѣхалъ), послѣ препирательства о Филоненко: „я не могу его терпѣть. Я ему ужъ совершенно не довѣряю". На что Савинковъ отвѣчалъ: „а я довѣряю и стою за него", — послѣ всѣхъ этихъ деталей (быть можетъ, я ихъ путаю) — Керенскій закончилъ выпадомъ, очень характернымъ. Теребя бумагу, исчерченную „К", „С" и „К", — рѣзко заявилъ, что Савинковъ напрасно

возлагаетъ надежды на „тріумвиратъ“: есть „К“, и оно останется, а другого „К“ и „С“ — не будетъ.

Такъ они разстались. Дѣло, кажется, хуже, чѣмъ — ..сейчасъ, когда я это пишу, послѣ 2-хъ ночи, — внезапный телефонный звонокъ.

— Allo!

— Это вы, З. Н.?

— Да. Что, милый Б. В.?

— Я хотѣлъ съ вами посовѣтоваться. Сейчасъ узналъ, что Керенскій хочетъ, чтобы я взялъ назадъ свою отставку. Что мнѣ дѣлать?

— Какъ это было? Онъ самъ?...

— Нѣтъ, но я знаю это офиціально. Онъ уѣхалъ сегодня въ Москву, на совѣщаніе.

Конечно, первое мое слово было за то, что-бъ онъ остался, чтобы еще продолжалъ борьбу. Дѣло слишкомъ важно...

— Хорошо, я подумаю...

Съ головокружительной быстротой все мѣняется.

Керенскій мечется, словно въ мышеловкѣ.

Завтра Совѣщаніе.

12 августа. Суббота.

Борисъ былъ, какъ всегда. Керенскому онъ далъ знать, что согласенъ остаться на извѣстныхъ условіяхъ.

На Керенскаго, будто-бы, повліяла телеграмма Корнилова, который требовалъ, чтобы Сав-ва не удалять, а такъ же то, что всѣ кадеты явились къ нему съ отставками, едва онъ ихъ умаслилъ. Не знаю...

Любопытно составлялъ Керенскій свое послѣднее (лѣтомъ) министерство. Въ Царскомъ. Савинковъ самъ писалъ листъ. Тамъ былъ прежде всего Плехановъ. Затѣмъ бабушка Брешковская (вмѣсто Чернова, какъ имя). Бабушкѣ была послана срочная телеграмма, и Керенскій волновался, что она во время не пріѣдетъ, только черезъ 24 часа. Вмѣ-

стѣ, Керенскій съ Савинковымъ, ѣздили на автомобилѣ къ Плеханову.

Плехановъ согласился.

Затѣмъ, въ ночь, Керенскій поѣхалъ въ Спб., въ Зимній Дворецъ.

И — говоритъ Савинковъ — тутъ же къ нему зашмыгали всякіе „либерданы“ (кличка мелкой сошки изъ кучекъ „Либера“ и „Дана“). Одинъ — въ очкахъ, другой — въ pince-nez, третій — безъ ничего; подъ конецъ явилась знаменитая делегація изъ Гоца, Зензинова и еще кого-то, съ ультиматумомъ насчетъ Чернова. И къ утру отъ списка не осталось ни черта. Савинкову было поручено послать Плеханову телеграмму съ отказомъ и встрѣтить на вокзалѣ Брешковскую съ извиненіемъ: напрасно, молъ, тревожились.

Такимъ образомъ и составилось „коалиціонное“ министерство, котораго изъ Кисловодска „нельзя было понять“. Нельзя, не зная, что происходитъ за кулисами.

Да, вездѣ и всегда кулисы...

13 августа. Воскресенье.

Сегодня первый разъ, что Борисъ у насъ не былъ. Совѣщаніе въ Москвѣ открылось (тамъ — частичная забастовка, у насъ — тихо).

Керенскій сказалъ длинную рѣчь. Если не считать появившагося у него заплетанія языка, — обыкновенную свою рѣчь: паѳотическую, мѣстами недурную. Только уже несовременную, ибо опять не дѣловую, а „праздничную“. (Праздникъ у насъ, подумаешь!). Затѣмъ говорилъ Авксентьевъ, затѣмъ Прокоповичъ. И затѣмъ... мы ничего не знаемъ, ибо вечернихъ газетъ не было, редакціи пусты, да и завтра не будетъ газетъ — „товарищи“-наборщики „праздничаютъ“.

Ввергнувшись сразу въ пучину здѣшнихъ „дворцовыхъ“ дѣлъ, я не успѣла ничего сказать о бытовомъ Пе-

тербургѣ и внѣшнемъ видѣ его. Онъ, дѣйствительно, весьма новъ.

Часто видѣла я лѣтній Петербургъ. Но въ такомъ сѣромъ, неумытомъ, и расхлястанномъ образѣ не былъ онъ никогда. Кучами шатаются праздные солдаты, плюя подсолнухи. Спятъ днемъ въ Таврическомъ саду. Фуражка на затылкѣ. Глаза тупые и скучающіе. Скучно здоровенному парню. На войну онъ тебѣ не пойдетъ, нѣтъ! А побунтовать... это другое дѣло. Еще не отбунтовался, а занятія никакого.

Нашъ „бытъ“ сводится къ заботѣ о „хлѣбѣ насущномъ“. Послѣ юга мы сразу перешли почти на голодный паекъ. О бѣломъ хлѣбѣ забыли и думать. Но что еще будетъ!

14 августа. Понедѣльникъ.

Днемъ былъ Л.

Разсказывалъ, какъ онъ, по нынѣшней его должности „комиссара печати“ (или вродѣ), закрывалъ и арестовывалъ „Правду“ послѣ іюльскихъ дней. Много любопытнаго также разсказывалъ о нынѣшней „придворности“ Керенскаго...

Л. съ досадой говорилъ о немъ. Очень за Савинкова. Просилъ его познакомить съ нимъ.

Московское Сов., повидимому, скрипитъ и трещитъ. Все полно глупыми слухами, какъ дымомъ... котораго, однако, нѣтъ безъ огня. Фактъ тотъ, что Корниловъ торжественно явился въ Москву, *не встрѣченный* Керенскимъ и даже, будто-бы, вопреки категорическому приказу Керенскаго не являться, — торжественнымъ кортежомъ прослѣдовалъ къ Иверской, и толпы народа кричали „ура“, Затѣмъ онъ выступалъ на Совѣщаніи. Тоже овація. А кучкѣ, демонстративно молчащей, кричали: „измѣнники! гады!“

Впрочемъ, тутъ же и Керенскому сдѣлали овацію.

Керенскій — вагонъ, сошедшій съ рельсъ. Вихляется, качается, болѣзненно, и — безъ красоты малѣйшей. Онъ близокъ къ концу, и самое горькое, если конецъ будетъ безъ достоинства.

Я его любила прежнимъ (и не отрекаюсь), я понимаю его трудное положеніе, я помню, какъ онъ въ первые дни свободы „клялся“ передъ Совѣтами быть всегда съ „демократіей“, какъ онъ однимъ взмахомъ пера „навсегда“ уничтожилъ смертную казнь... Его стали носить на рукахъ. И теперь у него, вѣроятно, двойной ужасъ, и праведный и неправедный, когда онъ читаетъ ядовитенькіе стишки въ поднимающей голову „Правдѣ“:

Плачетъ, смѣется,
Въ любви клянется,
Но кто повѣритъ —
Тотъ ошибется...

Праведный ужасъ: вѣдь если соединиться съ Корниловымъ и Савинковымъ, вѣдь это измѣна „клятвамъ Совѣту“, и опять „смертная казнь“, — „измѣна *моей* веснѣ“. Я клялся быть съ демократіей, „умереть безъ нея“ — и долженъ дѣйствовать безъ нея, даже какъ бы противъ нея. Въ этомъ ужасѣ есть внутренній трагизмъ, хотя при большей глубинѣ ума и души — онъ не послѣдній. Т. е. это драма, а не трагедія.

Но передъ Керенскимъ сейчасъ только два пути достойныхъ, только два. Или въѣдь вмѣстѣ съ Корниловымъ, Савинковымъ и знаменитой программой, или, если не можешь, нѣтъ нужной силы, объяви тихо и открыто: вотъ какой моментъ, вотъ что требуется, но я этого не вмѣщаю, и потому ухожу. И уйти... уже не бутафорски, а по-человѣчески, безповоротно. Я боюсь, что оба пути слишкомъ героичны... *для Керенскаго*. Оба, даже второй, человѣческій. И онъ ищетъ третьяго пути, хочетъ что-то удержать, замазать, длить дленье... Третьяго нѣтъ, и Керенскій найдетъ „безпутность“, найдетъ безславную гибель... и хорошо, если только свою. Въ такой моментъ и на такомъ мѣстѣ человѣкъ *обязанъ* быть героиченъ, обязанъ выбрать, или...

Или — что? Ничего. Посмотримъ. Увидимъ. Не время еще задавать „послѣдніе“ вопросы. Одинъ изъ нихъ хотѣла я задать себѣ: а понимаетъ ли Керенскій маленькое, коротенькое, простое словечко: — РОССІЯ?

Довольно пока о Керенскомъ. Борисъ былъ нынче вечеромъ. Томится отъ выжидательнаго бездѣлья и неопредѣленнаго своего положенія. Дѣла сдалъ нѣсколько дней тому назадъ, но никто ихъ не дѣлаетъ, все военное вѣдомство и министерство пока остановилось.

Отъ этого „канительнаго“ состоянія, которое Борису очень не по характеру, онъ ужъ сталъ ѣздить въ „Привалъ комедіантовъ“. Утѣшается, что тамъ онъ — писатель и поэтъ Ропшинъ. А то, говоритъ, я ужъ и забылъ... (Это жаль, онъ очень талантливъ).

Ну, посмотримъ, посмотримъ.

17 августа. Четвергъ.

Съ понедѣльника не писала. Бронхитъ. А погода стоитъ теплая, еще лѣтняя. Надо бы скорѣе на нашу дачу ѣхать, послѣдніе дни. Но ужъ очень и здѣсь заварено, какъ то уѣхать трудно. Дача, положимъ, недалеко (около той же Сиверской, гдѣ насъ „постигла“ война) въ имѣніи князя Витгенштейна. Газеты — въ тотъ же день, имѣется телефонъ, прекрасный домъ. Разрыва съ Петербургомъ какъ будто и нѣтъ, — какъ я люблю старинные парки осенью! — а все же и отсюда не оторвешься. Сиверская мнѣ напоминаетъ „бѣду войны“, только теперешняя дача называется какъ-то пророчески-современно „Красная Дача“... (Она и въ самомъ дѣлѣ вся красная).

А что случилось?

Борисъ бывалъ всѣ дни. Въ томъ же состояніи ожиданья.

Московское Сов. развертывалось приблизительно такъ, какъ мы ожидали. П-во „говорило“ о своей силѣ, но силы ни малѣйшей не чувствовалось. Трагическое лицо Керенскаго я точно видѣла отсюда...

Вчера Борисъ сидѣлъ недолго.

Былъ послѣднiй вечеръ неизвѣстности — утромъ сегодня, 17-го, ожидался изъ Москвы Керенскiй.

Борисъ обѣщалъ извѣстить насъ мгновенно по выясненiи чего нибудь.

И сегодня, часу въ седьмомъ — телефонъ. Ротмистръ Мироновичъ. Сообщаетъ мнѣ, „по порученiю управляющаго военнымъ вѣдомствомъ“, что „отставка признана невозможной“, онъ остается.

Прекрасно.

А около восьми, передъ ужиномъ, является и самъ Борисъ. Вотъ, что онъ разсказываетъ.

Къ Керенскому, когда онъ нынче утромъ прiѣхалъ, пошли съ докладомъ Якубовичъ и Тумановъ. Очень долго и, по видимости, безплодно, съ нимъ разговаривали. Онъ — ни съ чѣмъ не соглашается. Филоненку ни за что не хочетъ оставить. (Тутъ-же и тѣлогрѣй его Барановскiй; онъ тоже за Савинкова, хотя и робѣетъ). Каждый разъ, когда Тумановъ и Якубовичъ предлагали вызвать самого Савинкова, — Керенскiй дѣлалъ видъ, что не слышитъ, хватался за что ни попадя на столѣ, за газету, за ключъ... обыкновенная его манера. Отставку Савинкова, которую они опять ему преподнесли, (для „резолюцiи“, что-ли? Неужели ту, исчерченную?) — небрежно бросилъ къ себѣ въ столъ. Такъ ни съ чѣмъ они й реттировались.

Между тѣмъ *въ это же время* Савинковъ получаетъ черезъ адъютанта приглашенiе явиться къ Керенскому. По дорогѣ сталкивается съ выходящими изъ кабинета своими защитниками. По ихъ перевернутымъ лицамъ видитъ, что дѣло плохо. Въ этомъ убѣжденiи идетъ къ „г. министру“.

Свиданiе произошло наединѣ, даже безъ Барановскаго.

— Онъ мнѣ сказалъ, — повѣствуетъ Савинковъ, — и довольно спокойно, вотъ что: „на московскомъ совѣщанiи я убѣдился, что власть правительства совершенно подорвана, — оно не имѣетъ силы. Вы были причиной, что

и въ Ставкѣ зародилось движеніе контръ-революціонное, — теперь вы не имѣете права уходить изъ Правительства, свобода и родина требуютъ, чтобы вы остались на своемъ посту, исполнили свой долгъ передъ ними...“ Я такъ же спокойно ему отвѣтилъ, что могу служить только при условіи довѣрія съ его стороны — ко мнѣ и къ моимъ помощникамъ... „Я вынужденъ оставить Филоненко“, — перебилъ меня Керенскій. Такъ и сказалъ „вынужденъ“. Все болѣе или менѣе, выяснилось. Однако, мнѣ надо было еще сказать ему нѣсколько словъ частнымъ образомъ. Я напомнилъ ему, какъ оскорбителенъ былъ послѣдній его разговоръ со мною. — Тогда я вамъ ничего не отвѣтилъ, но забыть этого еще не могу. Вы развѣ забыли?

Онъ подошелъ ко мнѣ, странно улыбнулся... „Да, я забылъ. Я, кажется, все забылъ. Я... больной человѣкъ. Нѣтъ, не то. Я умеръ, меня уже нѣтъ. На этомъ совѣщаніи я умеръ. Я уже никого не могу оскорбить и никто меня не можетъ оскорбить“...

Савинковъ вышелъ отъ него и сразу былъ встрѣченъ сіяющими и угодливыми лицами. Вѣдь тайные разговоры во дворцахъ мгновенно дѣлаются явными для всѣхъ...

Въ 4 часа было общее засѣданіе Пр-ва. И тамъ Савинкова встрѣчали всякими привѣтливыми улыбками. Особенно старался Терещенко. Авксентьевъ кислился. Чернова не было вовсе.

На засѣданіи — вопль Заруднаго по поводу взорвавшейся и сгорѣвшей Казани. Требовалъ серьезныхъ мѣръ. Керенскій круто повернулъ въ эту же сторону. Образовали комиссію, въ нее включился тотчасъ и Савинковъ. Онъ надѣется завтра предложить къ подписи цѣлый списокъ лицъ для ареста.

Борисъ въ очень добромъ духѣ. Знаетъ, что Керенскій будетъ еще „торговаться“, что много еще кое-чего предстоитъ, но всетаки утверждаетъ:

— Первая линія окоповъ взята.

— Ихъ четыре... — возражаю я осторожно.

Записка Корнилова, вѣдь, еще не подписана. Однако, — если не ждать вопіющихъ непослѣдовательностей, — должна быть подписана.

Какъ все это странно, если вдуматься. Какая драма для благородной души. Быть можетъ, душа Керенскаго умираетъ передъ невозможностью для себя —

Нельзя! Вѣдь душа, неисцѣльно потерянная,
Умретъ въ крови.
И надо! — твердитъ глубина неизмѣренная
Моей любви".

Есть души, которыя, услыхавъ повелительное „Иди, убей", — умираютъ, не исполняя.

(Впрочемъ, я увлекаюсь во всѣхъ смыслахъ. Драмы *личныя* здѣсь не примѣръ. Здѣсь онѣ отступаютъ).

Въ Савинковѣ — да, есть что-то страшное. И ой ой, какое трагичное. Достаточно взглянуть на его неправильное и замѣчательное лицо со вниманіемъ.

Сейчасъ онъ, послѣ всего этого дня, сидѣлъ за моимъ столомъ (гдѣ я пишу) и вспоминалъ свои новые стихи (рукописи у него заграницей). Записывалъ. И ему ужасно хотѣлось, чтобы это были „хорошіе" стихи, чтобы мнѣ понравились. (Ропшинъ — поэтъ — такой-же мой „крестникъ", какъ и Ропшинъ-романистъ. Лѣтъ 6 тому назадъ я его толкнула на стихи, въ Каннахъ, своимъ сонетомъ, затѣмъ терцинами).

— Знаете, я боюсь... Послѣднее время я писалъ нѣсколько иначе, свободнымъ стихомъ. И я боюсь... Гораздо больше, чѣмъ Корнилова.

Я улыбаюсь невольно.

— Ну что-жъ, надо-же и вамъ чего-нибудь бояться. Кто это сказалъ: — „только дуракъ рѣшительно ничего не боится"?...

Кстати, я ему тутъ же нашла одно его прежнее стихотвореніе, со словами:

... „Убійца въ Божій градъ не внидетъ...
Его затопчетъ Рыжій Конь"...

Онъ прочелъ (забылъ совсѣмъ) и вдругъ странно посмотрѣлъ:

— Да, да... такъ это и будетъ. Я знаю, что я... умру отъ покушенія.

Это былъ вовсе не страхъ смерти. Было что-то больше этого.

18 августа. Пятница.

Сегодня мы на обѣдъ позвали Савинкова и, по уговору съ нимъ Л., Дмитрій позвалъ, попозже, Руманова, который тоже бабочкой полетѣлъ на Савинкова. (Крылышки бы не обжегъ).

Мы были вчетверомъ. Скоро Борисъ заторопился (теперь ужъ не сможетъ такъ ѣздить къ намъ, влѣзъ въ каторжную работу).

Л. попросилъ его подвезти; Р. пошелъ лѣзть въ свой автомобиль, а Борисъ вызвалъ меня и Дмитрія на секунду въ другую комнату, чтобы сказать нѣсколько словъ. Сегодня Керенскій лично говорилъ Лебедеву, что хочетъ быть министромъ безъ портфеля, что такъ все складывается, что такъ лучше.

Конечно, такъ всего лучше — и естественнѣе для совѣсти Керенскаго. Это — принятіе „перваго" пути, конечно (власть К. К. С.), но это смягченіе формъ, которыя для Керенскаго и не свойственны. Пусть онъ *отдаетъ себя* на дѣланіе нужное; *положитъ* на него свою душу. Такая душа спасается и спасетъ, ибо это тоже „героизмъ".

20 августа. Воскресенье.

Вчера была К. Ушла, опять пришла и дожидалась у меня Ел. и Зензинова съ засѣданія своего Ц. К. въ одномъ изъ дворцовъ.

Явились только послѣ 2-хъ. (Дмитрій давно легъ спать). Некогда было говорить ни о чемъ. Съ весны Зен-

зиновъ очень измѣнился, потемнѣлъ; полѣвѣвъ, „жертвенность“ его приняла тупой и упрямый оттѣнокъ, непріятный.

Центр. Ком. партіи требуетъ Савинкова къ отвѣту, очевидно, изъ-за Корниловской записки. Тотъ самый Ц. К., гдѣ „громадное большинство или нѣмецкіе агенты, или ничтожество“. (Между прочимъ, тамъ — чуть ли не предсѣдателемъ или вродѣ — подозрительный старикашка Натансонъ, пріѣхавшій *черезъ Германію*).

Сегодня утромъ пріѣхалъ Д. В. съ дачи. Затѣмъ всякіе звонки. Пришелъ Карташевъ — вчера вернулся изъ Москвы. Пріѣхалъ къ вечеру и Савинковъ, которому я днемъ успѣла сообщить, что его требуютъ въ Ц. К., влекутъ къ отвѣту.

Конечно, онъ, Савинковъ, не пойдетъ туда для объясненій. Онъ даже права не имѣетъ говорить о правительственной военной политикѣ передъ — хотя бы не уличенными — германскими агентами. Я думаю, формально сошлется на проѣздъ многихъ черезъ Германію.

Но, конечно, будутъ... уговоры подчиниться постановленію Ц. К. и явиться на допросъ. Разспросы о подробностяхъ „записки“, есть ли тамъ уничтоженіе выборнаго начала въ арміи и т. д.

Продолжаю не понимать. Позиція партіи с-ровъ сейчасъ, несомнѣнно, преступная. А лично, въ самыхъ честныхъ, самыхъ чистыхъ (говорю только о нихъ) младенчество какое-то, и не знаешь, что съ этимъ дѣлать...

Что они думаютъ о „комбинаціи“ и о принципѣ „записки“?

О, какія дѣтски-искреннія, преступно-путанныя рѣчи! Они, сами, вовсе не противъ „серьезныхъ мѣръ“. Даже такъ: если Калединъ съ казаками спасетъ Россію — пусть. И тутъ-же: комбинація Керенскій-Корниловъ-Савинковъ — пуфъ, авантюра, вводить военное положеніе въ тылу — нельзя, „репрессивныя“ мѣры невозможны, милитаризація желѣзныхъ дорогъ — невводима; нельзя „превращать страну въ казармы“ и грозить смертной казнью. Наконецъ,

„если только эта „записка“ будетъ Керенскимъ подписана, — министерство взорвется, всѣ соціалисты уйдутъ или будутъ отозваны, и мы сами, первые, (наша партія) пойдемъ „ПОДЫМАТЬ ВОЗСТАНІЕ“.

За точность словъ ручаюсь *). Воочію вижу полную картину слѣпого „партійнаго“ плѣна. Добровольнаго кандальнаго рабства. Сила гипноза, очарованія, „большинства“. Партія с-эровъ сейчасъ вся какъ-то болѣзненно распухла, раздалась вширь („землица!“) у нихъ (у лучшихъ) наивное торжество: вся Россія стала эсъ-эровской! Всѣ „массы“ съ нами!

Торжествуя, „большинство“ и максимальничаетъ; максимализмъ лучшаго меньшинства — только отъ невозможности не быть со „всѣми“.

Кое-кто, самоутѣшаясь, наивно мечтаетъ изнутри „править“ Ц. К., а черезъ него направлять и стихійную часть партіи. Мнѣ даже странно это выписывать. Какая устрашающая мечтательность!

Кончаю. Еще одно вотъ только, самое трудное (и о чемъ почти не говорили!). Это что нѣмцы перешли Двину, Рига навѣрно будетъ взята — если только уже не взята въ данный моментъ.

21 августа. Понедѣльникъ.

Взята.

Мы отходимъ на линію Чудскаго озера — Псковъ. Очень хорошо. Правительство отнеслось къ этому фаталистически-вяло. Ожидали, молъ.

Города не разобрать. Что — онъ? Очевидно, нѣтъ воображенія. На Выборгской заходили большевики съ плакатами: „немедленный миръ!“ Все значитъ, идетъ послѣдовательно. Дальше.

---

*) И болѣе ни за что. Врядъ ли все это было сознательной тактикой партіи. Скорѣй настроеніемъ. Кто не былъ въ то время „въ настроеніяхъ“? И я тоже, конечно. Мои настроенія понятны. Вѣрны-ли были мои выводы — другой вопросъ. Выписываю просто, какъ было записано, безъ поправокъ. (Примѣч. 1928 г.)

Была у К. (погода лѣтняя, жаркая). Сидитъ сычомъ Вол. Зензиновъ, обложенный газетами (своими; другія, вѣдь, честный и умный „День“, напримѣръ, — „не имѣютъ никакого вліянія“).

Никнетъ аскетическимъ профилемъ; недоумѣло:

— Вотъ, Ригу взяли...

— Ну, такъ вамъ что? — рѣзко говорю я. — А вы спѣшите пользоваться „вліяніемъ“, идите на Выборгскую требовать немедленнаго мира съ немедленной землей.

Пошла оттуда обѣдать на Фурштадскую, запуталась въ казарменныхъ переулкахъ; они страшны даже: грязь, мусоръ, разваленныя кучи „гарнизона“, толстомордые солдаты на панели и подоконникахъ, сѣмячки, гоготъ и гармоника. Какая тебѣ еще Рига! Мы не „имперіалисты“, чтобъ о Ригѣ думать. Погуляемъ и здѣсь. А потомъ домой, чтобъ „землицу“...

Сейчасъ (поздно вечеромъ) мнѣ звонилъ Л. Говорилъ, что оказалъ весьма сильное давленіе на Керенскаго въ томъ смыслѣ, чтобъ передать Савинкову и военное, и морское министерство. (Къ Борису за эти дни нѣсколько разъ заѣзжалъ Керенскій; подолгу говорилъ съ нимъ).

Далѣе Л. сообщилъ, что, для подкрѣпленія, онъ еще пишетъ объ этомъ же Керенскому письмо. Я посовѣтовала краткость и опредѣленность.

Ахъ, все это, все это — поздно! Опять, какъ вѣчно у насъ: „рано! рано!“ до тѣхъ поръ, пока дѣлается: „поздно“.

Всѣ согласны, что революція у насъ произошла не во время. Но одни говорятъ, что „рано“, другіе, что „поздно“. Я, конечно, говорю — „поздно“. Увы, да, поздно. Хорошо, если не „слишкомъ“, а только „немного“ поздно.

Царя увезли въ Тобольскъ (нашъ Макаровъ, П. М., его и везъ). Не „гидры“ ли боятся, (главное и, кажется, единственное занятіе которой — „подымать голову“)? Но сами то гидры бываютъ разныя.

Штюрмеръ умеръ въ больницѣ? Несчастный „царедворецъ“. Помню его ярославскимъ губернаторомъ. Какъ

онъ гордился своими предками, книгой царственныхъ автографовъ, дѣдовскими масонскими знаками. Какъ онъ былъ „очарователенъ“ съ нами и... съ Іоанномъ Кронштадтскимъ! Какіе обѣды задавалъ!

Стыдно сказать — нельзя умолчать: прежде во дворцахъ жили все-таки воспитанные люди. Даже присяжный повѣренный Керенскій не удержался въ предѣлахъ такта. А ужъ о немытомъ Черновѣ не стоитъ и говорить.

Отчего свобода, такая сама по себѣ прекрасная, такъ безобразитъ людей? И неужели это уродство обязательно?

22 августа. Вторникъ.

Дождь проливной; явился Л. Еще не написалъ письма Керенскому, хочетъ вмѣстѣ съ нами.

Стали мы помогать писать (писалъ Л.). Можно бы, конечно, покороче и посильнѣе, если подольше думать, — но ладно и такъ. Сказано, что нужно. Все тѣ же настоятельныя предложенія или „властвовать“, или передать фактическую власть „болѣе способнымъ“, вродѣ Савинкова, а самому быть „надпартійнымъ“ президентомъ россійской республики (т. е. необходимымъ „символомъ“).

Подписались всѣ. Запечатали моей печатью и Л. унесъ письмо.

Не успѣлъ Л. уйти — другіе, другіе, наконецъ, и М. По программѣ — съ головной болью. Въ это время у насъ изъ подъ крыши повалилъ дымъ. Улицу запрудили праздные пожарные. Постояли, напустили своего дыма и уѣхали, а дымы сами понемногу разсѣялись.

Пришелъ Д. В. изъ своей „Рѣчи“, разсказываетъ:

— Сейчасъ встрѣтилъ защитный автомобиль. Выскакиваетъ оттуда Н. Д. Соколовъ: „ахъ я и не зналъ, что вы въ городѣ. Вы домой? Я васъ подвезу“. Я говорю — нѣтъ, Н. Д., я не люблю казенныхъ автомобилей; я, вѣдь, никакого отношенія къ власти не имѣю... „Что вы, это случайно, а мнѣ нужно бы съ вами поговорить“... Тутъ я ему прямо сказалъ, что, по моему, онъ, сознательно или

нѣтъ, столько зла сдѣлалъ Россіи, что мнѣ трудно съ нимъ говорить. Онъ растерялся, поглядѣлъ на меня глазами лани: „въ такомъ случаѣ я хочу длиннаго и серьезнаго разговора, я слишкомъ дорожу вашимъ мнѣніемъ, я вамъ позвоню". Такъ мы и разстались. Голова у него до сихъ поръ въ ермолкѣ, отъ удара солдатскаго.

Я долго съ М. говорила.

Вотъ его позиція: *никакой революціи у насъ не было*. Не было борьбы. Старая власть саморазложилась, отпала, и народъ оказался просто голымъ. Оттого и лозунги старые, вытащенные на спѣхъ изъ десятилѣтнихъ ящиковъ. Новые рождаются въ процессѣ борьбы, а процесса не было. Революціонное настроеніе, ища выхода, бросается на призраки контръ-революціи, но это призраки, и оно — безпредметно...

Кое-какая доля правды тутъ есть, но съ общей схемой согласиться нельзя. И во всякомъ случаѣ я не вижу *дѣйственнаго* отсюда вывода. Какъ прогнозъ — это печально; не ждать ли намъ второй революціи, которая, сейчасъ, можетъ быть только отчаянной, — омерзительной?

Къ концу вечера пришли Ел. и К. Съ Ел. и М. говорили довольно интересно.

М. опять излагалъ свою теорію о „небытіи" революціи, но затѣмъ я перевела на данный моментъ, съ условіемъ обсуждать сейчасъ нужныя дѣйствія исключительно съ точки зрѣнія ихъ *цѣлесообразности*.

Сбивался, конечно, М. на обобщенія и отвлеченности. Однако, можно было согласиться, что есть два пути: воздѣйствіе внутреннее (разговоры, уговоры) и внѣшнее (военныя мѣры). Первое, сейчасъ, неизбѣжно переливается въ демагогію. Демагогія — это безпредѣльная выдача векселей, завѣдомо неоплатныхъ, непремѣнно безпредѣльная (всякая попытка поставить предѣлъ — уничтожаетъ работу). М. отвергалъ и цѣлесообразность этого „насилія надъ душами". Путь второй (внѣшнія мѣры, „насиліе надъ тѣлами") — конечно, лишь отрицательный, т. е. могущій не

двинуть впередъ, но возвратить сошедшій съ рельсъ поѣздъ — на рельсы (по которымъ уже можно двигаться впередъ). Но онъ не только бываетъ цѣлесообразенъ: въ иные моменты онъ *одинъ* и цѣлесообразенъ.

Собесѣдники соглашались со всѣмъ, но схватились за послѣднее: вотъ именно теперь — не моментъ. Въ принципѣ они совсѣмъ не противъ, но сейчасъ — за демагогію, которая нужна „какъ оттяжка времени". Ну, да, словомъ — „рано"... (вплоть до „поздно").

Звучало это мутно, компромиссно.. Бояться насилія надъ тѣлами и нисколько не бояться насилія надъ душами?

Мнѣ припомнилось: „не бойтесь убивающихъ тѣло и болѣе уже ничего не могущихъ сдѣлать"...

...Потомъ я спрашивала Ел., что-же Борисъ? Какъ судъ надъ нимъ въ Ц. К? Пойдетъ? (Нынче онъ уѣхалъ въ Ставку дня на три).

Борисъ, оказывается, отвѣчаетъ формально: не могу, по моему фактическому положенію, объясняться съ откровенностью передъ людьми, среди которыхъ есть подозрѣваемые въ сношеніяхъ съ врагомъ.

Ну что-же, ясно, что онъ правъ.

23 августа. Среда.

Вечеромъ Д. В. оставшійся въ городѣ, часовъ около 12 сидѣлъ въ столовой (пишу по его точной записи и разсказу). Постучали во входную дверь. Дима рѣшилъ, что это Савинковъ, который всегда такъ приходилъ. (Дверь отъ столовой близко, а звонокъ прислугѣ очень далеко).

Подойдя къ двери, Дима, однако, сообразилъ, что Савинковъ — на фронтѣ, въ Ставкѣ, а потому окликнулъ:

— Кто тамъ?

— Министръ.

Голоса Дима не узнаетъ. Открываетъ дверь на полуосвѣщенное pallier.

Стоитъ шофферъ, въ буквальномъ смыслѣ слова: гетры, картузъ. Оказывается Керенскимъ.

Кер. Я къ вамъ на одну минуту...

Дим. Какая досада, что нѣтъ Мережковскихъ, они сегодня уѣхали на дачу.

Кер. Ничего, я все равно на одну минуту, вы имъ передадите, что я благодарю ихъ, и васъ всѣхъ за письмо.

Переходятъ въ гостинную. Керенскій шагаетъ во всю длину, Д. В. за нимъ.

Дим. Письмо написано коротко, безъ мотивовъ, но это итогъ долгихъ размышленій.

Кер. А все таки оно недодумано. Мнѣ трудно, потому что я борюсь съ большевиками лѣвыми и большевиками правыми, а отъ меня требуютъ, чтобы я опирался на тѣхъ или другихъ. Или у меня армія безъ штаба, или штабъ безъ арміи. Я хочу итти посрединѣ, а мнѣ не помогаютъ.

Дим. Но выбрать надо. Или вы берите на себя передъ „товарищами" позоръ обороны, и тогда гоните въ шею Чернова, или заключайте миръ. Я вотъ эти дни все думаю, что миръ придется заключить.

Кер. Что вы говорите?

Дим. Да какъ же иначе, когда войну мы вести не можемъ и не хотимъ. Когда ведешь войну, нечего разбирать, кто помогаетъ, а вы боитесь большевиковъ справа.

Кер. Да, потому что они идутъ на разрывъ съ демократіей. Я этого не хочу.

Дим. Нужны уступки. Жертвуйте большевиками слѣва, хотя бы Черновымъ.

Кер. (со злобой). А вы поговорите съ вашими друзьями. Это они посадили мнѣ Чернова...

...Ну что я могу сдѣлать, когда... Черновъ — мнѣ навязанъ, а большевики все больше подымаютъ голову. Я говорю, конечно, не о сволочи изъ „Новой Жизни", а о рабочихъ массахъ.

Дим. И у нихъ новый пріемъ. Я слышалъ, что они пользуются рижскимъ разгромомъ. Говорятъ: вотъ, все

идетъ по нашему, мы требовали, чтобы 18 іюня не начинали наступленія...

Кер. Да, да, это и я слышалъ.

Дим. Такъ принимайте же мѣры! Громите ихъ! Помните, что вы всенародный президентъ республики, что вы надъ партіями, что вы избранникъ демократіи, а не соціалистическихъ партій.

Кер. Ну, конечно, опора въ *демократіи*, да вѣдь мы ничего соціалистическаго и не дѣлаемъ. Мы просто ведемъ демократическую программу.

Дим. Ея не видно. Она никого не удовлетворяетъ.

Кер. Такъ что-же дѣлать съ такими типами, какъ Черновъ?

Дим. Да властвуйте-же наконецъ! Какъ президентъ — *вы* должны составлять подходящее министерство.

Кер. Властвовать! Вѣдь это значитъ изображать самодержца. Толпа именно этого и хочетъ.

Дим. Не бойтесь. Вы для нея символъ свободы и власти.

Кер. Да, трудно, трудно... — Ну, прощайте. Не забудьте поблагодарить З. Н. и Д. С.

Далѣе Д. В. прибавляетъ:

„Ушелъ такъ же стремительно, какъ и пришелъ. Перемѣна въ лицѣ у него громадная. Впечатлѣніе морфиномана, который можетъ понимать, оживляться только послѣ вспрыскиванія. Нѣтъ даже увѣренности, что онъ слышалъ, запомнилъ нашъ разговоръ. Я встрѣтилъ его ласково и вообще „подбодрялъ“.

...Всѣ, говоритъ Д. В., тамъ въ паникѣ, даже Зензиновъ. Весь городъ ждетъ выступленія большевиковъ. Ощущеніе, что *никакой власти нѣтъ.*

Карташевъ въ паникѣ сугубой, фаталистической: „все пропало“.

...Страненъ темпъ исторіи. Кажется — вотъ-вотъ что-то случится, предѣлъ... Анъ — длится. Или душитъ, душитъ, и конца краю не видать, — анъ хлопъ, все сра-

зу валится, и не успѣлъ даже подумать, что молъ, все валится, — какъ оно уже свалено, конечно, лежитъ.

Въ общемъ, конечно, знаешь, — но ошибаешься въ дняхъ, въ недѣляхъ, даже въ мѣсяцахъ.

Пишу 31 августа (Четвр.)

Дни 26 августа, 29-го и 30-го — ошеломляющіе по событіямъ. (Т. е. начиная съ 26 августа).

Утромъ я выбѣжала въ столовую: „что случилось?" Д. В. „а то, что генералъ Корниловъ потерялъ терпѣніе и повелъ войска на Петербургъ".

Втеченіе трехъ дней загадочная картина то прояснялась, то запутывалась. Главное-то было явно черезъ 2—3 часа, т. е. что лопнулъ нарывъ вражды. Керенскаго къ Корнилову (*не* обратно). Что нападающая сторона Керенскій, а не Корниловъ. И, наконецъ, третье: что сейчасъ перетянетъ Керенскій, а не Корниловъ, не ожидавшій прямого удара.

Утопая въ кучѣ противорѣчивыхъ фактовъ, останавливаясь передъ явными провалами — неизвѣстностями, передъ явными Х-ами, отмахиваясь отъ сумасшедшей истерики газетъ, — я пытаюсь слѣпить изъ кусочковъ дѣйствительности образъ того, что произошло *на самомъ дѣлѣ.*

И пока намѣренно воздерживаюсь отъ *всякой* оцѣнки (хотя внутри она уже складывается). Только то, что знаю *сейчасъ.*

26-го въ субботу, къ вечеру, пріѣхалъ къ Керенскому изъ Ставки Вл. Львовъ (бывшій об. прокуроръ Синода). Передъ своимъ отъѣздомъ въ Москву и затѣмъ въ Ставку, дней 10 тому назадъ, онъ тоже былъ у Керенскаго, говорилъ съ нимъ наединѣ, разговоръ неизвѣстенъ. Точно такъ же наединѣ былъ и второй разговоръ съ Львовымъ, уже пріѣхавшимъ изъ Ставки. Было назначено вечернее засѣданіе; но когда министры стали собираться въ Зимній Дво-

рецъ, изъ кабинета вылетѣлъ Керенскій, одинъ, *безъ* Львова, потрясая какой-то бумажкой съ набросанными рукой Львова строками, и, весь блѣдный и „вдохновенный", объявилъ, что „открытъ заговоръ ген. Корнилова", что это тотчасъ будетъ провѣрено, и ген. Корниловъ немедленно будетъ смѣщенъ съ должности главнокомандующаго, какъ „измѣнникъ".

Можно себѣ представить, во что обратились фигуры министровъ, ничего не понимавшихъ. Первымъ нашелся услужливый Некрасовъ, „повѣрившій" на слово г-ну премьеру и тотчасъ захлопотавшій. Но, кажется, ничего еще не могъ понять Савинковъ, тѣмъ болѣе, что онъ лишь въ этотъ день самъ вернулся изъ Ставки, отъ Корнилова. Савинкова взялъ Керенскій къ прямому проводу, соединились съ Корниловымъ: Керенскій, заявилъ, что рядомъ съ нимъ стоитъ В. Львовъ (хотя ни малѣйшаго Львова *не было*) запросилъ Корнилова: „подтверждаетъ ли онъ то, что говоритъ отъ него пріѣхавшій и *стоящій передъ проводомъ Львовъ*". Когда выползла лента съ совершенно покойнымъ „да" — Керенскій бросилъ все, отскочилъ назадъ, къ министрамъ, уже въ полной истерикѣ, съ криками объ „измѣнѣ", о „мятежѣ", о томъ, что немедленно онъ смѣщаетъ Корнилова и даетъ приказъ о его арестѣ въ Ставкѣ.

Тутъ я подробностей еще не знаю, знаю только, что Керенскій *приказалъ* Савинкову продолжать разговоръ съ Корниловымъ и, на вопросъ Корнилова, когда Керенскій съ членами Пр-ва прибудетъ, какъ условлено, въ Ставку — отвѣчать: „Пріѣду 27-го". Приказалъ такъ отвѣтить — *уже* посреди всей этой бучи, *уже* крича и думая объ арестѣ Корнилова, а не о поѣздкѣ къ нему. Объяснилъ, что это „необходимая уловка", чтобы пока — Корниловъ ничего не подозрѣвалъ, не зналъ, что все открыто (???). Карташевъ присутствовалъ при разговорѣ этомъ, стоялъ у провода.

Опять не знаю никакихъ дальнѣйшихъ точныхъ под-

робностей сумасшедше-истерическаго вечера. Знаю, что къ Керенскому даже Милюкова привозили, но и тотъ отступился, не будучи въ состояніи ни толку добиться, ни какимъ бы то ни было способомъ уяснить себѣ въ чемъ дѣло, ни задержать потокъ дѣйствій Керенскаго хоть на одну минуту. Кажется, всѣ сплошь хватали Керенскаго за фалды, чтобы имѣть минуту для соображенія, — напрасно! Онъ визжалъ свое, не слушая, и, вѣроятно, даже физически не слыша никакихъ словъ, къ нему обращенныхъ.

По отрывочнымъ выкликамъ Керенскаго и по отрывочнымъ строкамъ невидимаго Львова (арестованъ), набросаннымъ тутъ же, во время свиданья, — выходило, какъ будто, такъ, что Корниловъ, какъ будто, послалъ Львова къ Керенскому чуть ли не съ ультиматумомъ, съ требованіемъ какой-то диктатуры, или директоріи, или чего то вродѣ этого. Кромѣ этихъ, крайне сбивчивыхъ, передачъ Керенскаго, министры не имѣли никакихъ данныхъ и никакихъ ни откуда свѣдѣній; Корниловъ только подтвердилъ „то, что говоритъ Львовъ", а „чтó говорилъ Львовъ" — никто не слышалъ, ибо никто Львова такъ и не видалъ.

До утра воскресенья это не выходило изъ стѣнъ дворца; на другой день министры (чуть ли тамъ не ночевавшіе) вновь приступили къ Керенскому, чтобы заставить его путемъ объясниться, принять разумное рѣшеніе, но... Керенскій въ этотъ день окончательно и уже безповоротно огорошилъ ихъ. Онъ *уже послалъ* приказъ объ отставкѣ Корнилова. Ему велѣно немедля сложить съ себя верховное командованіе. Это командованіе принимаетъ на себя самъ Керенскій. *Уже* написана (Некрасовымъ, „не видѣвшимъ, но увѣровавшимъ") и разослана телеграмма „всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ", объявляющая Корнилова „мятежникомъ, измѣнникомъ, посягнувшимъ на верховную власть", и повелѣвающая никакимъ его приказамъ не подчиняться. Наконецъ, для полнаго вразумленія министровъ, стоявшихъ съ открытыми ртами, для отнятія у нихъ послѣдняго сомнѣнія, что Корниловъ мятежникъ и измѣнникъ, и заго-

ворщикъ, — открылъ имъ Керенскій: „съ фронта уже двинуто на Петербургъ нѣсколько мятежныхъ дивизій“, онѣ уже идутъ. Необходимо организовать оборону „Петрограда и революціи“.

Только что ошеломленные министры хотѣли и это какъ нибудь осмыслить — „вѣрующій“ Некрасовъ вырвался къ газетчикамъ и жадно, со смакомъ, какъ первый вѣстникъ объявилъ имъ все, вплоть до всероссійскаго текста о гнусномъ „мятежѣ“ и объ опасности, грозящей „революціи“ отъ корниловской дивизіи.

И „революціонный Петроградъ“ съ этой минуты забылъ объ отдыхѣ: единственный разъ, когда газеты вышли въ понедѣльникъ. Вообще — легко представить, что началось. „Правительственныя войска“ (тутъ, вѣдь, не нѣмцы, бояться нечего) весело бросились разбирать желѣзныя дороги, „подступы къ Петрограду“, красная гвардія бодро завооружалась, кронштадтцы („краса и гордость русской революціи“) прибыли немедля для охраны Зимняго Дворца и самого Керенскаго — (съ крейсера „Аврора“).

Корниловъ, получивъ нежданно и негаданно, — какъ снѣгъ на голову, — свою отставку, да еще всенародное объявленіе его мятежникомъ, да еще указанія, что онъ „послалъ Львова къ Керенскому“ — долженъ былъ въ первую минуту подумать, что кто-то сошелъ съ ума. Въ слѣдующую минуту онъ возмутился. Двѣ его телеграммы представляютъ собою первое настоящее сильное слово, сказанное со времени революціи. Онъ тамъ называетъ вещи своими именами ...„телеграмма министра предсѣдателя является во всей своей первой части сплошной ложью. Не *я* послалъ В. Львова къ Вр. Пр-ву, а *онъ* пріѣхалъ ко мнѣ, какъ посланецъ Мин-ра Пред.“ ...„такъ совершилась великая провокація, которая ставитъ на карту судьбу отечества“...

Не ставитъ. Рѣшаетъ. Уже рѣшила. Я поклялась воздерживаться отъ выводовъ... Ибо не все еще знаю. Но *это* я знаю, вѣдь уже съ перваго момента всѣмъ видно было, что НѢТЪ НИКАКОГО КОРНИЛОВСКАГО МЯТЕЖА. Я фактически не знаю, что́ говорилъ Львовъ, и во-

обще не знаю (кто знаетъ?) этотъ инцидентъ, но абсолютно не вѣрю ни въ какіе „ультиматумы". Дурацкій вздоръ, чтобъ Корниловъ ни съ того, ни съ сего, послалъ ихъ съ Львовымъ! А что касается „мятежныхъ дивизій", идущихъ на Петроградъ, то не нужно быть ни особеннымъ психологомъ, ни политикомъ, а довольно имѣть здравое соображеніе, чтобы, зная детально все предыдущее со всѣми дѣйствующими лицами, — догадаться: эти дивизіи, по всѣмъ признакамъ, шли въ Петербургъ *съ вѣдома* Керенскаго, быть можетъ даже по его условію съ Корниловымъ черезъ Савинкова (который только что ѣздилъ въ Ставку) ибо: 1) на очереди были мѣры корниловской записки, ее Керенскій всякій день намѣревался утвердить, а это предполагало посылку войскъ съ фронта, 2) безспорно ожидался въ Петербургѣ — самимъ Керенскимъ — большевистскій бунтъ, ожидался ежедневно, и это само собой разумѣло войска съ фронта.

Я почти убѣждена, что знаменитыя дивизіи шли въ Петербургъ для Керенскаго, — съ его полнаго вѣдома, или по его форменному распоряженію.

Поведеніе-же его столь сумасшедше-фатально, что... это уже почти не вина, это какой-то Рокъ.

„Керенскій въ эти минуты былъ жалокъ"... говоритъ Карташевъ.

Но не менѣе, если не болѣе, жалки были и окружающіе этого опасно-обезумѣвшаго человѣка. Ничего разумно не понимающіе (да и можно ли понять?), чующіе, что передъ ними совершается непоправимое — и безсильные что нибудь сдѣлать.

Дѣйствительно, съ того момента, какъ на всю Россію раздался крикъ Керенскаго объ „измѣнѣ" главнокомандующаго — все стало непоправимымъ. Возмущенный Корниловъ послалъ свои воззванія съ отказомъ „сдать должность". Лихорадочно и весело „революціонный гарнизонъ" сталъ готовиться къ бою съ „мятежными" дружинами, которыя *повелъ* Корниловъ на Петроградъ. Время ли, да и кому было задумываться надъ простымъ вопросомъ: какъ это „*повелъ*" Корниловъ свои войска, когда самъ онъ спо-

койно сидитъ въ Ставкѣ? И что это за „войска“, — много-ли ихъ? Годныя весьма для приструниванія „большевистскихъ“ здѣшнихъ трусовъ, для укрѣпленія существующей власти, но что же это за несчастный „заговорщикъ“, посылающій горсточку солдатъ для борьбы и сверженія всероссійскаго Правительства, чуть ли не для „насажденія монархизма?“

Полагаю, если бы черные элементы Ставки имѣли на Корнилова серьезное вліяніе, если бы Корниловъ вмѣстѣ съ ними началъ „заговоръ“, — онъ былъ бы немного иначе обставленъ, не столь дѣтски (хотя успѣхъ его и тогда для меня еще подъ сомнѣніемъ).

Но продолжаю пока летучіе факты.

„Кровопролитія“ не вышло. Подъ Лугой, и еще гдѣ-то, посланныя Корниловымъ дивизіи и „петроградцы“ встрѣтились. Недоумѣло постояли другъ противъ друга. Особенно изумлены были „корниловцы“. Идутъ „защищать Временное Правительство“ и встрѣчаются съ „врагомъ“, который идетъ „защищать Временное Правительство“ тоже, — и то же. Ну, постояли, подумали; ничего не поняли; только, помня уроки агитаторовъ на фронтѣ, что „съ врагомъ надо брататься“ принялись и тутъ жадно брататься.

Однако, торжественный кличъ дня: „полная побѣда петроградскаго горнизона надъ корниловскими войсками“.

Да, произошло громадной важности событіе; но все цѣликомъ оно произошло *здѣсь*, въ Петербургѣ. Здѣсь громыхнулся камень, сброшенный рукой безумца, отсюда пойдутъ и круги. Тамъ, со стороны Корнилова, просто НЕ БЫЛО НИЧЕГО.

Здѣсь все началось, здѣсь будетъ и доигрываться. Сюда должны быть обращены взоры. Я — созерцатель и записчикъ — буду смотрѣть со вниманіемъ на здѣшнее. Кто хочетъ и еще надѣется дѣйствовать — пусть тоже пытается дѣйствовать здѣсь.

Но что можно еще сдѣлать?

Нашъ Борисъ (пишу внѣшніе факты) былъ назначенъ петерб. ген. губернаторомъ. Пробылъ три дня. Сегодня уже ушелъ отъ всѣхъ должностей. Предполагаю, что его не пожелала всесильная теперь совѣтская „демократія". Такая удача привалила — „корниловщина"! — да чтобъ тутъ сразу и ненавистнаго Савинкова не сбросить?

Но и Керенскій теперь всецѣло въ рукахъ максималистовъ и большевиковъ. Конченъ балъ. Они уже не „поднимаютъ голову", они сидятъ. Завтра, конечно, подымутся и на ноги.

Во весь ростъ.

1 сентября. Пятница.

Встали. Стоятъ. Скоро поднимутся и на цыпочки, еще выше станутъ.

За это время всѣ министры только и дѣлаютъ, что подаютъ въ отставку. (Я ихъ понимаю, — ничего-то не понимая!).

Черновъ сразу ушелъ „по политическимъ обстоятельствамъ" (?). Остальные перемѣщались, уходили, приходили, то скопомъ, то въ одиночку... Керенскій, между тѣмъ, не уставая громилъ „измѣнника" на всю Россію, отрѣшалъ, предавалъ суду и т. д. Назначилъ Алексѣева подъ себя, а самъ сдѣлался главнокомандующимъ. Почему мнѣ вспоминается Николай II? Не похоже — и странно-соединено, въ какомъ-то таинственномъ аккордѣ (какъ ихъ два лица, когда-то, рядомъ — въ моемъ зеркалѣ). И еще... Послѣдніе акты всѣхъ трагедій почти всегда похожи, сходствуютъ — при разности. *Послѣдніе* акты.

Керенскій сталъ снова тяпать „коалицію" (судя по газетамъ; подтвержденій не имѣю, но очевидно такъ). Совсѣмъ было стяпалъ съ тремя ка-детами, затѣмъ Барышниковымъ, Коноваловымъ... Но тутъ опять явились, будто-бы, „товарищи отъ ц. к." и прекратили все. Въ смятеніи полу-назначенные и полу-оставшіеся министры потекли изъ Зимняго Дворца. Кого назадъ покличутъ?

Большевикамъ широко открыли двери тюрьмы (немного ихъ тамъ и оставалось, но все же — всему остатку). Они требуютъ „всѣхъ долой“: кадетовъ и буржуазію немедленно арестовать; Алексѣева, который посланъ арестовывать Корнилова, — арестовать, и т. д.

Теперь ихъ требованія фактически опираются на Керенскаго, который самъ опирается... на что? На свое бывшее имя, на свою репутацію въ прошломъ? Осѣдаетъ опора...

Дѣло идетъ къ террору. Въ газетахъ появились бѣлыя мѣста, особенно въ „Рѣчи“ (ка-деты, вѣдь, тоже считаются „измѣнниками“). „Новое Время“ вовсе закрыли.

Ни секунды я не была „на сторонѣ Корнилова“, уже потому, что этой „стороны“ вовсе не было. Но и съ Керенскимъ — рабомъ большевиковъ, я бы тоже не осталась. Послѣднее — потому, что я уже совершенно не вѣрю въ полезность какихъ-либо дѣйствій около него. Зная лишь внѣшніе голые факты — объясняю себѣ поступокъ Бориса, остававшагося у Керенскаго (лишь черезъ 3 дня удаленнаго) двояко: быть можетъ, онъ еще вѣрилъ въ дѣйствіе, а если вѣрить — то, конечно, оставаться *здѣсь,* у истока происшествія, на мѣстѣ преступленія; быть можетъ также, Борисъ, учитывая всеобщую силу гипноза „корниловщины“, сотворенія бывшимъ небывшаго, увидѣлъ себя (если-бъ сразу ушелъ) въ положеніи „сторонника Корнилова“ — противъ Керенскаго. То (пусть призрачное) положеніе — именно то, которое онъ для себя отвергалъ. „Если Корниловъ захочетъ одинъ спасать Россію, пойдетъ противъ Керенскаго... — это не вѣроятно, но допустимъ, — я, конечно, не останусь съ Корниловымъ. Я въ него безъ Керенскаго не вѣрю“... (Это онъ говорилъ въ началѣ августа). И вышло, какъ по нотамъ. „Не вѣроятное“ (выступленіе Корнилова) не случилось, но оказалось „допустимымъ“. *Какъ бы* случившимся. И Борисъ не могъ *какъ бы* остаться съ Корниловымъ.

А то, что онъ остался съ Керенскимъ, ужъ само собой вышло тоже „какъ бы“.

Теперь или ничего не дѣлать (дѣятелямъ) или свергать Керенскаго. X. тотчасъ возражаетъ мнѣ: „свергать! А кого же на его мѣсто? Объ этомъ надо раньше подумать". Да, нѣтъ „готоваго" и „желаннаго", однако, эдакъ и Николая нельзя было свергать. Да всякій лучше теперь. Если выборъ, — съ Керенскимъ или безъ Керенскаго валиться въ яму, (если ужъ „поздно"), то, пожалуй, все таки лучше безъ Керенскаго.

Керенскій — самодержецъ-безумецъ и теперь рабъ большевиковъ.

(Большевики же всѣ, безъ единаго исключенія, раздѣляются на:

1) тупыхъ фанатиковъ;

2) дураковъ природныхъ, невѣждъ и хамовъ;

3) мерзавцевъ опредѣленныхъ и агентовъ Германіи.

Николай II — самодержецъ-упрямецъ...

Оба положенія имѣютъ одинъ конецъ — *крахъ.*

7 сентября. Среда.

Данный моментъ: устроить правительство Керенскаго такъ и не позволили, — Совѣты, окончательно обольшевичевшіеся, черновцы и всякіе максималисты, зовущіе себя почему-то „революціонной демократіей". Назначили на 12-ое число свое великое совѣщаніе, а пока у насъ „совѣтъ пяти", т. е. Керенскаго съ четырьмя ничтожествами. Нѣкоторые бывшіе министры не вовсе ушли, — остались „старшими дворниками", т. е. управляющими министерствами „безъ входа" къ Керенскому (!). Только Черновъ ушелъ плотно, чтобы немедля начать компанію противъ того же Керенскаго. Онъ хочетъ одного: самъ быть премьеромъ. Ну, въ „соціалистическомъ министерствѣ", конечно: въ коалиціи съ... большевиками. Послѣ съѣденія Керенскаго.

Я сказала, что теперь „всякій будетъ лучше Керенскаго". Да, „всякій" лучше для борьбы съ контръ-рево-

люціей, т. е. съ большевиками. Черновъ — объектъ борьбы: онъ самъ — контръ-революція, какъ бы самъ большевикъ.

„Краса и гордость" непрерывно оретъ, что она „спасла" Вр. Пр-во, чтобы этого не забывали и по гробъ жизни были ей благодарны. Кто, собственно, благодаренъ — неизвѣстно, ибо никакого прежняго Пр-ва уже и нѣтъ, одинъ Керенскій. А Керенскаго эта „краса", отнюдь не скрываясь, хочетъ съѣсть.

Петербургъ въ одну недѣлю сдѣлался неузнаваемъ. Ужъ былъ хорошъ! — но теперь онъ воистину страшенъ. Въ мокрой чернотѣ кишатъ, — буквально, — сѣрыя горы солдатскаго мяса; расхлястанные, грегочущіе и торжествующіе... люди? Абсолютно праздные, никуда не идущіе даже, а такъ шатущіе и стоящіе, распущенно-самодовольные.

Вотъ у Бориса и Л. (они за это время уже успѣли какъ-то соединиться).

Картина всего происшедшаго, нарисованная раньше насъ въ общемъ такъ *вѣрна*, что я почти ничего не имѣю прибавить. Корниловъ, какъ не былъ „мятежникомъ", такъ имъ и не сдѣлался. Въ моментъ естественнаго возмущенія Корнилова всей „провокаціей", черные элементы Ставки пытались, видимо, использовать это возмущеніе извѣстнымъ образомъ. Но вліяніе ихъ на Корнилова было всегда такъ ничтожно, что и въ данный часъ не оказало дѣйствія. Говорятъ, что знаменитыя телеграммы-манифесты редактированы Завойко. Но это абсолютно-безразлично, ибо онѣ остаются настоящимъ, истиннымъ крикомъ благороднаго и сильнаго человѣка, пламенно любящаго Россію и свободу. Если бы Корниловъ не послалъ этихъ телеграммъ, если бы онъ сразу, безсловно, покорился и тотчасъ, по непонятному, единоличному приказу Керенскаго сталъ „сдавать должность", — какъ знающій за собой вину „измѣнникъ", — *это былъ бы не Корниловъ.*

И если-бъ теперь онъ не понялъ, что „провокація" остается провокаціей, но что дѣло обернулось безнадежно,

что разъяснить ничего нельзя; если-бъ онъ сейчасъ еще пытался бороться или бѣжать — это былъ бы не Корниловъ. Я думаю, Корниловъ такъ спокойно дождался Алексѣева, пріѣхавшаго смѣщать и арестовывать его, — именно потому, что слишкомъ увѣренъ въ своей правотѣ и смотритъ на судъ, какъ на прямой выходъ изъ темной и недоразумѣнной запутанности оплетшихъ его нитей. Это опять похоже на Корнилова. Боюсь, что тутъ ошибется его честная и наивная прямота. Еще какой будетъ судъ. Вѣдь если онъ будетъ настоящій, высвѣтляющій, — онъ долженъ безвозвратно осудить — Керенскаго.

Борисъ разсказываетъ: *только въ ночь на субботу*, 26-ое, онъ вернулся изъ Ставки отъ Корнилова. Львова тамъ видѣлъ, мелькомъ. Весь день пятницы провелъ въ „торговлѣ" съ Корниловымъ изъ за границъ военнаго положенія. Керенскій поручилъ Савинкову выторговать Петроградскій „Округъ", и Савинковъ, съ картой въ рукахъ, выключалъ этотъ „округъ", самъ, говоритъ, понимая, что дѣлаю идіотскую и почти невозможную вещь. Но такъ желалъ Керенскій, обѣщая, что „если, молъ, эта уступка будетъ сдѣлана..." Съ величайшими трудами Савинкову удалось добиться такого выключенія. Съ этимъ онъ и вернулся отъ совершенно спокойнаго Корнилова, который уже имѣлъ обѣщаніе Керенскаго пріѣхать въ Ставку 27-го. Все по разсчету, что „записка" (въ которую, кромѣ вышесказаннаго ограниченія, были внесены нѣкоторыя и другія уступки по настоянію Керенскаго) будетъ принята и подписана *26-го*. Ко времени ея объявленія — 27—28 — подойдутъ и надежныя дивизіи съ фронта, чтобы предупредить безпорядки. (3—5 іюля, во время перваго большевистскаго выступленія, Керенскій рвалъ и металъ, что войска не подошли во время, а лишь къ 6-му).

Весь этотъ планъ былъ не только извѣстенъ Керенскому, но при немъ и съ нимъ созидался.

Только одна деталь, относительно Корниловскихъ войскъ, о которой Борисъ сказалъ:

— Это для меня не ясно. Когда мы уславливались точно о посылкѣ войскъ, я ему указалъ, чтобы онъ не посылалъ, во-первыхъ, своей „дикой“ дивизіи (текинцевъ) и во-вторыхъ, — Крымова. Однако, онъ ихъ послалъ. Я не понимаю, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ...

Но возвращаюсь къ подробностямъ дня субботы. Утромъ Борисъ тотчасъ сдѣлалъ обстоятельный докладъ Керенскому. Ничего опредѣленнаго въ отвѣтъ не получилъ, ушелъ. Черезъ нѣсколько часовъ вернулся, опять съ тѣмъ же — и опять тотъ же результатъ. Тогда Борисъ настоятельно попросилъ позволенія сказать г министру нѣсколько словъ наединѣ. Всѣ вышли изъ кабинета. И въ третій разъ Савинковъ представилъ весь свой докладъ, присовокупивъ: „дѣло *очень* серьезно“...

На это Керенскій бросилъ бумаги въ столъ, сказавъ что „хорошо, онъ рѣшитъ дѣло въ вечернемъ засѣданіи Вр. Правительства“.

Но ранѣе этого засѣданія, *за часъ*, пріѣхалъ Львовъ... и воспослѣдовало то, что воспослѣдовало.

Истерика, въ эти часы, Коренскаго трудно описуема. Всѣ разсказы очевидцевъ сходятся.

Не одинъ Милюковъ былъ туда привезенъ: самые разнообразные люди все время пытались привести Керенскаго въ разумъ хоть на одну секунду, надѣясь разъяснить „чертово недоразумѣчіе“, — тщетно; Керенскій уже нечего не слышалъ. Уже было сдѣлано, сказано, непоправимое.

Однако, голымъ безуміемъ да истерикой не объяснишь дѣйствій Керенскаго. Завѣдомой злой хитростью, разсчетливо и обманно схватившейся за возможность сразу свалить врага, — тоже. Керенскій — не такъ хитеръ и ловокъ, недальновиденъ. Внезапнымъ, больнымъ страхомъ, помутняющимъ зрѣніе, однимъ страхомъ за себя и свое положеніе, — опять невозможно объяснить всего. Я рѣшаю, что тутъ была сложность всѣхъ трехъ импульсовъ: и безумія, и разсчетливаго обмана, и страха. Сплелись въ одинъ роковой узоръ, и были покрыты тѣмъ

„керенскимъ вдохновеніемъ“, когда человѣкъ этотъ собою уже не владѣетъ и себя не чувствуетъ, а владѣетъ имъ цѣлостно духъ... какой подвернется, темный или свѣтлый. Нѣтъ, темный, ибо на комбинацію истерики, лжи и страха свѣтлый не посмотритъ. И духъ темный давно уже ходитъ по пятамъ этого потеряннаго „вождя“.

Я все отвлекаюсь. Я, вѣдь, еще не подчеркнула, что до сихъ поръ то, изъ за чего, какъ будто, запылалъ сыръ-боръ, совершенно не выяснено. Какой „ультиматумъ“ привезъ отъ Корнилова Львовъ? Гдѣ этотъ ультиматумъ? И что это, наконецъ, — „диктатура?“ Чья, Корнилова? Или это „директорія“? Гдѣ доказательство, что Корниловъ послалъ Львова къ Керенскому, а не Керенскій его — къ Корнилову?

Гдѣ, наконецъ, самъ Львовъ?

Это, — одно, извѣстно: Львовъ, арестованный Керенскимъ, такъ съ тѣхъ поръ и сидитъ. Такъ съ тѣхъ поръ никто его и не видѣлъ, и ни кому онъ ничего не говорилъ, ничего не объяснилъ. Потрясающе!

Я спрашивала Карташева: но вѣдь передъ своимъ отъѣздомъ въ Ставку Львовъ былъ у Керенскаго? Разговоръ ихъ неизвѣстенъ. Но почему хоть теперь не спросить у Керенскаго, въ чемъ онъ заключался?

Карташевъ, оказывается, спрашивалъ.

— Керенскій увѣряетъ, что тогда Львовъ бормоталъ что-то невразумительное, и понять было нельзя.

Керенскій „увѣряетъ“. А теперь увѣряетъ, что вернувшійся Львовъ такъ вразумительно сказалъ о „мятежѣ“, что сразу все сдѣлалось безповоротно ясно, и въ ту-же минуту надлежало оповѣстить Россію: „всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ! Русская армія подъ командой измѣнника“!

Нѣтъ, моя голова можетъ отъ многаго отказаться, но не отъ здраваго смысла. И передъ этимъ послѣднимъ требованіемъ я пасую, отступаю, нѣмѣю.

Не понимаю. И только боюсь... будущаго.

Вѣдь уже черезъ два часа послѣ объявленія „корниловскаго мятежа“ Петербургъ представлялъ опре-

дѣленную картину. Побѣдители сразу и полностью использовали положеніе.

Что касается Савинкова, то я съ приблизительной точностью угадала, *почему* не могъ онъ не остаться съ Керенскимъ, на своемъ мѣстѣ. Не было двухъ сторонъ, не было „корниловской“ стороны. Если-бъ Савинковъ ушелъ отъ Керенскаго — онъ ушелъ бы „никуда“; но этому никто не повѣрилъ бы: его уходъ былъ бы только лишнимъ доказательствомъ бытія корниловскаго заговора. (Такъ-же, какъ если-бъ Корниловъ — убѣжалъ).

На своемъ новомъ посту генералъ-губернатора Савинковъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы предотвратить хоть возможность недоразумѣнной бойни между идущими фронтовыми войсками и нелѣпо рвущимся куда-то гарнизономъ (подстегивали большевики).

Черезъ три дня Керенскій по телефону, безъ объясненій причинъ, сообщилъ Савинкову, что онъ „увольняется отъ всѣхъ должностей“.

Не соблюдены были примитивныя правила приличія. Не до того. Да вѣдь все равно не скроешь больше, кто настоящая теперь власть, надъ нами и... надъ Керенскимъ.

Послѣднее свиданье „г. министра“ съ прогнаннымъ „помощникомъ“ — кратко и дико. Керенскій его цѣловалъ, истеричничалъ, увѣрялъ, что „вполнѣ ему довѣряетъ“... но Савинковъ сдержанно отвѣтилъ на это, что „онъ-то ему больше уже ни въ чемъ не довѣряетъ“ *).

---

*) Примѣчаніе 1929 года. Въ связи со всѣмъ, что въ этой книгѣ записано о „дѣлѣ Корнилова“, будетъ небезынтересно остановиться на свидѣтельствѣ (сильно запоздавшемъ!) одног изъ его главныхъ участниковъ, — А. Ф. Керенскаго. Послѣ двѣнадцати лѣтъ молчанія, Керенскій рѣшился, наконецъ, „вспомнить“ эти страшные дни. Въ „Воспоминаніяхъ“ его (Совр. Зап. іюль 1929 г.) есть кое что поразительное. непонятное, достойное отмѣты. — Цѣпь своихъ дѣйствій Керенскій передаетъ весьма согласно моей записи, и даже въ описаніи своихъ „состояній“ кое-гдѣ приближается къ моему разсказу, напр. при роковомъ визитѣ Львова: „не успѣлъ Львовъ кончить, я уже не размышлялъ, а дѣйствовалъ...“ ...„Я выхватилъ бумажку у него изъ рукъ (что-то тутъ же набросанное) и спряталъ ее въ карманъ своего френча...“ и т. п. Не обошлось, положимъ, и тутъ, въ фактической сторонѣ, безъ искаженій и своеобразныхъ умолчаній (см. мою запись отъ 19 окт. 17 г., — объясненія только что выпущеннаго Львова).

10 сентября. Воскресенье.

Все дальнѣйшее развивается нормально. Травля Керенскаго Черновымъ началась. И прямо, и перекиднымъ огнемъ. Вчера были прямые шлепки грязи. („Керенскій — подозрителенъ“ и т. п.), а сегодня — „Керенскій — жертва“ въ рукахъ Савинкова, Филоненко и Корнилова, „гнусныхъ мятежниковъ и контръ-революціонеровъ“, пытавшихся „уничтожить демократію“ и превратить „страну въ казарму“. Эти „гнусные черносотенные замыслы“, интриги, подготовленіе возстанія и мятежа велись „за спиною Керенскаго“, говоритъ Черновъ (сегодня, а завтра въ „Дѣлѣ Чернова“ опять пойдетъ непосредственная ѣда и Керенскаго).

Ахъ, дорогіе товарищи, вы ничего не знали? Ни о запискѣ, ни о колебаніяхъ Керенскаго, ни о его полусогласіяхъ, — вы не знали? Какое жалкое вранье! Не выбираютъ средствъ для своихъ цѣлей.

Президіумъ Совѣта Раб. и Солд. (Чхеидзе, Скобелевъ, Церетелли и др.) на дняхъ, послѣ принятія большевистской резолюціи, ушелъ. Вчера былъ поставленъ на переизбраніе и — провалился. Побѣдители, — Троцкій, Каменевъ, Луначарскій, Нахамкесъ, — захлебываются отъ

Обходя молчаніемъ одни факты, касаясь иныхъ вскользь (знаменитой записки Корнилова, роли Савинкова) — Керенскій зато говоритъ о „монархическомъ заговорѣ“, о намѣреніи Корн. свергнуть Вр. Пр. и убить его, Керенскаго, — какъ о фактѣ несомнѣнномъ; доказательствъ, впрочемъ, не приводитъ, и большинство людей, доносившихъ ему о заговорѣ, не названы. Утвержденіе, хотя бы бездоказательное, хотя бы ведущее къ великой путанницѣ въ разсказѣ, — со стороны Керенскаго еще понятно, въ виду цѣли мемуариста — оправдать себя, свою роль въ этой темной исторіи. Но уже совершенно непонятно, для чего Керенскій, не останавливаясь, начинаетъ рисовать картины дѣйствительности въ такомъ абсолютно-ложномъ видѣ, что невольно поражаешься: вѣдь слишкомъ извѣстенъ всѣмъ ихъ подлинный видъ. Съ какимъ разсчетомъ, — или въ какомъ „состояніи, — можно сегодня серьезно писать, напримѣръ, что въ августѣ 17 года Россіи уже не грозило ни малѣйшей опасности отъ большевиковъ, „загнанныхъ въ подполье“, что Вр. Прав. вполнѣ овладѣло арміей, страной; рабочими, крестьянами, что только „мятежъ“ Корнилова всю страну „мгновенно“ вернулъ къ анархіи (и воскресилъ большевиковъ)?! Таково исходное положеніе мемуаровъ Керенскаго...

торжества. Дѣло ихъ выгораетъ. „Перевернулась страница“... да, конечно...

Керенскій давно уѣхалъ въ Ставку, и тамъ застрялъ. Не то онъ переживаетъ событія, не то подготовляетъ переѣздъ Пр-ва въ Москву. Зачѣмъ? Военныя дѣла наши хуже нельзя (вчера — обходъ Двинска), однако теперь и военныя дѣла зависятъ отъ *здѣшнихъ* (которыя въ состояніи, кажется, безнадежномъ). Нѣмцы, если придутъ, то въ зависимости отъ здѣшняго положенія. И все же не раньше весны. Слухамъ о мирѣ даже „на нашъ счетъ“ — мало вѣрится, хотя они растутъ.

Я дѣлаю ошибку, увлекаясь подробностями происходящаго, такъ какъ всего, что мы видимъ и слышимъ, всего, что дѣлается, мѣняясь каждый часъ, — записать я не имѣю просто физической возможности. Будемъ же сухи и кратки.

Два слова о Крымовѣ (котораго Борисъ, уславливаясь съ Корн. о присылкѣ войскъ, просилъ не посылать, и который почему-то былъ все-таки посланъ).

Когда эти защитныя войска были объявлены „мятежными“ и затѣмъ „сдавшимися“, Крымовъ явился къ Ке-

---

Но правда имѣетъ объективную силу. И, повинуясь ей, противъ Керенскаго встали даже такіе друзья, которые, въ недавней защитѣ его противъ „Корниловщины“ моего дневника, не постѣснились заподозрить подлинность записи. Нынѣ о странномъ рисункѣ положенія Керенскаго, въ „Послѣдн. Нов.“ говорится: „Просто даже неловко доказывать, что оно не имѣетъ ничего общаго съ той реальной дѣйствительностью, которая была тогда, въ августѣ 17 г. И далѣе, послѣ указаній на всѣ противорѣчія, въ которыхъ запутался Керенскій: „и для слѣпого ясно, что съ самаго начала революціи до октября 17 г. въ Россіи реальна была лишь одна опасность, опасность лѣвая“ (курсивъ автора).

Да, „и для слѣпого ясно“... И для него ясно, чего стоятъ „воспоминанія“ Керенскаго, возлагающаго всю вину за паденіе Россіи на погибшаго Корнилова, на его „мятежъ“, въ которомъ Керенскій „сразу увидѣлъ смертельную опасность для государства“... хотя, по его же словамъ, въ тѣхъ же „воспоминаніяхъ“, нисколько этой опасности „не боялся“ (??)

Отъ меня, впрочемъ, далека теперь мысль „возлагать“ какія нибудь теперь вины и на Керенскаго. Меня интересуетъ, какъ всегда только правда. Въ сознательномъ или безсознательномъ состояніи отступаетъ отъ нея Керенскій — я не догадываюсь, да это и не имѣетъ значенія. Во всякомъ случаѣ — отступилъ онъ отъ правды безъ всякой пользы и для себя и для журнала, напечатавшаго „воспоминанія“. *З. Г.*

ренскому. Выйдя отъ Керенскаго — онъ застрѣлился... „Умираю отъ великой любви къ родинѣ"... Бесѣда ихъ съ Керенскимъ неизвѣстна (опять „неизвѣстна"! Какъ разговоръ съ Львовымъ).

Этотъ Крымовъ участвовалъ въ очень серьезномъ военно-фронтовомъ заговорѣ противъ Николая II передъ революцiей. Заговору помѣшала только разразившаяся революцiя.

А насчетъ Львова, который такъ и сидитъ, такъ и невидимъ, такъ и остается загадочнѣйшимъ изъ сфинксовъ, — пустили версiю, что онъ „клинически помѣшанный". Я думаю, это сами г-да министры, которые продолжаютъ ничего не понимать — и не могутъ такъ продолжать ничего не понимать. Не могутъ вѣрить, что Корниловъ послалъ Львова къ Керенскому съ ультиматумомъ (разумъ не позволяетъ); и не смѣютъ повѣрить, что онъ никакого ультиматума не привозилъ — (честь не позволяетъ), вѣдь если повѣрили, что не привозилъ, — то какъ же они кроютъ обманъ или галлюцинацiю Керенскаго, ѣздятъ въ Зимнiй Дворецъ, не уходятъ и не орутъ во все горло о томъ, что произошло?

А такой выходъ, что „Львовъ — помѣшанный", что-то наболталъ, на что-то, случайно, натолкнулъ, Керенскiй вскипѣлъ и поторопился, конечно, но... и т. д. — такой выходъ нѣсколько устраиваетъ положенiе, хотя бы временно... А вѣдь и Пр-во — то „временное"...

Я это отлично понимаю. Многiе разумные люди, истомленные атмосферой нелѣпаго безразсудства, съ облегченiемъ схватились за этотъ лже-выходъ. Ибо — что мѣняется, если Львовъ сумасшедшiй? Тѣмъ страшнѣе и стыднѣе: отъ случайнаго бреда помѣшаннаго перевернулась страница русской исторiи. И перевернулъ ее повѣрившiй сумасшедшему.. Жалкая была бы картина!

Но и она — попытка къ самоутѣшенью: Ибо я твердо увѣрена (да и каждый трезвый и честный передъ собой человѣкъ), что:

1) нисколько Львовъ не сумасшедшiй;

2) никакихъ онъ ультиматумовъ не привозилъ.

Поздно веч. 10-го же.

Дай Богъ завтра вырваться на дачу. Эти дни сплошь Борисъ, Ляцкій и всякіе другіе. Страшная обида, что мы уѣзжаемъ (далеко-ли?) особенно въ виду плановъ Бориса съ газетой. Въ нихъ боюсь вѣрить; во всякомъ случаѣ объ этомъ — послѣ.

Сейчасъ мнѣ разсказывали (съ омерзеніемъ) знакомые, какъ 3—5 іюля у нихъ „скрывался" дрожащій Луначарскій, до „поганости" перетрусившій, и все трясся, куда бы ему уѣхать, и все вралъ, нагадивъ.

Часа въ 4 сегодня былъ Карташевъ, — только что подалъ въ отставку. Опять! Если опять съ тѣмъ же результатомъ... Вѣдь, ужъ сколько ихъ подавали...

Мотивировалъ, что „при засиліи крайнихъ соціалистическихъ элементовъ"... и т. д.

Терещенко уговаривалъ: ахъ, подождите, пріѣдетъ Керенскій — мы вмѣстѣ подадимъ, будетъ демонстрація. Этотъ никогда даже и не подастъ.

Вечеромъ Карташевъ уѣхалъ въ Москву, чтобы тамъ сдать дѣла своему товарищу С. Котляревскому. Жаль Карташевъ тутъ очень вмѣшалъ свое юное кадетство, къ которому относится прозелитически-горячо. Il est plus miluqué, que Milukoff.

Но и за то спасибо, что освободился... если освободился. Останется!

18 сент. Понедѣльникъ.

„...Демократическое Совѣщаніе" въ Александринкѣ началось 14-го. Длится. Жалко. Сегодня оно какое-то паралачное. Керенскій тоже въ параличѣ. Правительства нѣтъ. Дем. Сов. хочетъ еще родить какой то „предпарламентъ". Чѣмъ все кончится — можно предугадать, но.., смертельная лѣнь предугадывать.

20 сентября. Среда.

Затяжная скука (несмотря на всю остроту, невѣроятную, положенія).

Вчера Борисъ. У него теперь проектъ соединенія съ казаками (и если не выйдетъ съ ними газета — ѣхать на Донъ). На это соединеніе я гляжу весьма сомнительно. Не только для насъ, но и для него. Жечь корабли надо, но разумно-ли всѣ? И какую такая газета будетъ имѣть „видимость“? Цѣлесообразно ли рыть хотя бы „видимую“ пропасть между собою и праведно откалывающеюся частью эсъ-эровъ, стоящихъ на вѣрномъ пути? Не слѣдуетъ ли сейчасъ говорить самыя *правыя* вещи — въ *лѣвыхъ* газетахъ? Не это-ли только имѣетъ значеніе?

Демокр. Сов. позорно провалилось. Сначала незначительнымъ большинствомъ (вчера вечеромъ) высказалось „за коалицію“. Потомъ идіотски стало голосовать — „съ к. д.“ или „безъ“. И рѣшило — „безъ“. Послѣ этого внезапно громаднымъ большинствомъ все отмѣнило. И, наконецъ, рѣшило не разъѣзжаться „пока чего нибудь не рѣшитъ“.

Сидитъ... въ количествѣ 1700 человѣкъ, абсолютно глупо и звѣрски.

И Керенскій сидитъ... ждетъ. Правительства нѣтъ.

Сейчасъ былъ Карташевъ, пріѣхавшій изъ Москвы.

Онъ какъ бы ушелъ... а въ сущности нѣтъ. Занимается вѣдомствомъ, отставка его не принята, „соборники“ и синодчики всполошились, какъ бы къ церкви не былъ приставленъ „революціонеръ“, „соціалистъ“, т. е. „не вѣрующій въ нее“. Послали митр. Платона къ Керенскому, съ просьбой оставить имъ Карташева. (Т. е. *не* революціонера, *не* соціалиста, вѣрующаго въ церковь).

Мнѣ все такъ же, если не больше, жаль Карташева, его цѣнность.

Онъ весь въ кадетскомъ прозелитизмѣ (его вѣчная „добросовѣстность“). И совершенно наивно говоритъ: „конечно, если вѣрующій — (тутъ подразумѣвается „вѣрую-

щій въ Бога") — то только и можетъ быть кадетъ. Какой-же соціалистъ — религіозный...

Звонитъ Л. Не можетъ пріѣхать, сидитъ въ типографіи, гдѣ у него „начались большевистскіе безпорядки" (?).

Свиданіе наше съ „казаками" по поводу газеты будетъ завтра, у насъ. Хорошо, если-бъ они не понадобились. А газета нужна.

Д. В. отъ всего отстраняется. Дмитрій весь въ мгновенныхъ впечатлѣніяхъ, линіи часто не имѣетъ.

Позднѣе, 20-го же.

Л. таки былъ. Арестовалъ кучу самыхъ погромныхъ прокламацій. Грозилъ закрыть типографію.

Привезъ показанія Савинкова по Корниловскому дѣлу. Они очень точны и правдивы. Ничего новаго для этой книги. Только детали.

Говорили много о Савинковѣ. Л. недурно его нащупываетъ.

Гораздо позднѣе, около 1 часу, телефонировалъ Борисъ. На собраніи „Воли Народа", гдѣ онъ только что былъ, получилось странное сообщеніе: что будто *президіумъ* Дем. Совѣщанія голосовалъ „коалицію" и большинствомъ 28 голосовъ (59 и 31) высказался *противъ*, послѣ чего будто бы Керенскій „сложилъ полномочія". Удивляюсь, не разбираюсь, спрашиваю:

— Что же теперь будетъ?

— Да ничего... будетъ Авксентьевъ.

(Борисъ могъ бы отвѣтить мнѣ совершенно такъ, какъ, въ 16-мъ году, кажется, или раньше, отвѣтилъ мнѣ на подобный-же вопросъ Керенскій, послѣ роспуска Думы: „будетъ то, что начинается съ *а*... И, конечно, сегодня А большое (Авксентьевъ) гораздо менѣе вѣроятно, нежели *а* маленькое... Будетъ не А...вксентьевъ, но а...нархія, все равно, „сложилъ" уже Керенскій съ себя какія-то „полномочія", или еще нѣтъ. Да и вѣсть-то чепушистая).

Вѣроятно, это въ связи съ дневнымъ происшествіемъ: Керенскій прислалъ въ президіумъ извѣщеніе: — намѣренъ сформировать кабинетъ и завтра его объявить.

На это было отвѣчено строго и внушительно, чтобы и думать не смѣть. Ни-ни. Ни въ какомъ случаѣ.

21 сентября. Четвергъ.

Два казака. Настоящіе, здоровенные, подъ притолку головами. У одного — обманно-юношеское лицо съ короткимъ и тупымъ носомъ, съ низкимъ лбомъ подъ сѣдѣющими кудрями — лицо римской статуи. Другой — губы впередъ, черные усы, казакъ и казакъ.

Не глупые (по моему — хитрые), не сложные, знающіе только здравый смыслъ. Знающіе свое, такое далекое всякимъ „намъ“ съ нашими интеллигентскими извилинами, далекое всякимъ газетамъ, всякому Струве, Амфитеатрову... да и самой „политикѣ“ въ настоящемъ смыслѣ слова.

Это тѣ „право-фланговые“, съ которыми faute de mieux хочетъ соединиться Борисъ для газеты. Въ ихъ газетѣ уже сидитъ Амфитеатровъ, но они смотрятъ на него столь же невинными глазами, какъ и на газету, и на насъ.

Были, кромѣ нихъ и Бориса, — Карташевъ, Л., М., и Филоненко.

Два слова о Филоненко, изъ за котораго, между прочимъ, тоже воевалъ Борисъ съ Керенскимъ, отстаивалъ его. Этотъ Филоненко уже не въ первый разъ у насъ, его и раньше Савинковъ привозилъ на газетныя совѣщанія (Я просила привезти его, ибо хотѣла видѣть, въ чемъ штука, что за человѣка Борисъ такъ яростно отстаиваетъ).

Должна сказать, что онъ производитъ очень *непріятное* впечатлѣніе. И не только на меня, но на всѣхъ насъ, даже на Л. Небольшой черный офицеръ, лицо и голова — не то что некрасивы, но есть напоминающее „черепъ“. Безпокойливость взгляда и движеній (быть можетъ, послѣ

корниловской исторіи онъ нѣсколько „не въ себѣ“, недаромъ писалъ въ газеты какія-то декадентски-невразумительныя и „лирическія“ письма; а, можетъ, и они — наигранное). Присматриваясь и разбираясь, внѣ „впечатлѣній“, нахожу: онъ очень не глупъ, даже въ извѣстномъ смыслѣ тонокъ, и *совершенно* не заслуживаетъ довѣрія. Я ровно ничего о немъ не знаю, и ужъ, конечно, никакого его „дна“ не знаю, однако, вижу, что у него *два дна*. Почему такъ стоитъ за него Борисъ? Филоненко его ставленникъ, онъ былъ его помощникомъ на фронтѣ... это ничего бы не значило, но Филоненко такъ умно, тонко и непрерывно выражаетъ полную преданность идеямъ, задачамъ и самому Борису, что... Борисъ *долженъ* этому поддаваться. Его и вообще-то „преданностью“ весьма можно связывать, но когда это грубо, и человѣкъ глупый и маленькій, — то кромѣ маленькой личной пріятности и маленькихъ неудобствъ изъ этого ничего не выходитъ. И Борисъ уже только смотритъ свысока на этихъ вассаловъ. Филоненко же не таковъ; онъ, повторяю, такъ умно „преданъ“, что не сразу разберешься. А это „tare“ Бориса, — вѣсить людей, отчасти, и по ихъ отношенію къ себѣ.

Я предполагаю (насколько видно), что Филоненко поставилъ свою карту на Савинкова. Очень боится (все больше и больше), что она будетъ бита. Другой же карты пока у него нѣтъ, и онъ еще не хочетъ отвлекаться для поисковъ ея. Но, конечно, исчезнетъ, рѣшивъ, что проигралъ.

Мы нисколько не скрыли отъ Бориса, что Филоненко намъ не нравится. Онъ даже обѣщалъ къ намъ его не привозить безъ дѣла *).

Что касается казаковъ и казачьей газеты, то я — противъ. Это не средство для достиженія цѣлей Бориса.

---

*) Съ Фил. намъ еще пришлось свидѣться гораздо позднѣе, чуть не черезъ годъ. Онъ уже разошелся съ Сав. (чего мы не знали) и былъ въ СПБ. нелегально. Къ моему впечатлѣнію тогда прибавилось еще одно, неожиданное: никогда не видали мы человѣка съ такимъ безстрашіемъ, смѣлостью — до дерзости. Это въ немъ было (хотя и не послужило къ тому, чего онъ хотѣлъ) (Примѣчаніе 1928 г.).

Дѣйствовать „право“ — надо, но дѣйствительна эта правизна лишь изъ лѣваго угла.

Карташевъ бредитъ новымъ блокомъ направо — безъ предѣла. Нѣтъ, если спасать все-таки „стенающую тварь“ — нужна мѣра. А безъ мѣры — прежде всего *не выйдетъ*.

Никакихъ „полномочій“ Керенскій и не думалъ „складывать“. Изобрѣтаютъ теперь „предпарламентъ“ и чтобы Пр-во (будущее) передъ нимъ отвѣчало. Занятія для предпарламента готово одно (другихъ не намѣчается): свергать правительства. Керенскій согласенъ.

Большевики, напротивъ, ни съ чѣмъ не согласны. Ушли изъ засѣданія.

Предрекаютъ скорую рѣзню; И серьезную. Конечно! Очень серьезную.

На улицѣ тьма, почти одинаковая и днемъ и ночью. Склизь.

Уѣхать бы завтра на дачу. Тамъ сіяющія золотомъ березы и призракъ покоя.

Призракъ, ибо и тамъ все думаешь объ одномъ, и пишутся такіе стихи, какъ „Гибель“: — „близки кровавые зрачки... дымящаяся пѣной пасть... Погибнуть? Пасть?“...

Впрочемъ, послѣдній разъ я не стихами только занималась: М. далъ мнѣ свое „воззваніе“ противъ большевиковъ. Длинныя, скучныя страницы... А по моему — слѣдовало бы манифестъ, рѣзкій и краткій, отъ молчаливой интеллигенціи. „Въ виду преступнаго слабоволія правительства“...

Но, конечно, я понимаю: вѣдь это опять лишь *слова*. И даже на слова, такія опредѣленныя, уже неспособна интеллигенція. Какой у нея „мечъ духа!“ Ни черта не выйдетъ, тѣмъ болѣе, что тутъ М. Съ нимъ какъ-то особенно не выходитъ.

30 сентября. Суббота.

Со дня послѣдней записи мы уже ѣздили на Красную Дачу и вновь пріѣхали въ Петербургъ. Насъ вызвали изъ

за газеты (уже не казачьей). Не пишу обо всѣхъ этихъ канителяхъ, собраніяхъ, свиданіяхъ съ Савинковымъ и Л., ибо это кухня, и какой выйдетъ обѣдъ, и выйдетъ-ли, — еще неизвѣстно.

Сегодня нѣмцы сдѣлали десантъ на Эзелѣ-Даго... Въ странѣ наростающая анархія.

Позорное Демократическое Совѣщаніе своимъ очереднымъ позоромъ и кончилось. На дняхъ откроется этотъ „предпарламентъ“ — водевиль для разъѣзда.

„Дохлая“ правительственная каолиція всѣмъ одинаково претитъ. Карташевъ идетъ по той наклонной плоскости, на которую вступилъ весной. Его цѣнность все равно, уже *навѣрно*, будетъ потеряна. Но мнѣ его жалко и какъ человѣка. И чѣмъ заразился?

Сохранившіе остатокъ разума и зрѣнія видятъ, какъ все это кончится.

Всѣ — вплоть до „Дня“ — грезятъ о штыкѣ („да будетъ онъ благословенъ“), но — поздно! поздно! Говорится: „пуля — дура, штыкъ — молодецъ“; и вотъ, опоздали мы со штыкомъ, дождемся мы „пули-дуры“.

Керенскій продолжаетъ паденіе, а большевики уже безповоротно овладѣли Совѣтами. Троцкій — предсѣдатель.

Когда именно будетъ рѣзня, пальба, возстаніе, погромъ въ Петербургѣ — еще не опредѣлено. Будетъ.

8 октября. Воскресенье. Кр. Дача.

Нужно имѣть недюжинныя силы, чтобы не пасть духомъ. Я почти пала. Почти...

Керенскій настоялъ, чтобы Пр-во уѣзжало въ Москву. И съ „Предпарламентомъ“, который, подъ именемъ „Совѣта Россійской Республики“, вчера открылся въ Маріинскомъ Дворцѣ. (Я и не написала, что у насъ объявлено: пусть Россія называется республикой. Ну что-жь, „пусть называется“. Никого „слово“ не утѣшило, ровно ничего не измѣнило).

Открытіе новаго мѣста для говоренія было кислое Предсѣдатель — Авксентьевъ. Внѣдрили туда и к.-д., и „цензовые элементы". На первомъ же засѣданіи Троцкій, съ пособниками, устроилъ базарный скандалъ, послѣ котораго большевики, съ угрозами, ушли. (Это ихъ теперешняя тактика вездѣ).

А „Совѣтъ Р." — тоже разошелся, до вторника. И то барскіе языки устали.

Внѣшнее положеніе — самое угрожающее. Весь Рижскій заливъ взятъ, съ островами. Но врядъ-ли до весны нѣмцы и при теперешнемъ положеніи двинутся на Петербургъ.

Или, развѣ, если Керенскій отъѣздомъ пр-ва, ускоритъ дѣло. Отдастъ Петербургъ сначала на бойню большевицкую, а потомъ и нѣмцамъ. Ужъ очень хочется ему улепетнуть отъ своихъ августовскихъ „спасителей". Еще выпустятъ-ли? Они уже начали возмущаться.

Будетъ у насъ, наконецъ, чистая „Петроградская" республика, сама себѣ голова анархическая.

Когда исторія преломитъ перспективы, — быть можетъ, кто-нибудь вновь попробуетъ надѣть вѣнецъ героя на Керенскаго. Но пусть зачтется и мой голосъ. Я говорю не лично. И я умѣю смотрѣть на близкое издали, не увлекаясь. Керенскій *былъ* тѣмъ, чѣмъ былъ въ началѣ революціи. И Керенскій сейчасъ — малодушный и несознательный человѣкъ; а такъ какъ фактически онъ стоитъ наверху — то въ паденіи Россіи на дно кроваваго рва повиненъ — онъ. Онъ. Пусть это помнятъ.

Жить становится невмоготу.

19 октября. Четв. (давно Спб.).

Собственно всѣ, даже мелкія теченія жизни сейчасъ важны, и вся упущенная мною хронологія. Но почему-то, отъ „революціонной привычки", что-ли, я впала въ тупую скуку и лѣнь записывать. Особенная, атмосферная, скука. Душенье.

Рѣзкихъ измѣненій пока еще нѣтъ. Предпарламентъ на дняхъ оскандалился, вродѣ Дем, Сов.: *не могъ* вынести резолюцію по оборонѣ. Борисъ выбранъ въ этотъ, какъ онъ говоритъ, „предбанникъ“ (Учр. Собр. — будетъ баня!) отъ казаковъ. Вообще онъ, кажется, съ „казачьемъ“ что-то варитъ (ужъ не газетное, съ газетой всякая возня въ другихъ аспектахъ).

Быть можетъ, это и недурно, быть можетъ. казаки и пригодились бы для извѣстнаго момента... если-бъ знать, какія у нихъ силы и что у нихъ на умѣ. Даже не въ смыслѣ ихъ „правости“; въ „дѣлахъ“ — правости сейчасъ никакой не надо бояться. Они хороши бы какъ сила внѣшняя для опоры средней массы демократовъ-оборонцевъ (кооператоровъ, крест. сов. и т. д.).

Но боюсь, что и Борисъ не вполнѣ все знаетъ о казакахъ. Они загадочные. Керенскаго терпѣть не могутъ.

Вотъ уже двѣ недѣли, какъ большевики, отъединившись отъ всѣхъ другихъ партій (ихъ опора — темныя стада гарнизона, матросовъ и всякихъ отшибленныхъ людей, плюсъ — анархисты и погромщики просто), — держатъ городъ въ трепетѣ, обѣщая генеральное выступленіе, погромъ для цѣли: „вся власть совѣтамъ“ (т. е. большевикамъ). Назначили самовольно съѣздъ совѣтовъ, сначала на 20-ое, когда и объявили, было, знаменитое выступленіе, но затѣмъ отложили и то, и другое, — на 25 октября. Ленинъ каждодневно въ „Рабочемъ Пути“ (б. „Правда“), совершенно открыто, наставляетъ на этотъ погромъ, утверждая его, какъ дѣло рѣшенное. Газеты спѣшатъ сообщить, что Пр-во „собирается“ его арестовать. Видъ: Керенскій, во всемъ своемъ „дохломъ“ окруженіи, кричитъ Ленину:

— Антропка-а-а... Иди сюда-а... Тебя тятька высѣчь хочи-и-итъ!

Оповѣщенный Антропка и не думаетъ идти, хотя, въ отличіе отъ Антропки тургеневскаго, не затихаетъ, голосъ подаетъ все время, и ни въ какую порку не вѣритъ. И правъ...

Это *мы* еще сохраняли остатки наивности, вѣря иной разъ оповѣщеннымъ намѣреніямъ „власти". Стоитъ этой власти что-либо пропикать, какъ знай: именно этого не будетъ. Просто замнется. Съ переѣздомъ Пр-ва въ Москву: уже замялось. Хотя я думаю, что Керенскій, попробовавъ почву и видя, что ни откуда не одобренъ, рѣшилъ пришипиться и удрать молчкомъ, — ищи вѣтра въ полѣ! притомъ ищи пѣшкомъ, ибо всякое пассажирское движеніе проектируется пріостановить. Или это тоже вранье и дороги просто сами собой остановятся? Ну, Керенскій все таки удеретъ, въ послѣднюю минуту.

Было у насъ много разныхъ „газетныхъ" засѣданій, бывали мы у Л. и у Бориса, но вотъ отмѣчу одинъ недавній вечеръ, какъ не лишенный любопытности.

У Глазберга (крупнаго дѣльца) на Вас. Остр., по инициативѣ М., вкупѣ съ тѣми интеллигентскими кружками (нынѣ раздробленными остатками, непристроенными или полупристроенными къ пр-ву), что процвѣтали у насъ до революціи. Ну, и всякаго жита по лопатѣ. Цѣль — посовѣщаться о „возможности коллективнаго протеста интеллигенціи противъ большевиковъ". Замѣчательно, что самого М. не было: уѣхалъ зачѣмъ-то въ Новгородъ. Лекціи, что ли, читать... (Во-время!). Докладывала его проекты Z. У. Тутъ явился на сцену и мой рѣзкій манифестъ съ Красной Дачи.

Мы, съ Борисомъ и Л., пріѣхали, когда было уже порядочно народу. Жаль, что не помню всѣхъ. Была Кускова (она въ „предбанникѣ", а мужъ ея, Прокоповичъ, чего-то министръ). Былъ ничего не понимающій и отъ всего отставшій Батюшковъ. (Между прочимъ: послѣ всѣхъ дебатовъ, послѣ ужина, когда Борисъ, сидѣвшій со мной рядомъ, уѣхалъ — онъ меня спросилъ: „а это кто такой?").

Былъ Карташевъ, Макаровъ, конечно, кн. Андрониковъ и т. д.

Ни малѣйшей тѣни „коллективизма" не вышло, конечно. О предметѣ, т. е. большевикахъ и о данной мину-

тѣ, говорилъ только Борисъ, предлагавшій, какъ можно скорѣе собрать полуоткрытый митингъ, да мы, защищавшіе нашъ рѣзкій манифестъ и вообще стоявшіе хоть за какое нибудь опредѣленное реагированіе.

Карташевъ совершенно безотносительно занесся въ свое, въ мечты о созданіи опять какой-то „національной“ партіи со Струве; говорили и другіе — вообще, но со слезой; а больше всѣхъ меня поразила Кускова, эта „умная“ женщина, отличающаяся какой-то исключительной политической и жизненной недальновидностью. И знаю я это ея свойство, и каждый разъ поражаюсь.

Она говорила длинно-предлинно, и смыслъ ея рѣчи былъ тотъ, что „ничего не нужно“, а нужно все продолжать, что интеллигенція дѣлала и дѣлаетъ. Подробно и не безъ умиленія разсказывала о митингахъ, и „какъ слушаютъ, даже солдаты“! и о томъ, что гдѣ на оборону или вообще какой нибудь сборъ, „то ни одинъ солдатъ мимо не пройдетъ, каждый положитъ“... ну и дальше все въ томъ же родѣ. Назадъ она везла насъ въ своемъ министерскомъ автомобилѣ, и еще опредѣленнѣе высказывалась все въ томъ же духѣ. Допускала, что „можетъ быть и нужна борьба съ большевиками, но это дѣло не наше, не интеллигентское“ (и выходило такъ, что и не „правительственное“), это дѣло солдатское, можетъ быть и Бориса Викторовича дѣло, только не наше“. А „наше“ дѣло, значитъ, работать внутри, говорить на митингахъ, убѣждать, вразумлять, потихоньку, полегоньку свою линію гнуть, брошюрки писать...

Да гдѣ она?! Да когда это все?! Завтра эти „солдатики“ въ насъ изъ пушекъ запалятъ, мы по угламъ попрячемся, а она — митинги? Я не слѣпая, я знаю, что отъ этихъ пушекъ никакіе и манифесты интеллигенскіе не спасутъ, но чувство чести обязываетъ насъ во время поднять голосъ, чтобы знали, на сторонѣ *какихъ* мы пушекъ, когда онѣ будутъ стрѣлять другъ въ друга; *отвѣчать* за однѣ пушки, какъ за свои. Какъ за свое дѣло. А не то что „пусть тамъ разные Борисы Викторовичи съ боль-

шевиками какъ хотятъ, а мы свою, внутреннюю, мирно-демократическую, возродительную линійку, ниточку будемъ тащить себѣ".

И вотъ все оно и правительство — подобное же. Изъ этихъ же интеллигентовъ-демократовъ, близорукихъ на 1 №, безъ очковъ.

Я ужъ потомъ замолчала. Потомъ она увидитъ, скоро. Пушка далеко стрѣляетъ.

За ужиномъ вышелъ чуть не скандалъ. Дмитрій сталъ очень открыто и вѣрно (совсѣмъ не грубо) говорить о Керенскомъ. Князь Андрониковъ почти разрыдался и вышелъ изъ за стола: „не могу, не могу слышать этого о свѣтломъ человѣкѣ!"

Ну, все въ подобномъ родѣ. Великолѣпный, по нынѣшнимъ временамъ, ужинъ. Фрукты, баранки бѣлыя, вино Глазбергъ — хозяинъ. Результатъ — никчемный.

Главное впечатлѣніе — точно располагаются на кипящемъ вулканѣ строить дачу. Дымъ глаза ѣстъ, земля трясется, камни вверхъ летятъ, гулъ, — а они мѣряютъ вышину оконъ, да сколько бы ступенекъ хорошо на крыльцѣ сдѣлать. Да и то не торопятся. Можно и такъ погодить. Еще посмотримъ.

Но ни дыма, ни камней — опредѣленно не видятъ. Точно ихъ нѣтъ.

Дѣло Корнилова неудержимо высвѣтляется. Медленнно, постепенно обнажается эта исторія отъ послѣднихъ клочковъ здраваго смысла. Когда я рисовала картину вѣроятную, въ первые часы, — затѣмъ въ первыя недѣли, — картина, въ общемъ, оказывалась вѣрна, только провалы, иксы, неизвѣстныя мѣста мы невольно заполняли, со смягченіемъ въ сторону хоть какого нибудь смысла. Но по мѣрѣ фактическаго высвѣтленія темныхъ мѣстъ — съ изумленіемъ убѣждаешься, что тутъ, кромѣ лжи, фальши, безумія, — еще отсутствіе здраваго смысла въ той высокой степени... на которую сразу не вскочишь.

Львовъ, только что выпущенный, много разъ допрашиваемый, нисколько не оказавшійся „помѣшаннымъ" (еще бы, онъ просто глупый) говоритъ и печатаетъ потрясающія вещи. Которыхъ никто не слышитъ, ибо дѣло сдѣлано, „корниловщина" припечатана плотно; и въ интересахъ не только „побѣдителей", но и Керенскаго съ его окруженіемъ, — эту печать удержать, къ сдѣланному (удачно) не возвращаться, не ворошить. И всякое вниманіе къ этому темному пятну усиленно отвлекается, оттягивается. Козырь, попавшій къ нимъ, большевики — (да и черновцы, и далѣе) — изъ рукъ не выпустятъ, не дураки! А кто желалъ бы тутъ свѣта, тѣ безсильны; вертятся щепками въ общемъ потокѣ. Но здѣсь я запишу протокольно то, что уже высвѣтилось.

Львовъ ѣздилъ въ Ставку *по порученію* Керенскаго. Керенскій далъ ему категорическое порученіе представить отъ Ставки и отъ общественныхъ организацій ихъ мнѣнія о реконструкціи власти въ смыслѣ ея усиленія. (Это собственныя слова Львова, а далѣе цитирую уже прямо по его показаніямъ).

„Никакого ультиматума я ни отъ кого не привозилъ и не могъ привезти, потому что ни отъ кого такихъ полномочій не получалъ". Съ Корниловымъ „у насъ была простая бесѣда, во время которой обсуждались различныя пожеланія. Эти пожеланія я, пріѣхавъ, и высказалъ Керенскому". Повторяю, „никакого ультимативнаго требованія я *не* предъявлялъ и не могъ предъявить, Корниловъ его *не* предъявлялъ, и я этого отъ его имени *не* высказывалъ, и я не понимаю, кому такое *толкованіе моихъ словъ, и для чего, понадобилось?*"

„Говорилъ я съ Керенскимъ въ теченіе часа; внезапно Керенскій потреботалъ, чтобы я набросалъ свои слова на бумагѣ. Выхватывая отдѣльныя мысли, я набросалъ ихъ, и *мнѣ Керенскій не далъ даже прочесть*, вырвалъ бумагу и положилъ въ карманъ. Толкованіе, приданное написаннымъ словамъ „Корниловъ предлагаетъ" — *я считаю подвохомъ*". (Курс. вездѣ подл.).

„Говорить по прямому проводу съ Корниловымъ отъ моего имени я Керенскаго не уполномачивалъ, но когда Керенскій прочелъ мнѣ ленту въ своемъ кабинетѣ, я уже не могъ высказаться даже по этому поводу, т. к. Керенскій тутъ же арестовалъ меня". „Онъ поставилъ меня въ унизительное положеніе; въ Зимнемъ Дворцѣ устроены камеры съ часовыми; первую ночь я провелъ въ постели съ двумя часовыми въ головахъ. Въ сосѣдней комнатѣ (б. Алекс. III) Керенскій пѣлъ рулады изъ оперъ"...

Что, еще не бредъ? Подъ рулады безумца, мѣшающія спать честному дураку-арестанту, — провалилась Россія въ помойную яму всеобщей лжи.

Въ разсказѣ, у меня, тогда была *одна* неточность, не мѣняющая дѣла ничуть, но для добросовѣстности исправляю эту мелочь. Когда Керенскій выбѣжалъ къ пріѣзжающимъ министрамъ съ бумажкой Львова („не далъ прочесть"... „потребовалъ набросать"... „выхватывая отдѣльныя мысли я набросалъ"...) — въ это время Львовъ еще не былъ арестованъ, онъ уѣхалъ изъ Дворца; Львовъ пріѣхалъ тотчасъ послѣ разговора по прямому проводу, и тогда, безъ объясненій, Керенскій и арестовалъ его.

Какъ можно видѣть, — высвѣтленія темныхъ мѣстъ отнюдь не измѣняютъ первую картину (см. запись отъ 31 авг.). Только подчеркиваютъ ея гомерическую и преступную нелѣпицу. Дѣйствительно, чортова провокація!

21 октября. Суббота.

Завтра, 22-го, въ воскресенье, назначено грандіозное моленье казачьихъ частей съ крестнымъ ходомъ. Завтра же „день Совѣтовъ" (не „выступленіе", ибо выступленіе назначено на 25-ое, однако, „экивочно" обѣщается и раньше, если будетъ нужно). Казачій ходъ, конечно, демонстрація. Ни одна сторона не хочетъ „начинать". И положеніе все напряженнѣе — до невыносимости.

Керенскій забезпокоился. Сначала этотъ ходъ разрѣшилъ. Потомъ, сегодня, сталъ метаться, нельзя ли запретить, но такъ, чтобы не отъ него шло запрещеніе. Погналъ Карташева къ митрополиту. Тотъ покорно поѣхалъ, ничего не выгорѣло.

А тутъ еще сегодня Бурцевъ хватилъ крупнымъ шрифтомъ въ „Общемъ Дѣлѣ": Граждане, всѣ на ноги! Измѣна! Только что, молъ, узналъ, что военный министръ Верховскій предложилъ, въ засѣданіи комиссіи, заключить сепаратный миръ. Терещенко, будто-бы, обозвалъ все Пр-во „сумасшедшимъ домомъ". „Алексѣевъ плакалъ"...

Карташевъ вьется: „это бурцевская чепуха, онъ раздуваетъ мелкій инцидентъ"... Но Карташевъ вьется и мажетъ по своему двойному положенію правительственнаго и кадетскаго агента. Верховскій (о немъ всѣ мнѣнія сходятся) полуистеричный вьюнъ, дрянь самая зловредная.

Я не знаю, когда, — завтра или не завтра, начнется прорѣзыванье нарыва. Не знаю, чѣмъ оно кончится, я не смѣю желать, чтобы оно началось скорѣе... И все таки желаю. Такъ жить нельзя.

И вѣдь когда-нибудь да будетъ же революціонная борьба и побѣда... даже послѣ контръ-революціонной побѣды большевиковъ, если и эта чаша горечи насъ не минуетъ, если и это испытаніе надо пройти. А думаю — надо...

Вчера у насъ было „газетное" собраніе, Борисъ очень настаивалъ, чтобы слѣдующее назначить поскорѣе, во вторникъ. Я согласилась, хотя какое тутъ собраніе, что еще во вторникъ будетъ!... Вотъ книга! Чуть сядешь за нее — какой-нибудь дикій телефонъ!

Сейчасъ больше 2-хъ ночи. Подхожу къ аппарату. Чепуха, масса голосовъ, въ концѣ концовъ мы оказываемся втроемъ.

Я. Allo! Кто звонитъ?

Голосъ. Вамъ что угодно?

Я. Мнѣ ничего не угодно, ко мнѣ звонятъ, и я спрашиваю: кто?

Гол. Я звоню 417—21.

Друг. гол. Я здѣсь, это Пав. Мих. Макаровъ, я звонилъ къ вамъ, Зин. Ник-на...

I голосъ (радостно). Пав. Мих., я звоню къ вамъ! Началось выступленіе большевиковъ, — на Фурштадской...

П. М. Да, и на Сергіевской...

Голосъ. Откуда вы знаете? Значитъ Правительству было извѣстно?...

П. М. Да съ кѣмъ я говорю?

(А я все слушаю).

Первый голосъ сталъ изъяснять свои офиціальные титулы, которые я забыла. Говоритъ, будто, изъ Зимняго Дворца. Выходило какъ-то, что онъ спѣшитъ извѣстить П. М-ча *отъ Пр-ва* о выступленіи большевиковъ, а П. М. уже знаетъ *отъ того-же Пр-ва*, которое... неизвѣстно что́. Наконецъ, запыхавшійся голосъ отъ насъ отсталъ. Спрашиваю П. М-ча, зачѣмъ же онъ-то ко мнѣ звонилъ

— Вы слышали?

— Да, но что же дѣлать? А вы еще что нибудь хотѣли сказать мнѣ?

— Я хотѣлъ попытаться, не найду ли у васъ Бориса Викторовича. Его нигдѣ нѣтъ...

Далѣе оказывается: Керенскій телефонограммой отмѣнилъ таки завтрашнее моленье. Казаки подчинились, но съ глухимъ ропотомъ. (Они ненавидятъ Керенскаго). А большевики, между тѣмъ, и моленья не ожидая, — выступили?

Скучная ночь. Я заперла, на всякій скучай, окна. Мы какъ разъ около казармъ, на соединеніи Сергіевской и Фурштадской.

Пока что — улица тиха и черна самымъ обыкновеннымъ образомъ.

24 октября. Вторникъ.

Ничего въ ту ночь и на слѣдующій день не произошло. Сегодня, послѣ все усиливающихся угрозъ и самого

сапряженнаго состоянія города, послѣ исторіи съ Верховскимъ и его ухода, положеніе слѣдующее.

Большевики со вчерашняго дня внѣдрились въ Штабъ, ндѣлавъ „военно-революціонный комитетъ“, безъ подписи котораго „всѣ военныя приказанія недѣйствительны“. (Тихая сапа!).

Сегодня несчастный Керенскій выступалъ вь Предпарламентѣ съ рѣчью, гдѣ говорилъ, что всѣ попытки и средства уладить конфликтъ исчерпаны (а до сихъ поръ все уговаривалъ!) и что онъ проситъ у Совѣта санкціи для рѣшительныхъ мѣръ и вообще поддержки Пр-ва. Нашелъ у кого просить и когда!

Имѣлъ очередныя рукоплесканія, а затѣмъ .. началась тягучая, преступная болтовня до вечера, все „вырабатывали“ разныя резолюціи; кончилось, какъ всегда, полуничѣмъ, лѣвая часть (не большевики, большевики давно ушли, а вотъ эти полу-большевики) — пятью голосами побѣдила, и резолюція такая, что Предпарламентъ поддерживаетъ Пр-во при условіяхъ: земля — земельнымъ комитетамъ активная политика мира и созданіе какого-то „комитета спасенія“.

Противно выписывать все это безполезное и праздное идіотство, ибо въ то же самое время: Выборгская сторона отложилась, въ Петропавл. Крѣпости весь гарнизонъ „за Совѣты“, мосты разведены. Люди, которыхъ мы видѣли:

X. — въ паникѣ и не сомнѣвается въ господствѣ большевиковъ.

П. М. Макаровъ — въ паникѣ, не сомнѣвается въ томъ же; прибавляетъ, что довольно 5-ти дней этого господства, чтобы все было погублено; называетъ Керенскаго предателемъ и думаетъ, что министрамъ не слѣдуетъ ночевать сегодня дома.

Карташевъ — въ активной паникѣ, все погибло, проклинаетъ Керенскаго.

Гальпернъ говоритъ, что все Пр-во въ паникѣ, однако, идетъ болтовня, положеніе неопредѣленное. Борисъ — ни-

чего не говоритъ. Звонилъ мнѣ сегодня объ отмѣнѣ сегодняшняго собранія (еще бы!) П-лу М-чу велѣлъ сказать, что домой вернется „очень" поздно (т. е. не вернется).

Всѣ, какъ будто, въ одинаковой паникѣ, и ни у кого нѣтъ активности самопроявленія, даже у большевиковъ. На улицѣ тишь и темь. Электричество неопредѣленно гаснетъ, и тогда надо сидѣть особенно инертно, ибо ни свѣчей, ни керосина нѣтъ.

Дѣло въ томъ, что многіе хотятъ бороться съ большевиками, но никто не хочетъ защищать Керенскаго. И пустое мѣсто — Вр. Правительство. Казаки, будто бы, предложили поддержку подъ условіемъ освобожденія Корнилова. Но это глупо: Керенскій уже не имѣетъ власти ничего сдѣлать, даже если-бъ обѣщалъ. Если-бъ! А онъ и слышать ничего не слышитъ.

Было днемъ такое положеніе: что резолюція Пред-та какъ бы упраздняетъ Пр-во, какъ будто оно уходитъ съ замѣной „соціалистическимъ". Однако, авторы резолюціи лѣвые, интернаціоналисты) потомъ любезно пояснили: нѣтъ, это не выраженіе „недовѣрія къ Пр-ву" (?), а мы только ставимъ своимъ свои условія (?).

И — „правительство" остается. „Правительство продолжаетъ борьбу съ большевиками" (т. е. не борьбу, а свои позднія, предательскія глупости).

Сейчасъ большевики захватили „Пта" (Пет. Телегр. Агентство) и телеграфъ. Правительство послало туда броневиковъ, а броневики перешли къ большевикамъ, жадно братаясь. На Невскомъ сейчасъ стрѣльба.

Словомъ, готовится „соціальный переворотъ", самый темный, идіотическій и грязный, какой только будетъ въ исторіи. И ждать его нужно съ часу на часъ.

Вѣдь шло все, какъ по писанному. Предпослѣдній актъ начался въ визга Керенскаго 26—27 августа; я нахожу, что актъ еще затянулся — два мѣсяца! Зато мы безъ антракта вступаемъ въ послѣдній. Жизнь очень затягиваетъ свои трагедіи. Еще неизвѣстно, когда мы доберемся до эпилога.

Сейчасъ скучно уже потому, что слишкомъ все видно было заранѣе.

Скучно и противно до того, что даже страха нѣтъ. И нѣтъ — нигдѣ — элемента борьбы. Развѣ лишь у тѣхъ горитъ „вдохновеніе", кто работаетъ на Германію.

Возмущаться *ими* — не стоитъ. Одураченной темнотой — нельзя. Защищать Керенскаго — нѣтъ охоты. Бороться съ ордой за свою жизнь — безполезно. Въ эту секунду нѣть *стана*, въ которомъ надо быть. И я опредѣленно внѣ этой унизительной... „борьбы". Это, пока что, не революція и не контръ-революція, это просто — „блевотина войны".

Бѣдное „потерянное дитя", Боря Бугаевъ, *) пріѣзжалос юда и уѣхало вчера обратно въ Москву. Невмѣняемо. Безотвѣтственно. Возится съ этимъ большевикомъ — Ив. Разумникомъ (да, вотъ куда этого метнуло!) и съ „провокаторомъ" Масловскимъ... „Я только литературно!" Это теперь, несчастный! — Другое „потерянное дитя", похожее, — А. Блокъ. Онъ самъ сказалъ, когда я говорила про Борю: „и я такое же потерянное дитя". Я звала его въ Савинскую газету, а онъ мнѣ и понесъ „потерянныя" вещи: что я, молъ, не могу, я имѣю опредѣленную склоность къ большевикамъ (sic!), я ненавижу Англію и люблю Германію, нуженъ немедленный миръ на зло англійскимъ имперіалистамъ... Честное слово! Положеніемъ Россіи доволенъ — „вѣдь она не очень и страдаетъ"... Слова „отечество" уже не признаетъ... Все время оговаривался, что хоть онъ теперь и такъ, но „вы меня, вѣдь, не разлюбите, вѣдь вы ко мнѣ-то по-прежнему?" Спорить съ нимъ безполезно. Онъ ходитъ „по ступенямъ вѣчности", а въ „вѣчности" мы всѣ „большевики" (Но тамъ, въ этой вѣчности, Троцкимъ не пахнетъ, нѣтъ!).

---

*) Андрей Бѣлый.

Съ Блокомъ и съ Борей (много у насъ этихъ самородковъ!) можно говорить лишь въ четвертомъ измѣреніи. Но они этого не понимаютъ, и потому произносятъ слова, въ 3-хъ измѣреніяхъ прегнусно звучащія. Вѣдь годъ тому назадъ Блокъ былъ за войну („прежде всего — весело!" говорилъ онъ), былъ исключительно ярымъ антисемитомъ („всѣхъ жидовъ перевѣшать"), и т. д. Вотъ и относись къ этимъ „потеряннымъ дѣтямъ" по-человѣчески!

Электричество что-то не гаснетъ. Вѣрно потому, что большевики засѣдаютъ „перманентно". Сейчасъ намъ приносили свѣжія большевицкія прокламаціи. Всѣ тамъ гидры, „поднявшія головы"; гидра и Керенскій — послалъ передавшихся броневиковъ. Завѣренія, что „дѣло революціи (тьфу, тьфу!) въ твердыхъ рукахъ".

Ну, чортъ съ ними.

25 октября. Среда.

Пишу днемъ, т. е. сѣрыми сумерками. — Одна подушка уже навалилась на другую подушку: *городъ въ рукахъ большевиковъ.*

Ночью, по дорогѣ изъ Зимняго Дворца, арестовали Карташева и Гальперна. 4 часа держали въ Павловскихъ казармахъ, потомъ выпустили, нѣсколько измывшись.

Продолжаю при электричествѣ.

Я выходила съ Дмитріемъ. Шли въ аспидныхъ сумеркахъ по Сергіевской. Мзглять, тишь, безмолвіе, безлюдіе, сѣрая кислая подушка.

На окраинахъ листки: объявляется, что „Правительство низложено". Прокоповича тоже арестовали на улицѣ, и Гвоздева, потомъ выпустили. (Явно пробуютъ лапой, осторожно... Ничего!). Заняли вокзалы, Маріинскій Дворецъ, (высадивъ безъ грома „предбанникъ"), телеграфы, типографіи „Русской Воли" и „Биржевыхъ". Въ Зимнемъ

Дворцѣ еще пока сидятъ министры, окруженные „вѣрными“ (?) войсками.

Послѣднія вѣсти таковы: Керенскій вовсе не „бѣжалъ“, а рано утромъ уѣхалъ въ Лугу, надѣясь оттуда привести помощь, но...

Электричество погасло. Теперь 7 ч. 40 минутъ вечера. Продолжаю съ огаркомъ...

Итакъ: но если даже лужскій гарнизонъ пойдетъ (если!), то пѣшкомъ, ибо эти живо разберутъ пути. На Гороховой уже разобрали мостовую, разборщики храбрые.

Казаки опять дали знать (кому?), что „готовы поддержать Вр. Пр-во“. Но какъ-то кисловато. Мало ихъ, что-ли? Некрасовъ, который, послѣ своей неприглядной роли 26 августа, давно ужъ „сторонкой ходитъ“, чуя гибель корабля, — разыскиваетъ Савинкова. Ну, теперь его не розыщешь, если онъ не хочетъ быть разысканнымъ.

Верховскій, повидимому, передался большевикамъ, руководитъ.

Очень красивенькій пейзажъ. Между революціей и тѣмъ, что сейчасъ происходитъ, такая же разница, какъ между мартомъ и октябремъ, между сіяющимъ тогдашнимъ небомъ весны и сегодняшними грязными, темно сѣрыми, склизкими тучами.

Данный, значитъ, часъ таковъ: всѣ бронштейны въ безпечальномъ и самоувѣренномъ торжествѣ. Остатки „Пр-ва“ сидятъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Карташевъ недавно телефонировалъ домой въ обще-успокоительныхъ тонахъ, но прибавилъ, что „сидѣть будетъ долго“.

Послы заявили, что больш. правительства они не признаютъ: это побѣдителей не смутило. Они уже успѣли оповѣстить фронтъ о своемъ торжествѣ, о „немедленномъ мирѣ“, и уже началось тамъ — немедленно! — поголовное бѣгство.

Очень трудно писать при огаркѣ. Телефоны еще дѣйствуютъ, лишь нѣкоторые выключены. Позже, если узнаю что либо достовѣрное (*не* слухи, коихъ все время — тьма), опять запишу, возжегши свою „революціонную лампаду“ — послѣдній кривой огарокъ.

В ъ 10 ч. в е ч е р а. (Электричество только что зажглось).

Была сильная стрѣльба изъ тяжелыхъ орудій, слышная здѣсь. Звонятъ, что, будто бы, крейсера, пришедшіе изъ Кронштадта (между ними и „Аврора", команду которой Керенскій взялъ для своей охраны въ корниловскіе дни) обстрѣливали Зимній Дворецъ. Дворецъ, будто бы, уже взятъ. Арестовано ли сидѣвшее тамъ Пр-во — въ точности пока неизвѣстно.

Городъ до такой степени въ рукахъ большевиковъ, что уже и „директорія", или нѣчто въ родѣ назначена: Ленинъ, Троцкій — навѣрно; Верховскій и другіе — по слухамъ.

Пока больше ничего не знаю. (Да что знать еще, все ясно).

Позднѣе. Опровергается вѣсть о взятіи б-ми Зимняго Дворца. Сраженье длится. Съ балкона видны сверкающія на небѣ вспышки, какъ частыя молніи. Слышны глухіе удары. Кажется, стрѣляютъ и изъ Дворца, по Невѣ и по Аврорѣ. Не сдаются. Но — они почти голые: тамъ лишь юнкера, ударный батальонъ и женскій батальонъ. Больше никого.

Керенскій уѣхалъ ранымъ-рано, на частномъ автомобилѣ. Улизнулъ таки! А эти сидятъ, неповинные ни въ чемъ, кромѣ своей пѣшечности и покорства, подъ тяжелымъ обстрѣломъ.

Если еще живы.

26 о к т я б р я. Ч е т в е р г ъ.

Торжество побѣдителей. Вчера, послѣ обстрѣла, Зимній Дворецъ былъ взятъ. Сидѣвшихъ тамъ министровъ (всѣхъ до 17, кажется) заключили въ Петропавловскую крѣпость. Подробности узнаемъ скоро.

Въ 5 ч. утра было дано знать въ квартиру Карташева. Сегодня около 11 ч. Т. съ Д. В. отвезли ему въ крѣпость бѣлье и провизію. Говорятъ, тамъ безпорядокъ и чепуха.

Вчера, вечеромъ, Городская Дума истерически металась, то посылая „парламентеровъ" на „Аврору", то предлагая всѣмъ составомъ „идти умирать вмѣстѣ съ Правительствомъ". Ни изъ перваго, ни изъ второго ничего, конечно, не вышло. Масловъ, министръ земледѣлія (соц.) послалъ въ Гор. Думу „посмертную" записку съ „проклятіемъ и презрѣніемъ" демократіи, которая посадила его въ Пр-во, а въ такой часъ „умываетъ руки".

Луначарскій изъ Гор. Думы просто взялъ и пошелъ въ Смольный. Прямымъ путемъ.

Однако, пока что, на съѣздѣ отъ большевиковъ отгородились почти всѣ, даже интернаціоналисты и черновцы. Послѣдніе отозвали своихъ изъ „военно-рев. — комитета". (Все началось съ этого комитета. Если черновцы тамъ были, — значитъ, и они начинали).

Позиція казаковъ: не двинулись, заявивъ, что ихъ слишкомъ мало, и они выступятъ только съ подкрѣпленіемъ. Психологически все понятно. Защищать Керенскаго, который потомъ объявилъ бы ихъ контръ-революціонерами?...

Но дѣло не въ психологіяхъ теперь. Остается фактъ — объявленное большевицкое правительство: гдѣ премьеръ — Ленинъ-Ульяновъ, министръ инстр. дѣлъ — Бронштейнъ, призрѣнія — г-жа Коллонтай и т. д.

Какъ заправитъ это пр-во — увидитъ тотъ, кто останется въ живыхъ. Грамотныхъ, я думаю, мало кто останется: петербуржцы сейчасъ въ рукахъ и распоряженіи 200-сотъ тысячной банды гарнизона, возглавляемой кучкой мошенниковъ.

Всѣ газеты (кромѣ „Биржевыхъ" и „Р. Воли") вышли, было... но по выходѣ были у газетчиковъ отобраны и на улицахъ сожжены.

Газету Бурцева „Общее Дѣло“ наканунѣ с воего паденія запретилъ Керенскій. Бурцевъ тотчасъ выпустилъ „Наше общее дѣло“, и его отобрали, сожгли, — уже большевики, причемъ (эти шутить не любятъ) засадили самого Бурцева въ Петропавловку. Убѣждена, что онъ нисколько не смущенъ. Его вѣчно, при всѣхъ случаяхъ, всѣ правительства, во всѣхъ мѣстахъ земного шара — арестовываютъ. Онъ приспособился. Вынырнетъ.

Мы отрѣзаны отъ міра и ничего, кромѣ слуховъ, не имѣемъ. Вѣдь всѣ радіо даже получаютъ — и разсылаютъ — большевики.

Къ Х. изъ крѣпости телефонировали, что просятъ доктора, — Терещенко и раненый вчера при арестѣ Рутенбергъ: „а мы другого доктора не знаемъ“.

Погадавши, подумавши... Х. рѣшилъ ѣхать, спросилъ автомобиль и пропускъ. Еще не возвращался.

Кажется, большевики быстро обнажатся отъ всѣхъ, кто не они. Уже почти обнажились. Подъ ними... вовсе не „большевики“, а вся безпросвѣтно-глупая чернь и дезертиры, пойманные прежде всего на слово „миръ“. Но, хотя — чортъ ихъ знаетъ, эти „партіи“, черновцы, напримѣръ, или новожизненцы (интернаціоналисты)... Вѣдь и они о той же, большевицкой, дорожкѣ мечтали. Не злятся ли теперь и потому, что „не они“, что у нихъ-то пороху не хватило (демагогически)?

Позже.

Х. вернулся. Видѣлъ Терещенку, Рутенберга и Бурцева, да кстати и Щегловитова съ Сухомлиновымъ. Карташева увидитъ завтра. Терещенко простуженъ (въ Трубецкомъ бастіонѣ, гдѣ они всѣ сидятъ, не топили, а тамъ сырость), кромѣ того съ непривычки труситъ. Рутенбергъ и Бурцевъ абсолютно спокойны. Еще бы, еще бы. Рутенбергъ — старый террористъ (это онъ убилъ Гапона), а о Бурцевѣ я ужъ говорила. Масловъ въ тяжеломъ нерв-

номъ состоянiи („социалистъ“ называется! но, впрочемъ, я его не знаю).

Х. говоритъ, что старая команда ему, какъ отцу родному, обрадовалась. Они подъ большевиками просто потому, что „большевики взяли палку“. Новый комендантъ довольно растерянъ. Всѣ обезпокоены, — „что слышно о Керенскомъ?“

Непрерывные слухи объ идущихъ сюда войскахъ и т. д. — очень похожи на легенду, необходимую притихшимъ жителямъ завоеваннаго города. Я боюсь, что ни одинъ полкъ уже не откликнется на зовъ Керенскаго — поздно.

Сейчасъ легенда сформировалась въ цѣлое сраженiе гдѣ-то или на станцiи Дно (блаженной, милой памяти Марта!), или въ Вырицахъ.

27 октября. Пятница.

Цѣлый день народъ, не могла писать раньше. — Тоже захватное положенiе. Газеты социалистическiя, но антибольшевистскiя, вышли подъ цензурой, кромѣ „Новой Жизни“, остальныя запрещены. Въ „Извѣстiяхъ“ (Совѣта) изгнана редакцiя, посаженъ туда большевикъ. Зиновьевъ. „Гол. Солдата“ — запрещенъ. Вся „демократiя“, всѣ отгородившiяся отъ б-ковъ и ушедшiя съ пресловутаго съѣзда организацiи, собрались въ Гос. Думѣ. Дума объявила, что не разойдется (пока не придутъ разгонять, конечно!) и выпустила № „Солдатскаго Голоса“ — очень рѣзко противъ захватчиковъ. Номеръ раскидывали съ думскаго балкона. Невскiй полонъ, а въ сущности, всѣ „обалдѣвши“, съ тупо раскрытыми ртами. Въ Думѣ и Некрасовъ, ловко не попавшiй въ бастiонъ.

Интересны подробности взятiя министровъ. Когда, послѣ паденiя Зимняго Дворца (тутъ тоже много любопытнаго, но — послѣ), ихъ вывели, около 30 человѣкъ, безъ шапокъ, безъ верхней одежды, въ темноту, солдатская

чернь ихъ едва не растерзала. Отстояли. Повели по грязи, пѣшкомъ. На Троицкомъ мосту встрѣтили автомобиль съ пулеметомъ; автомобиль испугался, что это враждебныя войска, и принялся въ нихъ жарить; и всѣ они, — солдаты первые, съ криками, — должны были лечь въ грязь.

Слухи, слухи о разныхъ „новыхъ правительствахъ" въ разныхъ городахъ. Калединъ, молъ, идетъ на Москву, а Корниловъ, молъ, изъ Быхова скрылся. (Корниловъ-то ужъ бѣгалъ изъ плѣна посерьезнѣе, германскаго... почему бы не уйти ему изъ большевицкаго?).

Уже не слухи, — или тоже слухи, но упорные, — что Керенскій, съ какими-то фронтовыми войсками, въ Гатчинѣ. И Лужскій гарнизонъ сдался безъ боя. Отъ Гатчины къ Спб. наши „побѣдители" ужъ разобрали путь, готовятся.

Захватчики, между тѣмъ, спѣшатъ. Троцкій-Бронштейнъ ужъ выпустилъ „декретъ о мирѣ". А захватили они рѣшительно все.

Возвращаюсь на минуту къ Зимнему Дворцу. Обстрѣлъ былъ изъ тяжелыхъ орудій, но не съ „Авроры", которая увѣряетъ, что стрѣляла холостыми, какъ сигналъ, ибо, говоритъ, если-бъ не холостыми, то Дворецъ превратился бы въ развалины. Юнкера и женщины защищались отъ напирающихъ сзади солдатскихъ бандъ, какъ могли (и перебили же ихъ), пока министры не рѣшили прекратить это безплодіе кровавое. И все равно инсургенты проникли уже внутрь предательствомъ.

Когда же хлынули „революціонныя" (тьфу, тьфу!) войска, Кексгольмскій полкъ и еще какіе-то, — они прямо принялись за грабежъ и разрушеніе, ломали, били кладовыя, вытаскивали серебро; чего не могли унести — то уничтожали: давили дорогой фарфоръ, рѣзали ковры, изрѣзали и проткнули портретъ Сѣрова, наконецъ, добрались до виннаго погреба... Нѣтъ, слишкомъ стыдно писать...

Но надо все знать: женскій баталіонъ, израненный затащили въ Павловскія казармы и тамъ поголовно изнасиловали...

„Министровъ-соціалистовъ“ сегодня выпустили. И они... вышли, оставивъ своихъ коалиціонистовъ-кадетъ въ бастіонѣ.

28 октября. Суббота.

Только четвертый день мы подъ „властью тьмы“, а точно годы проходятъ. Очень тревожно за тѣхъ, кто остался въ крѣпости, когда „товарищи-соціалисты“ ушли. Караулъ все мѣняется, чортъ знаетъ, на что онъ не способенъ. Тамъ чепуха, свиданій никому не даютъ, потомъ однимъ фуксомъ дали, потомъ опять всѣхъ высадили... Весь день нынче возимся съ Гор. Думой („комитетъ спасенія“) Д. В. тамъ даже былъ.

Съ утра слухи о сраженіи за Моск. Заставой: оказалось вздоръ. Днемъ, будто, аэропланъ надъ городомъ разбрасывалъ листки Керенскаго (не видала ни листковъ, ничего). Послѣднее и подтверждающееся: прав. войска и казаки уже *были* въ Царскомъ, гдѣ гарнизонъ, какъ лужскій и гатчинскій, или сдавался, или, обезоруженный, побрелъ кучами въ Спб. Почему же они были въ Царскомъ, — а теперь въ Гатчинѣ, на 20 верстъ дальше?

Командуетъ, говорятъ, казачій генералъ Красновъ и слухъ: исполняетъ приказы только Каледина (и Калединъ-то за тысячу верстъ!), а Керенскій, который съ ними, — у нихъ, будто бы, „на веревочкѣ“. По выраженію казака-солдата: „если что не по нашему, такъ мы ему и голову свернемъ“.

Какъ значительны войска — неизвѣстно. Здѣшніе стягиваютъ на вокзалы своихъ, — силы „петроградскаго гарнизона“ (шваль) и красногвардейцевъ. Эти храбрѣе, но все сбродъ, мальчишки.

Генералъ Маниковскій, арестованный съ правительствомъ, освобожденъ, хотя еще сегодня утромъ большевики хотѣли его разстрѣлять. Онъ говорилъ сегодня, что съ казаками и съ Керенскимъ находился также и Борисъ. (Очень вѣроятно. Не сидитъ же онъ, сложа руки).

Сейчасъ льетъ проливной дождь. Въ городѣ — полуокопавшіеся въ домовыхъ комитетахъ обыватели, да погромщики. Наиболѣе организованныя части большевиковъ стянуты къ окраинамъ, ждя сраженія. Вечеромъ шлялась во тьмѣ лишь вооруженная сволочь и мальчишки съ винтовками. А весь „вр. комитетъ", т. е. Бронштейны-Ленины, переѣхалъ изъ Смольнаго не въ загаженный, ограбленный и разрушенный Зимній Дворецъ — нѣтъ! а на вѣрную „Аврору"... Мало-ли что...

Очень важно отмѣтить слѣдующее.

Всѣ газеты, оставшіяся, ($^3/_4$ запрещены), вплоть до „Нов. Жизни", отмежевываются отъ большевиковъ, хотя и въ разныхъ степеняхъ. „Нов. Ж.", конечно, менѣе другихъ. Лѣзетъ подмигивая, съ блокомъ, и тутъ же „категорически осуждаетъ", словомъ, обычная подлость. „Воля Народа" рѣзка до послѣдней степени. Почти столь же рѣзко и „Дѣло Чернова". Значитъ: кромѣ группъ с. д. меньшевиковъ и с. д. интернаціоналистовъ, правые с-эры и главная группа — с.-эры черновцы — отъ большевиковъ отмежевываются? Но... въ то же время намѣчается у послѣднихъ с-эровъ, очень еще прикрыто, *желаніе использовать авантюру для себя*. (Широкое движеніе, уловимое лишь для знающаго всѣ кулисы и мобили).

То-есть: лѣвыя, за большевиками, партіи, особенно с-эры черновцы, какъ бы *переманиваютъ* „товарищей" гарнизона и красногвардейцевъ (и т. д.): большевики, молъ, обѣщаютъ вамъ миръ, землю и волю, и соціалистическое устройство, но все это они вамъ не дадутъ, а могутъ дать — и дадимъ въ превосходной степени! — *мы*. У нихъ только обѣщанія, а у насъ это-же, — немедленное и готовое. *Мы* устроимъ настоящее соціалистическое правительство безъ малѣйшихъ буржуевъ, *мы* будемъ бороться со всякими „Корниловцами", *мы* вамъ дадимъ самый мгновенный „миръ" со всей мгновенной „землей". Съ большевиками же, товарищи дорогіе, и бороться не стоитъ; это провокація, если кто говоритъ, что съ ними нужно бороться; просто мы возьмемъ ихъ подъ бойкотъ. А такъ какъ мы — все, то большевики отъ

нашего бойкота въ свое время и „лопнутъ, какъ мыльный пузырь“.

Вотъ упрощенный смыслъ народившагося движенія, которое обѣщаетъ... не хочу и опредѣлять, что именно, однако очень много, и, между прочимъ, ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ БЕЗЪ КОНЦА И КРАЯ.

Вмѣсто того, чтобы помочь поднять опрокинутый полуразбитый вагонъ, лежащій на насыпи вверхъ колесами, — отогнавъ отъ вагона разрушителей, конечно,—напречь общія силы, на рельсы его поставить, да осмотрѣть, да починить, — эта наша упрямая „дура“, партійная интеллигенція, — желаетъ только сама усѣсться на этотъ вагонъ... Чтобы наши „зады“ на немъ были, — не большевицкіе. И обѣщаетъ никого не подпускать, кто-бы ни вздумалъ вагонъ начать поднимать... а какая это и безъ того будетъ тяжкая работа!

Нечего бездѣльно гадать, чѣмъ все кончится. Шведы — (или нѣмцы?) — взяли острова, близокъ десантъ въ Гельсингфорсѣ. Все это по слухамъ, ибо изъ Ставки вѣстей не шлютъ, вооруженные большевики у проводовъ, но... быть можетъ, просто — „вотъ пріѣдетъ нѣмецъ, нѣмецъ насъ разсудитъ“...

Господи, но и это еще не конецъ!

29 октября. Воскресенье.

Узелъ туже, туже... Около 6 часовъ прекратились телефоны, — станція все время переходила то къ юнкерамъ, то къ большевикамъ, и, наконецъ, все спуталось. На улицахъ толпы, стрѣльба. Павловское Юнк. Уч. разстрѣляно, Владимірское горитъ; слышно, что юнкера съ этимъ глупымъ полковникомъ Полковниковымъ засѣдали въ Инж. Замкѣ. О войскахъ Керенскаго слуховъ много, — сообщеній не добыть. Изъ дому выходить больше нельзя. Сегодня въ нашей квартирѣ (въ столовой) дежуритъ домовый комитетъ, въ 3 часа будетъ другая смѣна.

Вчера двѣ фатальныя фигуры X. и Z. отправились, было, соглашательной „делегаціей“ къ войскамъ Керенскаго — „во избѣжаніе кровопролитія“. Но это вамъ, голубчики, не въ Зимній Дворецъ шмыгнуть съ ультиматумомъ Чернова. На первомъ вокзалѣ ихъ схватили большевики, били прикладами, чуть не застрѣлили, арестовали, издѣвнулись вдосталь, а потомъ вышвырнули въ задъ ногой.

Толпа, чернь, гарнизонъ — безсознательны абсолютно и сами не понимаютъ, на кого и за кого они идутъ.

Газеты всѣ задушены, даже „Рабочая“; только украдкой вылѣзаетъ „Дѣло Чернова“ (ахъ, какъ онъ жаждетъ, подпольно, соглашательства съ большевиками!), да красуется, помимо „Правды“, эта тля — „Новая Жизнь“.

Петропавловка изолирована, сегодня даже X. туда не пустили. Вѣроятно, тамъ, и на „Аврорѣ“, засѣли главари. И надо помнить, что они способны на все, а чернь подъ ихъ ногами — способна еще даже больше, чѣмъ на все. И главари не очень то ею владѣютъ.

Петербургъ, — просто жители, — угрюмо и озлобленно молчитъ, нахмуренный, какъ октябрь. О, какіе противные, черные, страшные и стыдные дни!

30 октября. Понедѣльникъ. 7 час. веч.

Положеніе неопредѣленное, т. е. очень плохое. Почти ни у кого нѣтъ силъ выносить напряженіе, и оно спадаетъ, ничѣмъ не разрѣшившись.

ВОЙСКА КЕРЕНСКАГО НЕ ПРИШЛИ (и не придутъ, это ужъ ясно). Не то — говорятъ — въ нихъ расколъ, не то ихъ мало. Похоже, что и то, и другое. Здѣсь усиливаются „соглашательные“ голоса, особенно изъ „Новой Жизни“. Она ужъ готова на правительство съ большевиками — „лѣвыхъ дем. партій“. (Т. е. *мы* — съ ними).

Телефонъ не дѣйствуетъ, занятъ красной гвардіей. Звѣрства „большевицкой" черни надъ юнкерами — несказанны. Заключенные министры, въ Петропавловкѣ, отданы „на милость" (?) „побѣдителей". Ушедшая, было, „Аврора" вернулась назадъ вмѣстѣ съ другими крейсерами. Вся эта храбрая и грозная (для насъ, не для нѣмцевъ!) флотилія — стоитъ на Невѣ.

31 октября. Вторникъ.

Отвратительная тошнота. До вечера не было никакихъ даже слуховъ. А газетъ только двѣ — „Правда" и „Нов. Жизнь". Телефонъ не дѣйствуетъ. Былъ весь потрясенный X., разсказывалъ о „петропавловскомъ застѣнкѣ". Воистину застѣнокъ, — что тамъ дѣлаютъ съ недобитыми юнкерами!

Поздно вечеромъ кое что узнали, и очень правдоподобное.

Дѣло не въ томъ, что у Керенскаго „мало силъ". Онъ *могъ бы* имѣть достаточно, придти и кончить все здѣшнее 3 дня тому назадъ; но... (нѣтъ словъ для этого, и лучше я никакъ и не буду говорить) — *онъ опять колеблется!* Отсюда вижу, какъ онъ то падаетъ въ прострацію на диванъ (найдетъ диванъ!), то вытягиваетъ шею къ разнообразнымъ „согласителямъ", предлагающимъ ему всякія „демократическія" мѣры „во избѣжаніе крови". И это въ то время, когда здѣсь уже льется кровь дѣтей-юнкеровъ, женщинъ, а въ сырыхъ казематахъ сидятъ люди пожилые, честные, цѣнные, виноватые лишь въ томъ, что *повѣрили* Керенскому, взяли на себя каторжный и унизительный (при немъ) правительственный трудъ! Сидятъ подъ ежеминутной угрозой самосуда пьяныхъ матросовъ, — озвѣреніе растетъ по часамъ.

А Керенскій — не все договорилъ еще! Его еще зудитъ выѣхать въ автомобилѣ къ „своему народу", къ знаменитому „петроградскому гарнизону" — и поуговари-

вать. УЖЪ БЫЛО. Оказывается — выѣзжалъ. И не разъ. Гарнизонъ не уговорился нисколько. Но онъ и не сражается. Постоитъ — и назадъ съ позицій, спать. Сражается сбродъ и красная армія, мальчишки-рабочіе съ винтовками.

Казаки озлоблены до послѣдней степени. Еще бы! Каково имъ тамъ, въ этомъ, поистинѣ дурацкомъ, положеніи? И Борису, если онъ тоже тамъ съ ними. Каждое столкновеніе казаковъ съ „красными“, — (столкновеній все же предотвратить нельзя, — Керенскій вѣрно, смахиваетъ слезу пальцемъ перчатки) — кончается для красныхъ плохо.

Керенскій имѣетъ сношеніе со здѣшними соглашателями-черновцами? Они-же (какъ я вѣрно писала) выбиваются изъ силъ, желая воспользоваться *для себя* дѣломъ большевиковъ, которые исполнили грязную работу захватчиковъ и убійцъ. Черновцы мечтаютъ приступить къ дѣлежкѣ добычи, и непремѣнно съ тѣмъ, чтобы вся добыча была ихняя; вамъ же, грабители и убійцы, мы обѣщаемъ полную безнаказанность... Мало? Ну, вотъ вамъ уголокъ стола во время пира, мы ничего... (уже не говорятъ о „бойкотѣ“, уже „согласны пустить и кое-какихъ большевиковъ въ свое министерство“... А что говорятъ большевики? Они-то, — согласились дѣлить по-черновски свою добычу? Они ничего не говорятъ. Они дѣлаютъ — свое.

Черновцы и всякіе другіе интернаціоналисты этимъ молчаньемъ не смущены. Убѣждены, что все равно — разбойникамъ однимъ съ добычей не справиться. Дѣйствительно, у нихъ сейчасъ: служащіе не служатъ, министерства не работаютъ, банки не открываются, телефонъ не звонитъ, Ставка не шлетъ извѣстій, торговцы не торгуютъ, даже актеры не играютъ. Весь Петербургъ озлобленъ не менѣе казаковъ, но молчитъ и сопротивляется лишь пассивно.

Однако, страшно-ли „обезьянѣ со штыкомъ“ пассивное сопротивленіе? И на что разбойникамъ министерства? На что имъ банки? Имъ сейчасъ нужны деньги, а для

этого штыкъ лучше служащихъ откроетъ банкъ. Они старались — и отдадутъ крупинку награбленнаго Чернову или кому бы то ни было?! У нихъ можно только *отнять,* а они ужъ носомъ чуютъ, что „отниманьемъ“ не очень пахнетъ. Еще боятся, еще шлютъ своихъ копьеносцевъ къ „позиціямъ“ съ колючей проволокой и хромыми пушками (оружіе, однако, почти все въ ихъ рукахъ), — но уже понемногу смѣлѣютъ, тянутъ лапу... щупаютъ; попробуютъ — можно. Дальше валяй.

Не безцѣльно-ли позорятся соглашатели, дѣля капиталъ (Россію) безъ „хозяевъ“?

Я лишь рисую сегодняшнее положеніе. И вотъ, наконецъ, послѣднее извѣстіе, естественно вытекающее изъ предыдущихъ: *три дня перемирія* между войсками Керенскаго и большевиками. Во всѣхъ случаяхъ это великолѣпно для большевиковъ. Въ три дня многое сдѣлается и многое для нихъ выяснится. Можно еще, „на всякій случай“, укрѣпить свои позиціи, подзуживая побѣдительное торжество и терроризируя обывателей. Можно, кромѣ того, и поагитировать въ „братскихъ“ войскахъ, теряющихъ терпѣніе и, конечно, не пылающихъ высокимъ духомъ. Много, много можно сдѣлать, пока болтаютъ черновцы.

А нѣмецъ — что? Или онъ — не сейчасъ?

О Москвѣ: тамъ 2000 убитыхъ? Большевики стрѣляли изъ тяжелыхъ орудій прямо по улицамъ. Объявлено было „перемиріе“, превратившееся въ бушеваніе черни, пьяной, ибо она тутъ же громила винные погреба.

Да. Прикончила война душу нашу человѣчью. Выѣла — и выплюнула.

1 ноября. Среда.

Все идетъ естественнымъ (логическимъ) порядкомъ. Какъ по писанному, — впрочемъ, ярче и ужаснѣе всякаго „писаннаго“. Дополненія ко вчерашнему такія: здѣшніе

соглашатели продолжаютъ соглашаться... между собой, о томъ, что нужно согласиться съ большевиками. Въ думскомъ комитетѣ до послѣдняго поту сидѣли, все разговаривали, обсуждали составъ новаго „лѣваго“ правительства, чуть не всѣ имена выбрали... такъ, какъ будто все у нихъ къ карманѣ и большевики положили заваеванный „Петроградъ“ къ ихъ ногамъ. Самый жгучій вопросъ рѣшили: соглашаться ли имъ съ большевиками? Рѣшили. Соглашаться. Какъ вопросъ о соглашательствѣ стоитъ у большевиковъ — этимъ не занимались. Разумѣлось само собой, что большевики только и ожидаютъ, когда снизойдутъ къ нимъ другія лѣвыя партіи (!!)

Въ думскомъ комитетѣ, гдѣ осталось большевиковъ весьма немного, изъ захудалыхъ, — да и тѣ просто „присутствовали“, — назначенія такъ и сыпались. Черновъ, конечно, премьеромъ... Очевидецъ мнѣ разсказывалъ, что это жалкое и страшное совѣщаніе все время сопровождалось смѣхомъ, и что это было особенно трагично. Предлагали такъ, просто, кого кто придумаетъ. Предложили знаменитаго Н. Д. Соколова, — его кандидатура была встрѣчена особымъ взрывомъ смѣха, но благосклонно. Вообще захудалые большевики мало противъ кого возражали, они помалкивали и только смѣялись. Горячо галдѣли всѣ остальные.

Черновъ, — вѣрнѣе черновцы, ибо самого-то Чернова гдѣ-то нѣту, портфель министра нар. просв. снисходительно обѣщали Луначарскому. (А онъ давно въ Смольномъ!). Проекты блистательные...

...Царское было раньше оставлено; туда, послѣ оставленія Гатчины, явились, свободно и смѣло, большевики. Распубликовали, что „Царское взято“. Застрѣлили спокойно коменданта (не огорчайтесь, А. Ф., это не „демократическая“ кровь), стали сплошь врываться въ квартиры. Надъ Плехановымъ издѣвались самымъ площаднымъ образомъ, въ одинъ день обыскивали его 15 (sic!) разъ. Больной, туберкулезный старикъ слегъ въ постель, положеніе его серьезно.

Вотъ картина. Не думаю, однако, чтобы кто-нибудь, по какимъ угодно разсказамъ и записямъ, могъ понять и представить себѣ нашу здѣсь *атмосферу*. Въ ней надо жить самому.

Сегодня большевики, разведя всѣ мосты, просунули на буксирѣ (!) свои броненосцы по Невѣ къ Смольному. Совершенно еще не встрѣчавшееся безуміе.

По городу открыто ходятъ всѣмъ извѣстные германскіе шпіоны. Въ Смольномъ они называются: „представители германской и австрійской демократіи". Избіеніе офицеровъ и юнкеровъ тоже входило въ задачу Бронштейна? Кажется, съ моста Мойки сброшено пока только 11, трупы вылавливаются. Убитъ и князь Тумановъ, — нашли подъ мостомъ.

Самое послѣднее извѣстіе: Керенскій и не въ Гатчинѣ, а совершенно неизвѣстно гдѣ. Слухъ, что къ нему собрался, было, ѣхать Луначарскій (это еще что?), но Керенскаго нѣтъ.

2 ноября. Четвергъ.

Я веду эту запись не для сводки фактовъ, но и для посильной передачи атмосферы, въ которой живу. Поэтому записываю и *слухи* по мѣрѣ ихъ поступленія.

Сегодня почти все, записанное вчера, подтверждается. Въ чисто-большевистскихъ газетахъ трактуется съ подробностями „бѣгство" Керенскаго. Будто бы въ Гатчинѣ его предали измѣнившіе казаки и онъ убѣжалъ на извощикѣ, переодѣвшись матросомъ. И даже, наконецъ, что въ Псковѣ, окруженный враждебными солдатами, онъ застрѣлился.

Изъ этого вѣрно *только одно*, конечно: что Керенскій куда-то скрылся, его при „его" войскахъ нѣтъ, и никакихъ уже „его войскъ" — нѣтъ.

Соглашательскія потуги (вчерашнее „министерство") стыдливо затихли.

Масса явныхъ вздоровъ о Германіи, о наступленіи Каледина на Харьковъ (психологически понятные легенды). А вотъ не вздоръ: въ Москвѣ, вопреки вчерашнимъ успокоительнымъ извѣстіямъ, полнѣйшая и самая страшная бойня: разстрѣливаютъ Кремль, разрушаютъ Національную и Лоскутную гостинницу. Штабъ на Пречистенкѣ. Много убитыхъ въ частныхъ квартирахъ — ихъ выносятъ на лѣстницу (изъ дома нельзя выйти). Много женщинъ и дѣтей. Винные склады разбиты и разграблены. Большевистскіе комитеты уже не справляются съ толпой и солдатами, взываютъ о помощи къ здѣшнимъ.

Черно-красная буря надъ Москвой. Перехлестъ.

Уѣхать нельзя и внѣшне *(и внутренно)*. Да и некуда.

Пока формулирую кратчайшимъ образомъ происходящее такъ: Николай II началъ, либералы-политики продолжили — поддержали, Керенскій закончилъ.

Я не перемѣнилась къ Керенскому. Я всегда буду утверждать, какъ праведную, его позицію во время войны, во время революціи — до іюля. Тамъ были ошибки, человѣческія; но въ мартѣ онъ буквально *спасъ* Россію отъ немедленнаго безумнаго взрыва. Послѣ конца іюня (благодаря накопленію ошибокъ) онъ былъ конченъ, и, оставаясь, *конченный,* во главѣ, держалъ руль *мертвыми* руками, пока корабль Россіи шелъ въ водоворотъ.

Это конецъ. О началѣ — Николаѣ II — никто не споритъ. О продолжателяхъ-поддерживателяхъ, ка-детахъ, правомъ блокѣ и т. д. — я довольно здѣсь писала. Я ихъ не виню. Они были слѣпы, и дѣйствовали, какъ слѣпые. Они не взяли въ руки *неизбѣжное,* думàли, отвертываясь, что оно — избѣжно. Всѣ видѣли, что КАМЕНЬ УПАДЕТЪ (моя запись 15-16-го года), всѣ кромѣ нихъ. Когда камень упалъ, и тутъ они почти ничего не увидѣли, не поняли, не приняли. Его свято принялъ на свои слабыя плечи Керенскій. И несъ, держалъ (одинъ!) пока не сошелъ съ ума отъ непосильной ноши, и камень — не безъ его содѣйствія, — не рухнулъ всею своею милліоннопудовой тяжестью — на Россію.

3 ноября. Пятница.

Весь день тревога о заключенныхъ. Сигналъ къ ней далъ X., вернувшійся изъ Петропавловки. Тамъ плохо, самъ „комендантъ“ боится матросовъ, какъ способныхъ на все при малѣйшей тревогѣ. Надо ухитриться перевести плѣнниковъ. Куда угодно — только изъ этой матроско-большевицкой цитадели. Обращаться къ Бронштейну — единственный *вполнѣ* безполезный путь. Помимо противности вступать съ нимъ въ сношенія — это такъ же безцѣльно, какъ начать разговоръ съ чужой обезьяной. Была у насъ мать Терещенки. Мы лишь одно могли придумать — скользкій путь обращенія къ посламъ. Она видѣла Фрэнсиса, увидитъ завтра Бьюкенена. Но ихъ тоже положеніе, — обращаться къ „правительству“, котораго они не признаютъ? Надо хранить международныя традиціи; но все же надо понимать, что это ...., для которой нѣтъ ни признанія, ни непризнанія.

Посольства охраняются польскими легіонерами.

О Москвѣ свѣдѣнія потрясающія. (Сейчасъ — опять, что утихаетъ, но ужъ и не вѣрится). Городъ въ полномъ мракѣ, телефонъ оборванъ. Внезапно Луначарскій, сей „покровитель культуры“, зарвалъ на себѣ волосы и, задыхаясь, закричалъ (въ газетахъ), что если только все такъ, то онъ „уйдетъ, уйдетъ, изъ большевицкаго пр-ва“! Сидитъ.

Соглашатели хлебнули помоевъ впустую: большевики недаромъ смѣялись, — они-то ровно ни на что не согласны. Теперь, — когда они упоены московскими и керенскими „побѣдами“? Соглашателямъ вынесли такія „условія“, что оставалось лишь утереться и пошлепать во свояси. Даже подленинцы изъ „Новой Жизни“ ошарашились, даже с-эры черновцы дрогнули. Однако, эти еще надѣются, чтобы б-ки пойдутъ на уступочки (легкомысліе), увѣряютъ, что среди б-ковъ — расколъ... А, кажется, у нихъ свой начинается расколъ и нѣкоторые с-эры („лѣвые“

готовы, безъ соглашенiй, прямо броситься къ большевикамъ: возьмите насъ, мы ужъ сами большевики.

Въ Царскомъ убили священника за молебенъ о прекращенiи бойни (на глазахъ его дѣтей). Здѣсь тишина, церковь всѣ недавнiя молитвы за Врем. Пр-во тотчасъ же покорно выпустила. Банки закрыты.

Гдѣ Керенскiй — неизвѣстно; въ этой исторiи съ большевицкими „побѣдами" и его „побѣгомъ" есть какiе-то факты, которыхъ я просто *не знаю*. Борисъ тамъ съ нимъ былъ, это очевидно. Одну ночь онъ ночевалъ въ Царскомъ навѣрно (косвенныя свѣдѣнiя). Но былъ и въ Гатчинѣ. Ну, дастъ вѣсть.

4 ноября. Суббота.

Все то же. Писать противно. Газеты — ложь сплошная.

Впрочемъ: разстрѣлянная Москва покорилась большевикамъ.

Столицы взяты вражескими — и варварскими — войсками. Бѣжать некуда. Родины нѣтъ.

5 ноября. Воскресенье.

Прiѣхалъ Горькiй изъ Москвы. Началъ съ того, что объявилъ: „ничего особеннаго въ Москвѣ не происходило" (?!) Х. видѣлъ его мелькомъ, когда онъ ѣхалъ въ свою „Нов. Жизнь". Будто-бы, „растерянъ", однако „Нов. Жизнь" поддерживаетъ; помогать заключеннымъ (у него масса личныхъ друзей среди б-каго „правительства") и не думаетъ.

Въ станѣ захватчиковъ есть броженiя; но что это, когда два столпа непримиримыхъ и непобѣдимыхъ на своихъ мѣстахъ: Ленинъ и Троцкiй. Ихъ доходженiе до послѣднихъ предѣловъ и незыблемость объясняется: у Ленина попроще, у Троцкаго — посложнѣе.

Любопытны подробности недавнихъ встрѣчъ фронтовыхъ войскъ съ большевицкими (гдѣ всегда есть агитаторы). Войска начинаютъ съ озлобленія, со стычекъ, съ разстрѣла.. а большевики, не сражаясь, постепенно ихъ разлагаютъ, заманиваютъ, и, главное, какъ звѣрей, *прикармливаютъ.* Навезли туда мяса, хлѣба, колбасъ — и расточаютъ, не считая. Для этого они спеціально здѣсь ограбили все интендантство, провіантъ, заготовленный для фронта. Конечно, и виномъ это мясо поливается. Видя такой рай большевицкій, такое „угощеніе", эти изголодавшіеся дѣти-звѣри тотчасъ становятся „колбасными" большевиками. Это очень страшно, ибо ужъ очень явствененъ — дьяволъ.

Керенскій, дѣйствительно, убѣжалъ, — во время начавшихся „переговоровъ" между „его" войсками и б-цкими. Всѣхъ подробностей еще не знаю, но общая схема, кажется, вѣрна; эти „переговоры" — результатъ его непрерывныхъ колебаній (въ такія минуты!) его зигзаговъ. Онъ медлилъ, отдавалъ противорѣчивые приказы Ставкѣ, то выслать войска, то не надо, вызванныя возвращалъ съ дороги, торговался и тутъ (навѣрно съ Борисомъ и съ казаками: ихъ было мало, они должны были требовать подкрѣпленія). Устраивалъ „перемирія" для выслушиванія пріѣзжающихъ „соглашателей"... Словомъ, та-же преступная канитель, — навѣрно.

Разсказываютъ (очевидцы), что у него были моменты истерическаго геройства. Онъ какъ-то остановилъ свой автомобиль и, выйдя, одинъ, безъ стражи, подошелъ къ толпѣ бунтующихъ солдатъ... которая отъ него шарахнулась въ сторону. Онъ бросилъ имъ: „мерзавцы!", пошелъ, опять одинъ, къ своему автомобилю и уѣхалъ.

Да, фатальный человѣкъ; слабый... герой. Мужественный... предатель. Женственный.. революціонеръ. Истерическій главнокомандующій. Нѣжный, пылкій, боящійся крови — убійца. И очень, очень, весь — несчастный.

6 ноября. Понедѣльникъ.

Я кончу, видно, свою запись въ аду. Впрочемъ — адъ былъ въ Москвѣ, у насъ еще предъадье, т. е. не лупятъ насъ изъ тяжелыхъ орудій и не душатъ въ домахъ. Московскія звѣрства не преувеличены — преуменьшены.

Очень странно то, что я сейчасъ скажу. Но... мнѣ СКУЧНО писать. Да, среди краснаго тумана, среди этихъ омерзительныхъ и небывалыхъ ужасовъ, на днѣ этого безсмыслія — скука. Вихрь событій и — неподвижность. Все рушится, летитъ къ чорту и — нѣтъ жизни. Нѣтъ того, что дѣлаетъ жизнь: элемента борьбы. Въ человѣческой жизни всегда присутствуетъ элементъ волевой борьбы; его сейчасъ почти нѣтъ. Его такъ мало въ центрѣ событій, что они точно сами дѣлаются, хотя и посредствомъ людей. И пахнутъ мертвечиной. Даже въ землетрясеніи, въ гибели и несчастіи совсѣмъ внѣшнемъ, больше жизни и больше смысла, чѣмъ въ самой гущѣ нынѣ происходящаго, — только начинающаго свой кругъ, быть можетъ. Зачѣмъ, къ чему теперь какіе-то человѣческіе смыслы, мысли и слова, когда стрѣляютъ вполнѣ безсмысленныя пушки, когда все дѣлается посредствомъ „какъ бы“ людей, и уже не людей? Страшенъ автоматъ, — машина въ подобіи человѣка. Не страшнѣе ли человѣкъ — въ полномъ подобіи машины, т. е. безъ смысла и безъ воли?

Это — война, только въ послѣднемъ ея, небываломъ, идеальномъ предѣлѣ: обнаженная отъ всего, голая, послѣдняя. Какъ если бы пушки сами застрѣляли, слѣпыя, не знающіе куда и зачѣмъ. И *человѣку* въ этой „войнѣ машинъ“ было бы — сверхъ всѣхъ представимыхъ чувствъ — еще СКУЧНО.

Я буду, конечно, писать... Такъ, потому что я лѣтописецъ. Потому что я дышу, сплю, ѣмъ... Но я не живу.

Завтра предполагается ограбленіе б-ками Государственнаго Банка. За отказомъ служащихъ допустить это ограбленіе на виду — б-ки смѣнили полкъ. Ограбятъ завтра при помощи этой новой стражи.

Видѣла жену Коновалова, жену Третьякова. Союзныя посольства дали знать въ Смольный, что если будутъ допущены насилія надъ министрами — они порываютъ всѣ связи съ Россіей. Что еще они могутъ сдѣлать? Третьякова предлагаетъ путь подкупа (въ видѣ залога; да этимъ, видно, и кончится). Они выйти согласятся лишь вмѣстѣ.

У X. былъ Горькій. Онъ производитъ *страшное* впечатлѣніе. Темный весь, черный, „некочной". Говоритъ — будто глухо лаетъ. Бѣдной Коноваловой при немъ было очень тяжело. (Она — милая француженка, виноватая предъ Горькимъ лишь въ томъ, развѣ, что ея мужъ „буржуй и кадетъ"). И вообще получалась какая-то каменная атмосфера. Онъ отъ всякихъ хлопотъ за министровъ начисто отказывается.

— Я... органически... не могу... говорить съ этими... мерзавцами. Съ Ленинымъ и Троцкимъ.

Только что упоминалъ о Луначарскомъ (сотрудникъ „Н. Жизни", а Ленинъ — когда-то совсѣмъ его „товарищъ") — я и возражаю, что поговорите, молъ, тогда съ Луначарскимъ... Ничего. Только все о своей статьѣ, которую ужъ онъ „написалъ"... для „Нов. Жизни"... для завтрашняго №... Да чортъ въ статьяхъ! X. пошелъ провожать Коновалову, тяжесть сгустилась. Дима хотѣлъ уйти... Тогда ужъ я прямо къ Горькому: никакія, говорю, статьи въ „Нов. Жиз." не отдѣлятъ васъ отъ б-ковъ, „мерзавцевъ", по вашимъ словамъ; вамъ надо уйти изъ этой компаніи. И, помимо всей „тѣни" въ чьихъ нибудь глазахъ, падающей отъ близости къ б-камъ, — что самъ онъ, спрашиваю, самъ-то передъ собой? Что говоритъ его *собственная совѣсть?*

Онъ всталъ, что-то глухо пролаялъ:

— А если... уйти... съ кѣмъ быть?

Дмитрій живо возразилъ:

— Если нечего ѣсть — ѣсть-ли все таки человѣческое мясо?

Здѣсь обрывается текстъ моей „Петербургской Записи“, — все, что отъ нея уцѣлѣло и, послѣ долгихъ лѣтъ попало въ мои руки. Продолженія (которое по размѣру почти равно печатаемому, хотя обнимаетъ всего 20 слѣдующихъ мѣсяцевъ) я не имѣю, и, вѣроятно, никогда имѣть не буду. У меня сохранились лишь отрывочныя замѣтки самыхъ послѣднихъ мѣсяцевъ въ СПБ. (іюнь 19 г. по янв. 20 г.), — эти замѣтки вошли въ сборникъ „Царство Антихриста“, вышедшій заграницей въ 21 г. на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Онѣ будутъ впослѣдствіи перепечатаны въ отдѣльномъ изданіи, соединенныя съ такими же замѣтками о шестимѣсячномъ нашемъ пребываніи въ Польшѣ въ 1920 г., съ января по ноябрь.

Авторъ.